

В. А. ЯНИН

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
СРЕДНЕВЕКОВОГО
НОВГОРОДА**

Валентин Лаврентьевич Янин

Очерки истории средневекового Новгорода

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=273712
Очерки истории средневекового Новгорода. : Языки славянских культур; 2008
ISBN 978-5-9551-0256-6

Аннотация

Средневековый Новгород всегда привлекал внимание исследователей. Для одних он почитался как родина российской монархии. Для других стал символом республиканских устремлений и колыбелью вечевой демократии. Масштабные археологические исследования Новгорода в последние десятилетия многократно умножили сумму источников по истории этого города и государства. Открытие берестяных грамот, число которых сегодня приближается к 1000, позволило услышать голоса новгородцев, живших в XI–XV столетиях, и решить многие проблемы, считавшиеся раньше спорными. Стал понятным механизм возникновения новгородского боярства и боярского землевладения. Выяснены этапы формирования республиканских органов управления государством. Обозначилась роль Новгорода в системе европейских торговых и культурных связей. Максимально уточнилась роль приглашаемого в Новгород князя, деятельность которого была резко ограничена. Вместе с тем сделался понятным кризис вечевого строя, наступивший во второй половине XV века, когда приобщение к власти боярства в целом привело новгородское общество к разочарованию в справедливости боярской власти, что максимально облегчило для Ивана III задачу присоединения Новгорода к Москве. Эта акция стала основой возникновения Российского государства. Освещению этих и многих других проблем истории средневековой Руси посвящена предлагаемая читателю книга очерков.

Книга подготовлена к изданию при поддержке проекта Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого «Великий Новгород в мировой и отечественной истории и культуре» в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 годы)»

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 07-01-16108

Содержание

Предисловие	4
Введение	6
Новгородская земля до возникновения Новгорода	9
Становление Новгорода	19
Новгород во времена Ярослава Мудрого и его ближайших преемников	24
Успехи боярства в борьбе за власть в конце XI – начале XII вв.	30
Борьба бояр за власть на фоне княжеских усобиц середины XII века	40
Борьба боярских территориальных группировок за власть	47
Мирошка Несдинич и Олисей-Гречин	57
Восстание 1207 года	64
Новгородские бояре и князья в первой трети XIII века	68
Новгород на острие ордынского нашествия	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Валентин Лаврентьевич Янин

Очерки истории средневекового Новгорода

*Посвящаю моим друзьям и коллегам,
которые любят Новгород так же, как я*

Предисловие

Впоследние десятилетия ко мне не раз обращались коллеги, ученики, друзья с настоятельной просьбой написать историю Новгорода. Однако я считаю, что создание полноценной истории средневекового Новгорода в настоящее время невозможно, прежде всего потому, что до сих пор не все аспекты многообразной жизни этого города изучены в полной мере. Вместе с тем необходимость связного последовательного изложения истории уникального центра средневековой Руси, каким был Новгород, давно назрела.

В предлагаемых читателю «Очерках истории средневекового Новгорода» основное внимание уделено возможностям археологического изучения проблемы, которая прежде изучалась на материалах летописей и немногочисленных письменных источников. В Великом Новгороде работает основанная в 1932 г. Артемием Владимировичем Арциховским экспедиция, отметившая в 2007 г. свое 75-летие. Главный ее успех состоит в открытии берестяных грамот XI–XV вв., число которых к концу полевого сезона 2007 г. достигло 961. Еще 41 грамота найдена в Старой Руссе и 19 в Торжке – древних новгородских городах. Если учесть, что до открытия берестяных грамот существовало только три аутентичных памятника гражданской истории, датируемых XI – первой половиной XIII вв. и что число берестяных грамот того же времени уже превысило 400 экземпляров, станет очевидным громадный потенциал вновь открытых текстов.

Я впервые участвовал в раскопках Новгорода в 1947 г., после окончания первого курса Московского университета и тех пор навсегда связал свою судьбу с изучением средневековой истории этого города.

В 1962 г. А. В. Арциховский сделал меня своим преемником на посту начальника Новгородской экспедиции. За шестьдесят лет моего участия в раскопках Новгорода мне довелось пережить два поистине звездных часа. В 1951 году я был свидетелем открытия первой берестяной грамоты. А в 2000 году стал первым читателем найденной тогда древнейшей во всем славянском мире датированной книги – обнаруженной при раскопках «Новгородской псалтыри», пособия, по которому учились первые новгородские христиане в конце X – начале XI века.

Посвятив свои научные изыскания в первую очередь политической истории средневекового Новгорода, я избрал основным инструментом этих изысканий метод комплексного исследования, сочетающий исследовательские методики разных научных дисциплин. Летописные известия должны проверяться средствами археологии. Давно ставшие самостоятельными в своей методике нумизматика, сфрагистика, генеалогия, историческая география и прочие так называемые «вспомогательные дисциплины истории» нуждаются в перекрестной проверке, дополняющей выводы, сделанные при изучении письменных и археологических источников. Только сочетание в исследовании всех этих на первый взгляд разнородных дисциплин способно прояснить путь движения к истине.

Этот методический подход и положен в основу тех очерков средневековой истории Великого Новгорода, которые вам, дорогой читатель, предстоит прочесть.

Выражаю искреннюю признательность всем тем, кто побуждал меня к работе над этой книгой. Особые слова благодарности обращаю к моей жене, Елене Александровне Рыбиной, за активную помощь в подготовке к изданию этой книги: редактировании текста, подборе иллюстраций, авторском участии в очерке «Культура Новгорода на общерусском фоне» и написании очерка «Международные связи Новгорода».

Москва, март 2008 г.

Введение

Средневековый Новгород с его своеобразным политическим устройством всегда привлекал внимание исследователей. Со времен А. Н. Радищева и декабристов он был в центре внимания передовой общественной мысли России как идеал свободолюбия и колыбель вечевой демократии. Научные представления об истории Новгорода в течение длительного времени формировались на основе традиционных письменных источников. Масштабные археологические исследования Новгорода в последние десятилетия многократно умножили сумму источников по истории этого города и государства. Открытие берестяных грамот, число которых сегодня приближается к 1000, позволило услышать голоса новгородцев, живших в XI–XV столетиях, и решить многие проблемы, считавшиеся раньше спорными.

Традиционные представления о раннем Новгороде, прочно утвердившиеся в научной литературе XIX – середины XX вв., могут быть сведены к следующим положениям. Население северозападных областей Восточной Европы сформировалось в конце I тысячелетия н. э. главным образом за счет притока славян с юга, из Среднего Поднепровья, а сам Новгород возник в IX столетии как форпост Киевского государства на его северных рубежах.¹ Экономический рост Новгорода в IX – начале XII вв. привел к торжеству в нем сепаратистских тенденций, к борьбе за политическую независимость, что в 1136 г. позволило боярству Новгорода в результате успешного восстания лишиться князя верховной власти и создать боярскую республику во главе с избираемым на вече посадником. В дальнейшем институты республиканской власти прогрессировали, усиливая своеобразие Новгорода, возникшее, таким образом, в первой половине XII в.

Изложенному представлению соответствовали и лингвистические концепции, постулировавшие наличие языкового единообразия на всей территории расселения восточных славян в раннюю эпоху и возникновение областных диалектов в эпоху удельной раздробленности, т. е. начиная с того же XII столетия.

Между тем в последние десятилетия наука постепенно накапливала факты, свидетельствующие о существовании исторического своеобразия Новгорода задолго до решающих преобразований 1136 г. и о наличии существенных различий в политическом устройстве, языке, денежно-весовой системе. Оказалось, что княжеская власть, в том аспекте, который имеет отношение к Новгороду, не привнесена распространением на Новгород политической системы Киевской Руси. Напротив, импульс к объединению Северо-Западных и Южных русских земель был дан не из Киева, а из Новгорода известным походом Олега 882 г., когда Киев был завоеван новгородским князем, перенесшим туда свою резиденцию.

Уже в 80-е годы XI в. наряду с княжеской властью в Новгороде конституируется представительный орган боярства – посадничество. Еще в X в. способы сбора государственных доходов в Новгородской земле резко отличались от тех, которые употреблялись на юге Руси. Там князь с дружиной осуществлял дважды в году цикл полюдя; а на Северо-Западе утвердилась система погостов, сама многочисленность которых требовала участия значительного аппарата сборщиков.

Принципиальное значение имеет также следующее обстоятельство. Было установлено, что крупная частная собственность на землю – основа экономического могущества новгородских бояр – возникает не ранее рубежа XI–XII вв. Однако успехи антикняжеской борьбы боярства очевидны уже в тот период, когда боярской вотчины в Новгороде не было. История же боярских усадеб в результате археологических раскопок изучена на протяжении X

¹ См., например: Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964; Он же. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993.

—XV вв., а характеристика таких усадеб не обнаруживает никакого изменения, которое можно было бы связать с возникновением вотчины. И в XII–XV вв., и в X–XI вв. боярская усадьба в ее поразительно стабильных границах является центром переработки продуктов сельского хозяйства и ремесла. Ремесло на этих усадьбах обеспечивалось сырьем преимущественно импортного происхождения, поступавшим за счет торговли продуктами сельского хозяйства, охоты и рыбного промысла. Это значит, что само новгородское боярство с самого начала и составляло аппарат сборщиков государственного дохода, чем ранняя система административного управления в Новгородской земле кардинально отличалась от той, которая свойственна южно-русским землям.²

Весьма любопытную картину открывает топография древнейших монетных находок, которая показывает существование не только в IX, но даже и в XI в. двух экономически замкнутых областей с особыми денежно-весовыми системами в каждой: одна – на юге, а другая – на северо-западе Восточной Европы.³ Показательно, что южная денежно-весовая система была ориентирована на византийскую литру, а северная – на западноевропейскую марку.

Весь комплекс накопленных наукой за последние десятилетия фактов убедительно свидетельствует о том, что на заре формирования феодальных отношений в Древней Руси существовали два главных ядра новой государственности, возникшие независимо одно от другого: «Русская земля», политическим центром которой стал Киев, и Северо-Западная Русь с центром в Новгороде. Их объединение в конце IX в. с передачей верховенства Киеву сделалось фундаментом возникновения того грандиозного явления, которое историки позднее назвали Древнерусским государством или Киевской Русью. В этом и состоит главная историческая роль Новгорода на раннем этапе его существования.

* * *

В XV в. Новгороду суждено было сыграть выдающуюся роль в истории нашей страны. Речь идет о завершающем этапе новгородской независимости. На протяжении многих столетий Новгород отстаивал свою независимость не только от иноземных агрессоров, но и от попыток сильнейших русских князей подчинить его своей воле. Важнейшими историческими этапами этой борьбы было сопротивление новгородцев киевским князьям в XI–XII вв., знаменитая победа новгородцев над суздальцами в 1170 г., блестяще запечатленная в новгородской живописи, сопротивление «насилиям» Александра Невского. Однако во всех упомянутых случаях речь шла о завоевании и защите республиканского, вечевого строя, тех «свобод», которые стали для Новгорода конституционными.

Во все эти времена Новгород оставался органической частью Русской земли, поддерживая спасительный в условиях постоянной иноземной угрозы союз с другими русскими областями, чему, в частности, служило и сохранение княжеского стола в системе республиканской государственности: приглашение князя было равнозначно заключению военно-политического союза с тем княжеством, откуда приходил в Новгород приглашенный князь. Даже в возникших с середины XIV в. условиях жесткого противостояния Москве измены общерусскому делу нет, о чем убедительнейшим образом свидетельствует участие новгородцев в Куликовской битве. В церкви Бориса и Глеба в Плотниках сохранялся скорбный синодик – поминание павших в сражениях новгородцев, в котором поминаются и погибшие на Дону при великом князе Дмитрие Ивановиче⁴.

² Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.

³ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

⁴ Шляпкин И. А. Синодик 1552–1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви. // Сборник Новгородского общества

Новгородская республика была республикой боярской, классовым орудием крупнейших землевладельцев, которые с момента создания собственных государственных органов с особой жадностью принялись расхищать фонд общинных земель, превращая его в феодальные вотчины, лишая свободы массы новгородского населения и в деревне, и в городе и все более и более ужесточая формы его эксплуатации. Примерно к середине XIV в. процесс обояривания черных земель был практически завершен, и с этого момента главным объектом защиты со стороны боярского государства становится отнюдь не вечевой строй, а та система феодальных богатств, которая сосредоточилась в руках верхушки населения Новгорода.

Летопись показывает, как постепенно растет сопротивление народа боярскому государству, прорываясь в многочисленных восстаниях, накал страстей в которых боярство постоянно стремится использовать в собственных целях. Страх перед народным недовольством диктует боярству необходимость консолидации, которая проявляется в постоянном совершенствовании государственной системы власти. Последнее существенное ее преобразование происходит сразу же после самого мощного народного движения 1418 г., известного как восстание Степанки. Эта государственная реформа по существу ликвидирует вечевой строй, на смену которому приходит олигархия «Совета господ»⁵. Начиная с восстания Степанки летопись и берестяные документы неоднократно демонстрируют свершившееся прозрение, формирование антибоярского самосознания черного люда Новгорода. К XV в. относится цикл литературных произведений, обличающих издоимство бояр и посадников, несправедливость боярского суда. О каких-либо проявлениях демократии в XV в. говорить не приходится. И когда наступает решительный момент окончательного столкновения Москвы и Новгорода, оказывается, что простому населению Новгородской земли нечего защищать в сложившихся к тому времени порядках. Сражения не происходит. Требования великого князя о распространении на Новгород порядков Русского государства принимаются после недолгого сопротивления бояр, которые слезно молят Ивана III даже не о том, чтобы он сохранил в их руках власть, а о том, чтобы он не лишил их вотчин — «вывода бы не учинил». Поэтому присоединение Новгорода к Москве оказывается не актом подавления демократии, а актом, в котором реализовалось социальное недовольство низов новгородского населения. Не было столкновения деспотизма и демократии. Было столкновение двух однородных сил феодализма, в котором новгородская боярская власть не получила поддержки со стороны населения.

События 1477–1478 гг. сыграли в высшей степени выдающуюся роль в истории нашего Отечества. Именно они превратили Русское государство в Российское национальное государство. Как прежде Древнерусское государство образовалось в результате объединения Новгорода и Киева, так и теперь Россия обрела свое государственное могущество на основе объединения Москвы и Новгорода.

С момента своего возникновения Новгород называется «новым городом». В самом его названии заключена очевидная странность: древнейший русский город называется городом Новым. Это имя город пронес от рождения до наших дней, внушив особое уважение к феномену своей истории.

любителей древности. Вып. 5. Новгород, 1911. С. 6–7.

⁵ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 232–273.

Новгородская земля до возникновения Новгорода

Обширные пространства российского Северо-Запада, изобилующие лесами, озерами, болотами, на протяжении длительного периода (со времен неолита и бронзового века) были заселены племенами угро-финской языковой группы. Начиная с VI–VII вв. сюда началось проникновение славянских племен, которое не привело к столкновению с аборигенным населением. По наблюдениям языковедов, древнейшие восточнославянские заимствования в прибалтийско-финские языки восходят к VII в.

Славянское расселение на Северо-Западе привело к созданию двух обширных регионов – культуры длинных курганов (рис. 1) и культуры сопок (рис. 2). Территория распространения длинных курганов включает в себя бассейн реки Великой и Псковского озера, верховья рек Плюссы и Западной Двины, а также верховья реки Луги, среднее течение Мсты и левые притоки Мологи. Что касается сопок, то они известны главным образом в бассейне озера Ильмень с впадающими в него реками Шелонь, Ловать, Пола и Мста.

Исследователи обратили внимание на существенную разницу в ландшафтных характеристиках этих двух регионов. Область длинных курганов ныне изобилует сосновыми лесами, возникшими на месте смешанных сосново-дубовых лесов. Такое изменение растительного покрова явилось результатом хозяйственной деятельности населения, базирующейся на подсечном земледелии. Что касается поселений и погребений культуры сопок, то они тяготеют к районам распространения еловых и широколиственных лесов, произрастающих на наиболее удобных для пашенного парового земледелия почвах.

Этим характеристикам отвечает и разная система поселений на территориях обеих культур. В зоне длинных курганов поселения не остаются подолгу на одном месте, перемещаясь к вновь подготовленному подсекой хозяйственному участку, тогда как в зоне сопок они отличаются заметной стабильностью.

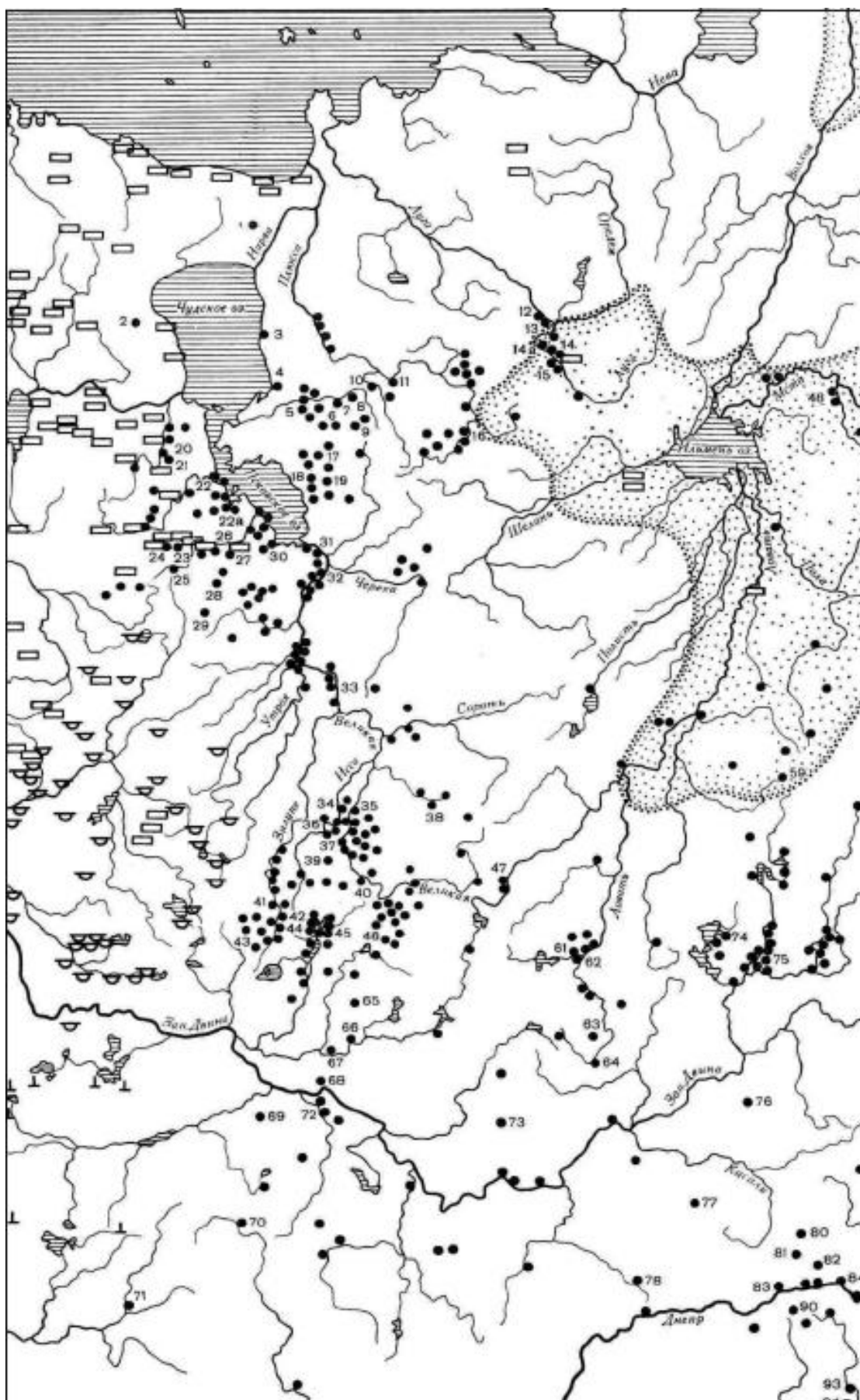
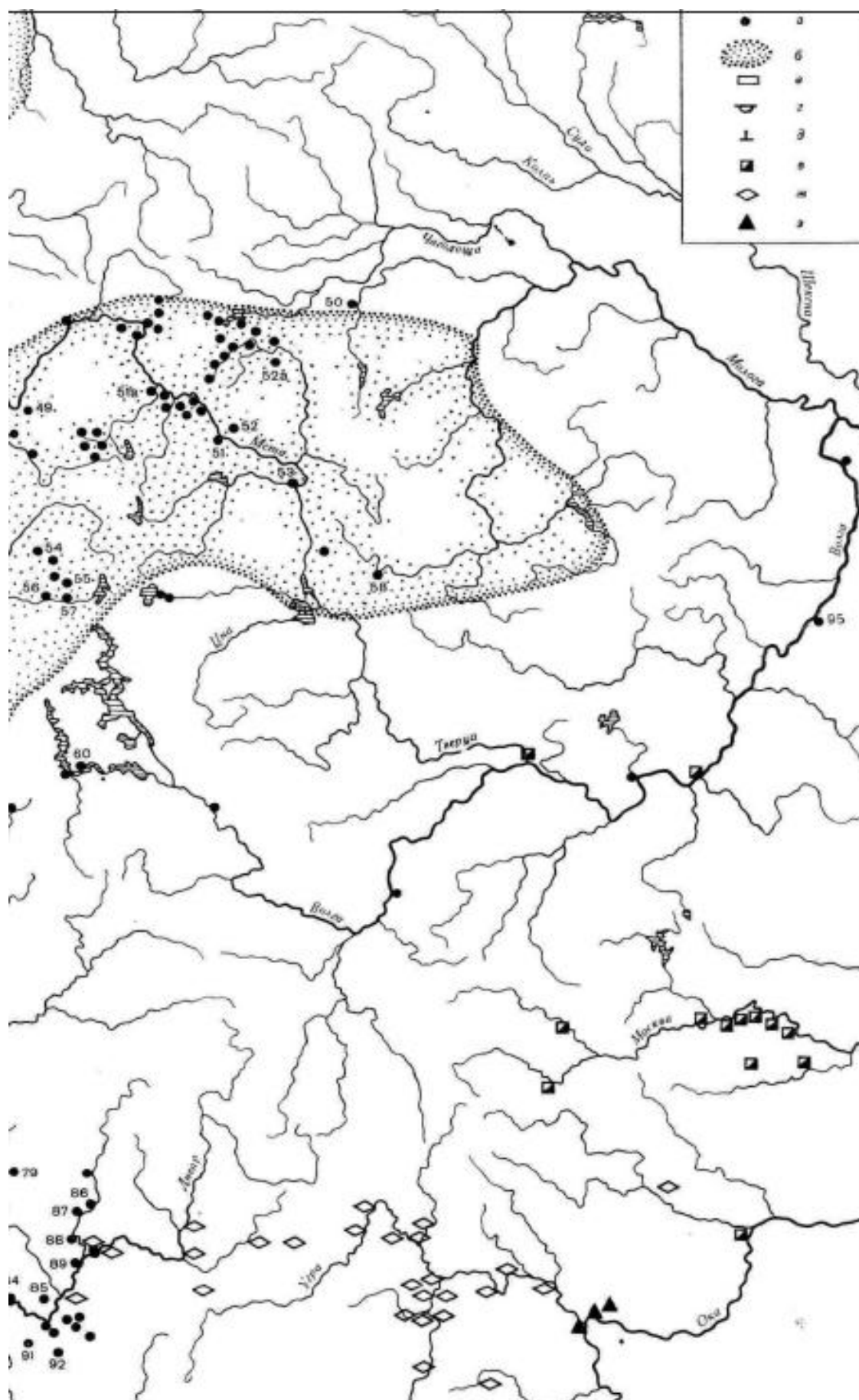

Рис. 1. Карта: Длинны курганы (по В. В. Седову)

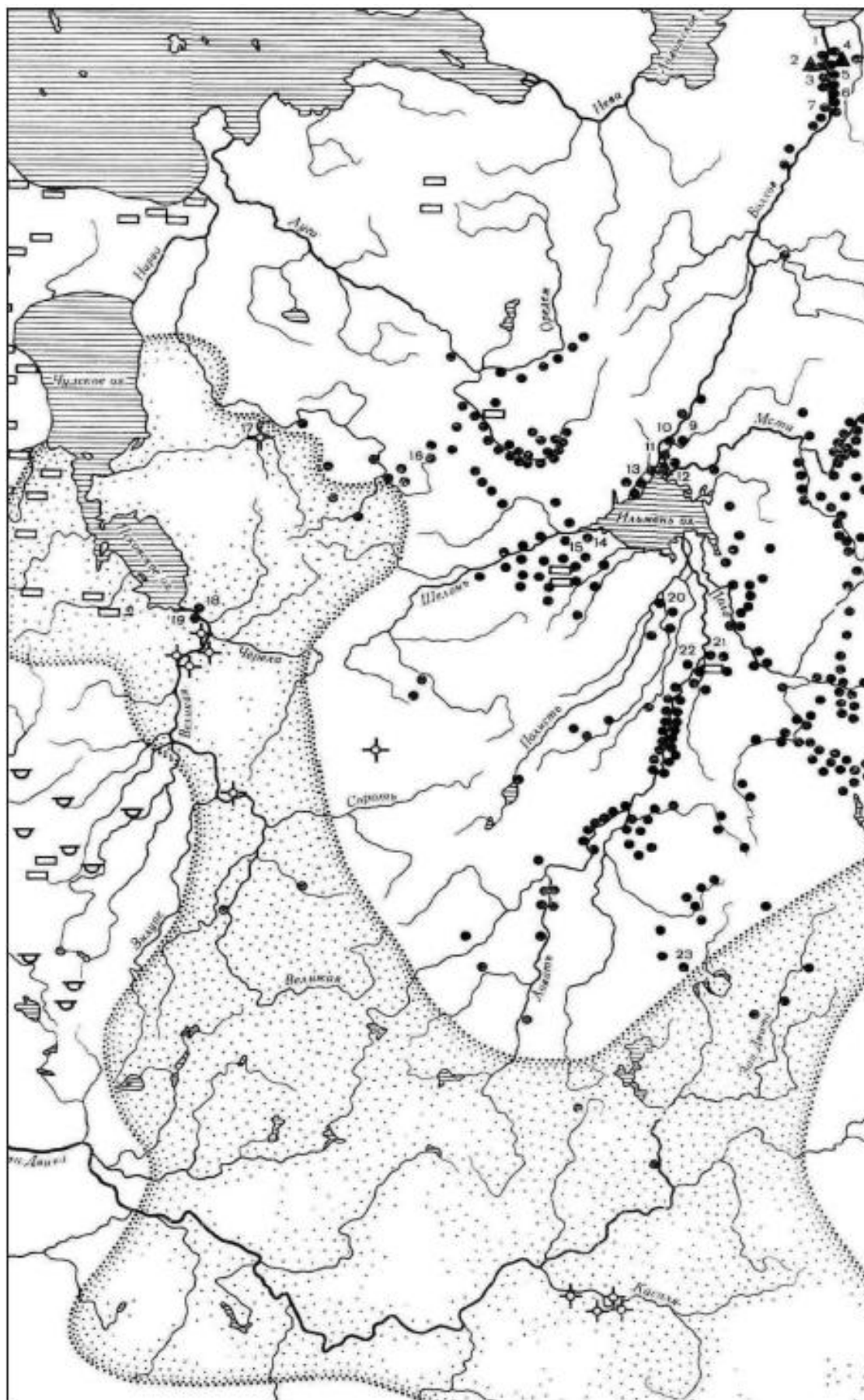
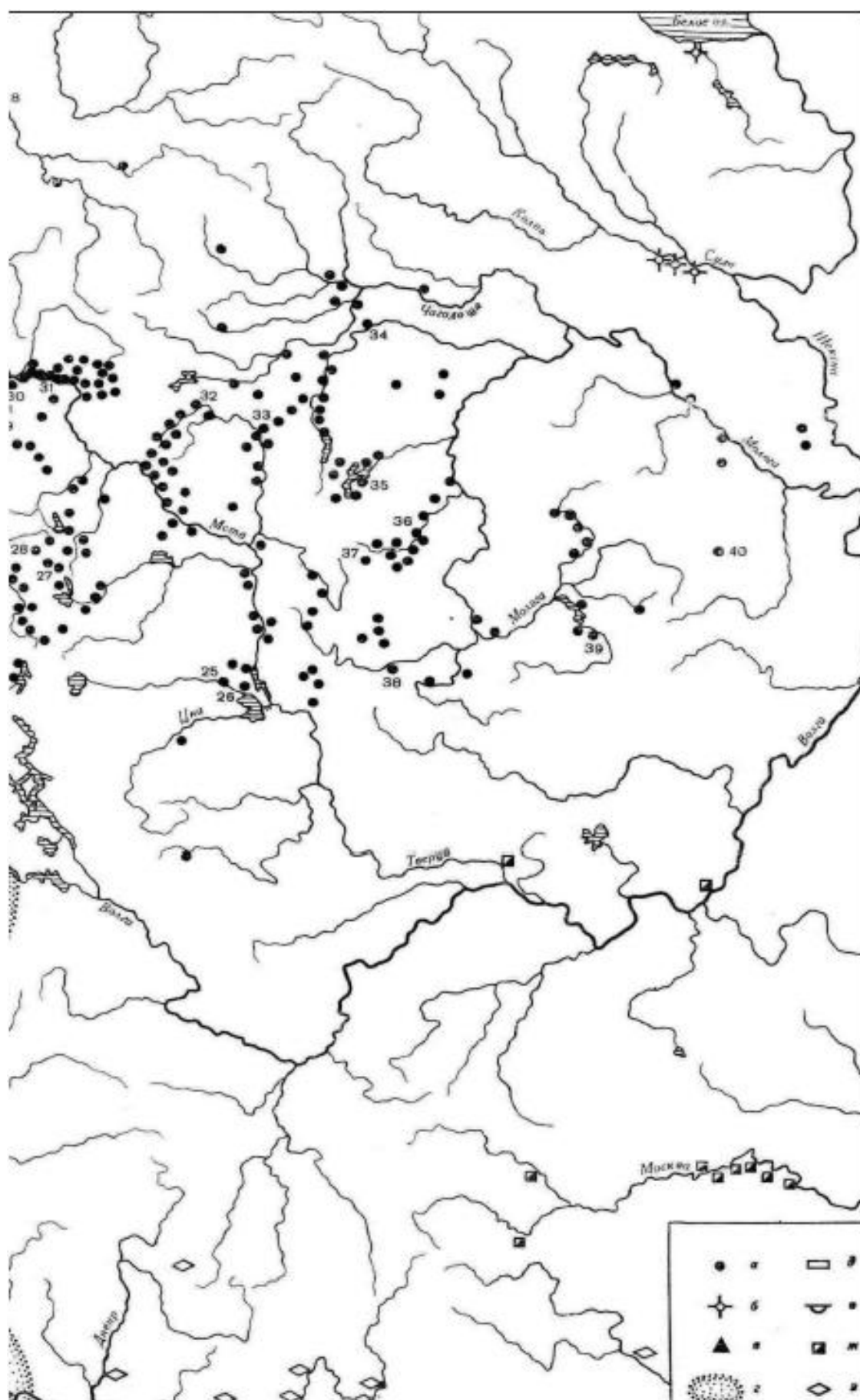

Рис. 2. Карта: сопки (по В. В. Седову)

Разница в хозяйственных характеристиках обеих славянских культур отражает хронологию их проникновения на территорию российского Северо-Запада. Культура псковско-новгородских длинных курганов прослеживается археологами с VI–VII вв. Согласно исследованиям В. В. Седова, славяне, оставившие эту культуру, продвинулись сюда из областей, входивших в бассейны рек Вислы и Одера. В процессе своего движения через земли балтов они заимствовали от них некоторые элементы культуры. Осев сначала в регионе Псковского озера и реки Великой, славяне затем начали распространение на восток, в обход Ильменя и волховского бассейна, низменное положение которого в VI–VII вв. не соответствовало условиям нормального хозяйствования⁶.

В третьей четверти I тысячелетия иные группы славян – культуры сопок и пашенного земледелия – проникли на русский Северо-Запад и расселились в бассейнах озер Ильменя и Чудского. Надо полагать, что исходные пункты этого проникновения находились также в регионе западного славянства, о чем свидетельствуют особенности древненовгородского диалекта, выявленные А. А. Зализняком. Главная особенность этого диалекта состоит в отсутствии второй палатализации заднеязычных, свидетельствующая о том, что обе группы славян Северо-Запада в VI–VIII вв. находились в изоляции от всех остальных славянских этносов, которые процесс второй палатализации пережили. Барьером изоляции, вероятно, служил «балтский пояс», охватывающий с юга освоенные славянами земли Северо-Запада. Сумма особенностей древненовгородского диалекта находит ближайшие аналоги в западно-славянских диалектах (прежде всего – в лехитском). Это наблюдение находит существенное подтверждение в материалах археологии. От древнего южнорусского (киевского) диалекта новгородский отличается более чем двадцатью признаками⁷.

Наличие двух славянских культур и их территориальная привязка позволяют утверждать, что носители культуры длинных курганов называли себя кривичами, а носители культуры сопок – словенами. Бесконфликтность их внедрения в земли аборигенов – финно-угров – объясняется разными господствующими системами хозяйствования – земледелия и скотоводства у славян и охоты и рыбной ловли у аборигенов, – которые стали основой взаимной заинтересованности этнических групп, занимавших несовпадающие экологические ниши.

* * *

Важной особенностью северо-западного региона являлось его положение на пересечении главных торговых дорог, одна из которых соединяла Восток и Запад (Азию и Европу) («Волжский путь»), а другая – Юг и Север («Путь из Варяг в Греки»). В пределах этого региона оба пути имели разветвления. «Путь из Варяг в Греки» с верховьев Волги поворачивал на север через Ильмень и Волхов, и на запад – через Западную Двину. Те же маршруты имел на его северном участке и «Волжский путь». Важнейшим узлом обоих путей было озеро Ильмень и верховья Волхова, где торговые дороги сливались воедино. Для современного исследователя элементом, маркирующим оба пути, являются многочисленные монетные клады, древнейшие из которых состоят из серебряных дирхемов, чеканенных в основном в странах Ближнего Востока и Северной Африки. Самый ранний из этих кладов зафиксирован близ

⁶ Седов В. В. Проблема происхождения и начальной истории славян // Славянорусские древности, 1: Историко-археологическое изучение Древней Руси. Л., 1988. С. 7–21; Носов Е. Н. Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства // Там же. С. 21–38; Он же. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 157–170; Он же. Новгородское Городище в свете проблемы становления городских центров Поволжья // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб., 2005. С. 7–32.

⁷ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004

Старой Ладоги и по младшей монете датирован 786 годом⁸. Следует особо отметить, что древнейшие клады арабских монет в Западной Европе, пересекавших территорию русского Северо-Запада, и зарытые там на рубеже VIII–IX вв. и в первой четверти IX в., концентрируются не на Готланде и в материковой Швеции, а на южном – славянском – побережье Балтики. Из 16 западноевропейских кладов куфических монет конца VIII – первой трети IX в. только 3 обнаружены на Готланде и 1 в Упсале на территории материковой Швеции. Два ранних готландских клада (783 и 812 гг.) очень малы. В одном из них содержится 8, в другом 11 монет. Третий датируется 824 г., а клад из Упланда – 825 г. Остальные 12 западноевропейских кладов ничего общего со Скандинавией не имеют: 5 из них найдены в Померании и датируются 802, 803, 816, 816 и 824 гг.; 3 – в Восточной Пруссии и датируются 811, 814 и 818 гг.; 3 – в Западной Пруссии – 808, 813 и 816 гг.; 1 клад 810 г. обнаружен в Мекленбурге.⁹

Ключевое значение скрещения важнейших торговых путей у истока Волхова наглядно демонстрируется высокой концентрацией населенных пунктов конца I тысячелетия на этой территории¹⁰ (рис. 3 – по Носову).

Бытование арабской монеты в регионах новгородских словен и кривичей (а также и остальных земель восточных славян) не ограничивается транзитной ролью этих территорий. Оседание здесь восточного серебра сопровождается созданием собственной денежно-весовой системы на основе дирхема, получившего на славянской почве имя «куна».

Это обстоятельство демонстрирует важное направление хозяйственной деятельности местного населения, которое, таким образом, занималось не только земледелием, скотоводством, охотой и рыболовством, но и было активно вовлечено в международный торговый обмен.

* * *

Главным событием ранней истории славянского Северо-Запада стало временное подчинение его власти скандинавов. К середине IX в. летописи относят княжение в Киеве Кия и его братьев. Позднейший рассказ новгородской летописи, записанный впервые не ранее XI в. (т. е. спустя два столетия после описываемого события), сообщает: «Въ времена же Києва и Щека и Хорива новгородстии людие, рекомии Словене, и Кривици и Меря; Словене свою волость имели, а Кривици свою, а Мере свою; каждо своим родом владыше; а Чюдь своим родом; и дань даяху Варягом от мужа по белеи веверице; а иже бяху у них, то ти насилье даяху Словеном, Кривичем и Мерям и Чюди. И вьсташа Словене и Кривици и Меря и Чюдь на Варягы; и изгнаша я за море; и начаша владети сами себе и города ставити»¹¹.

⁸ Марков А. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910. С. 140. № 24.

⁹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. С. 89.

¹⁰ Носов Е. Н. Археологические памятники верховьев Волхова и ильменского Поозерья конца I тысячелетия н. э. (каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М., 1991. С. 5—37.

¹¹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М; Л., 1950 (далее НПЛ). С. 106.

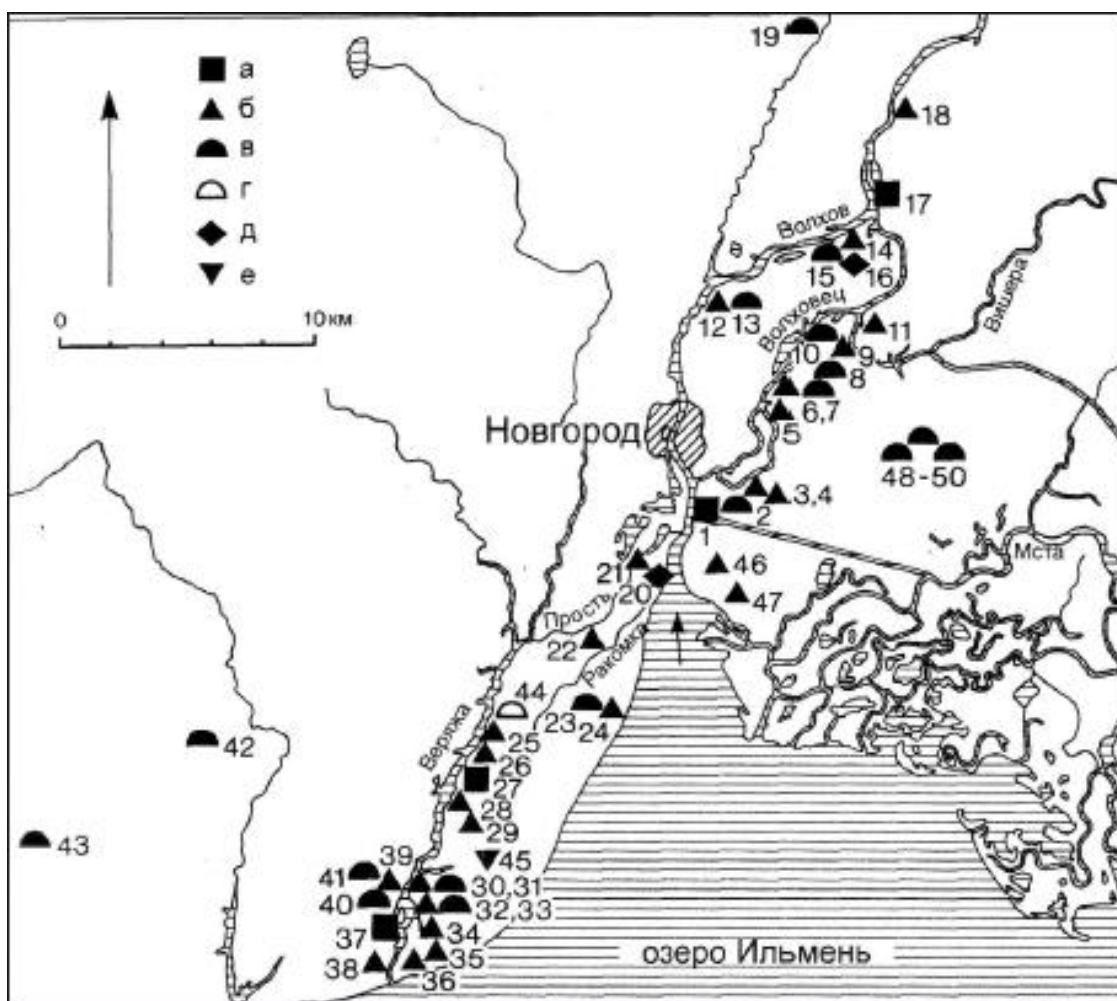

Рис. 3. Карта поселений в Поозерье (по Е. Н. Носову) а – городища; б – селища; в – сопки; г – предполагаемые места расположения сопки; д – языческое святилище; е – культовый камень. 1 – Рюриково городище; 2 – Нередица; 3, 4 – Ситка; 5 – Slutka I; 6, 7 – Волоотово; 8 – Ушерска; 9, 10 – Родионово; 11 – Мыза Сперанского; 12, 13 – Деревяницы; 14–16 – Хутынь; 17 – Холопий городок; 18 – Slutka II; 19 – Водское; 20 – Перынь; Прость; 22 – Ракомо; 23, 24 – Береговые Морины; 25–27 – Георгий; 28, 29 – Васильевское; 30, 31 – Любоежа; 32, 33 – Гойушково; 34 – Заболотье; 35, 36 – Еруново; 37, 38 – Сергово; 39–41 – Завал; 42 – Окатово; 43 – Базловка; 44 – Моисеевичи; 45 – Гвоздец; 46, 47 – Шиловка; 48–50 – Мшашка

Следует остановиться на некоторых «подтекстах» этого рассказа. Еще в середине IX в. словене, кривичи и аборигенные финно-угорские племена не были объединены («каждо своим родом владаше»). Их объединение было достигнуто в процессе восстания против притеснителей-варягов, обложивших все местное население подушной данью. Победа над варягами вернула власть местному населению, которое стало «города ставить». Вряд ли под последним действием нужно понимать сооружение неких значительных племенных центров. Речь здесь идет о создании укреплений в наиболее уязвимых возможных врагами пунктах – предприятие более чем естественное после пережитых от варягов притеснений.

Далее в том же летописном рассказе сообщается: «И вѣсташа сами на ся воеват, и бысть межи ими рать велика и усобица, и вѣсташа град на град, и не беше в них правды. И реша к собе: «князя поищем, иже бы владел нами и рядил ны по праву». Идоша за море к Варягом и ркоша: «земля наша велика и обилна, а наряда у нас нету; да поидете к нам княжить и владеть нами». Избращася 3 брата с роды своими. И пояша со собою дружину многу и

предивну, и приидоша к Новугороду. И седе старейшии в Новегороде, бе имя ему Рюрик; а други седе на Белоозере, Синеус; а третей в Изборьске, имя ему Трувор. И от тех Варяг, находник тех, прозвашася Русь, и от тех словес Руская земля; и суть новгородстии людие до днешнего дни от рода варяжьска. По двою же лету умре Синеус и брат его Трувор, и прия власть един Рюрик, обою брату власть, и нача владети един»¹². Летописи относят призвание Рюрика с братьями к 859 или 862 году.

На протяжении длительного времени рассказ о призвании варяжского князя признавался в российской историографии антипатриотическим мифом. Между тем истинность самого факта вокняжения на Северо-Западе варяжского князя подтвердилась раскопками Е. Н. Носова на Городище (в 3 км к югу от Новгорода), где вплоть до конца XV в. находилась резиденция новгородских князей. Ее формирование началось именно в середине IX в., и сумма находок, относящихся к этому времени, наглядно демонстрирует как элитарность комплекса, так и наличие в нем преобладающего норманнского элемента. Присутствие здесь воинов-варягов демонстрируют находки боевого оружия и культовых скандинавских предметов¹³.

Сомнительным представляется существование «братьев Рюрика». Давно уже обращено внимание на то, что «имена» братьев могут быть переведены как «верная дружина» (Трувор) и «свой род» (Синеус). Тем более, что, например, отдаленность Белоозера от Новгорода весьма значительна, а подчинение Новгороду более близкой в направлении Белоозера территории происходило только в середине X в., когда княгиня Ольга устанавливала погосты на Мсте. В Изборске принято демонстрировать каменный крест, стоящий якобы на могиле Трувора, в полном забвении того, что Трувор, если жил, то за полтораста лет до утверждения в Восточной Европе христианства.

Наиболее существенно то, что ни в Изборске, ни в Белоозере археологические раскопки каких-либо следов пребывания скандинавов в IX в. не обнаружили.

По версии Ипатьевской летописи, отразившей представления ладожан начала XII в., изначально варяги «придоша к Словеню первее, и срубиша город Ладогу, и седе старейшии в Ладозе Рюрик..., по двою же лету умре Синеус и брат его Трувор, и прия Рюрик власть всю один, и пришед к Ильмерю и сруби город над Волховом и прозваша и Новъгород, и седе ту князя»¹⁴. Эта версия послужила основой нынешней легенде о Старой Ладоге как «первой русской столице».

Здесь снова сочетаются реальность и миф. Вполне вероятна продолжительная остановка Рюрика в Ладоге, поскольку быстрому продвижению к Ильменю как узлу торговых путей препятствовали волховские пороги, к преодолению которых следовало обстоятельно подготовиться, в частности, решить вопрос о замене морских кораблей на плоскодонные, оценить уровень весеннего подъема воды над порогами, или предпочесть сухопутную дорогу в обход порогов. Такая вынужденная остановка отнюдь не превращает ее место в столицу.

Мифическим представляется утверждение об основании Рюриком «города над Волховом» и наречении его Новгородом. Коль скоро на территории собственно Новгорода нет никаких напластований IX в., очевидно, что речь идет о сооружении укреплений в резиденции на Городище, которая также является «городом над Волховом». Столь же легендарным представляется утверждение Новгородской 4 летописи об основании Новгорода старейшиной Гостомыслом еще до призвания Рюрика¹⁵.

¹² НПЛ. С. 106–107.

¹³ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990.

¹⁴ Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. 2. СПб., 1908. Стб. 14.

¹⁵ Там же. Т. 4, ч. 1. СПб., 1915. С. 3.

Существенной проблемой оказывается выяснение того региона Скандинавии, в который было направлено за князем посольство кривичей, словен и аборигенных племен. Было бы по меньшей мере странным, если бы «третейского судью» это посольство искало среди тех варягов, которые незадолго до того были притеснителями местного населения, изгнавшего их. Между тем скандинавский мир был достаточно обширен и разнообразен. Он включал в себя не только Швецию и Норвегию, но и Данию, и Британию, и Фрисландию. Летописный рассказ о выборе места призвания князя так недвусмысленно трактует это событие: «Идоша за море къ Варягомъ к Руси. Сице бо ся звахуть и варязи суть, яко се друзии зъвуться Свие, друзии же Оурмане, Анъгляне, друзии Гъте, тако и си реша Русь»¹⁶. Те варяги, которые были призваны в бассейн Ильменя и Волхова, не были ни шведами (Свеями), ни германцами (Урманями), ни британцами (Англянами), ни готландцами (Готами); они называли себя Русью. Позднейшая легенда сообщает о том, что Гостомысл отправил это посольство в Мальборк, город в Восточной Пруссии на южном берегу Балтики¹⁷, что ведет к отождествлению новгородского Рюрика с Рюриком Ютландским. Приглашение князя из Ютландии или Фрисландии представляется весьма логичным, коль скоро оба массива славянского переселения на русский Северо-Запад ведут свое происхождение из регионов, примыкающих к южному балтийскому побережью.

Вполне легендарной представляется версия Ипатьевской летописи об объеме владений Рюрика, который якобы в числе «волостей», розданных «мужам своим», числил Полоцк, Ростов, Белоозеро, Муром¹⁸. Надо полагать, что эта якобы подвластная Рюрику территория сконструирована из общего объема расселения не только кривичей и новгородских словен, но и всех известных позднейшему летописцу «кривичских» и «чудских» (угрофинских) племен – в том числе и тех, которые не входили в союз, пригласивший Рюрика.

В 879 г. Рюрик умер, передав княжение Олегу – своему родственнику («от рода ему суща»), отдав ему на руки своего сына Игоря, «бъше бо молод велми».

Через три года Олег с малолетним Игорем покинул Новгород и отправился на завоевание Смоленска и Киева. Следует еще раз напомнить, что к этому моменту на территории собственно будущего Новгорода какой-либо застройки еще не существовало. В процессе исследования культурного слоя на этой территории были выявлены участки наибольшей древности, но ни на одном из них напластований ранее X в. нет.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926. Стб. 19.

¹⁷ Там же. Т. 40. СПб., 2003. С. 26.

¹⁸ Там же. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 14.

Становление Новгорода

Уход Олега и Игоря на юг создает на Северо-Западе Руси политический вакуум. Князя, нарушившего договор, нет. Вместо него на Городище остается его безымянная дружина, вероятно – с княжеским наместником во главе. Но в это время нет еще и Новгорода. Как уже отмечено выше, раскопки в разных его районах не обнаружили культурных напластований IX в. Однако активное заселение места будущего Новгорода в 3 км от княжеской резиденции начинается именно на рубеже IX—X вв. Этот процесс совпадает с процессом запустения многих населенных пунктов в его округе. Надо полагать, что оба указанных процесса взаимосвязаны и вызваны тем самым политическим вакуумом, побудившим родоплеменную аристократию словен, кривичей и чуди к заселению территории на месте будущего Новгорода.

Раскопками выявлена картина состояния этой территории в первой половине X в. Это еще не город, а три поселка родовой аристократии, разделенные пустопорожними пространствами (рис. 4). Вокруг центральных усадеб поселков расположены пашни и сады, пересеченные грунтовыми дорогами. Сами названия поселков, ставших в дальнейшем основой административно-территориального деления Новгорода (его концов), говорят об их принадлежности главным компонентам союза племен Северо-Запада: Славенский (т. е. славянский; его называли также Славно или Холм – отсюда, вероятно, скандинавское имя Новгорода «Холмгард»), Неревский (от названия финно-угорского племени «норума», иначе «нерева»; ср. р. Нарва), Людин (от славянского «люди»; вероятнее всего, это поселок кривичей. В более позднее время Новгород делился на пять концов, но два из них – Плотницкий и Загородский – конституируются не ранее XII–XIII вв.

Преобразование этой рыхлой догородской структуры в город произошло в середине X в. В 947 г. киевская княгиня Ольга, упорядочивая административную систему государства, пришла на север и организовала походы, в результате которых были подавлены и присоединены конкурентные приильменскому региону обильно заселенные районы по течению рек Мсты и Луги: «Иде Вольга Новугороду, и устави по Мьсте повосты и дани и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по всеи земли, знамянья и места и повосты»¹⁹

Податная система Новгорода и объем государственных доходов значительно увеличились, в результате чего в нем началось мощение улиц, возникли системы благоустройства, уличная усадебная застройка и т. д. Раскопки на территории древнейших ядер застройки показали, что самая ранняя мостовая Великой улицы Неревского конца датирована 953 годом; самая ранняя мостовая Михайловой улицы Славенского конца сооружена в 974 г. В Людином конце система мощеных улиц формируется начиная с середины X в. Однако главная улица этого конца – Пробойная – получила свой древнейший настил примерно в 30-х гг. X в., и это вполне закономерно: она была главной дорогой («Русским путем»), ведущей на юг. Со второй половины X в. закономерно употребление термина «Новгород», поскольку именно тогда возникает общественный центр этого преобразования – Детинец (кремль), который поначалу и назывался «Новым городом» по отношению к трем старым поселкам-городкам и, возможно, по отношению к Городищу. Надо полагать, что тогда же формируется общегородской Торг на правом берегу Волхова, напротив Детинца. Возможно, тогда же строится Великий мост, соединивший обе стороны города.

Преображенный город обрел притягательную силу для общерусского княжеского дома. В 970-980-х гг. за право княжить в нем борются сыновья киевского князя Святослава Игоревича – Владимир и Ярополк, посылающие в него своих наместников. В конечном счете

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926. Стб. 60.

победа остается за Владимиром, при котором (когда он был уже киевским князем) вслед за Киевом Новгород около 990 г. принимает христианство, а вместе с ним получает от Владимира в князя его сына Ярослава, прозванного впоследствии «Мудрым». Летописные рассказы о христианизации Новгорода, записанные спустя сто лет и еще много позже, разноречивы и содержат немало легендарных подробностей. И тем не менее самая поздняя версия, извлеченная В. Н. Татищевым из несохранившейся Иоакимовской летописи, находит существенные археологические подтверждения. Согласно этому рассказу, крещение новгородцев присланными из Киева Добрыней (дядей Владимира Святославича) и Путятой и свержение идола Перуна вызвало активное противодействие части населения, принявшее ожесточенные формы на Софийской стороне, где разгрому и сожжению были подвергнуты прибрежные кварталы Неревского и Людина концов. Приведенная в рассказе поговорка «Добрыня крестил мечем, а Путята огнем» подтвердилась раскопками этих кварталов, выявившими следы мощного пожарища. В Неревском конце под слоем пожарища обнаружены два больших клада серебряных дирхемов, владельцы которых уже не имели возможности вернуться за своими сбережениями. Тот же рассказ сообщает о наличии в Неревском конце общины ранних христиан с церковью

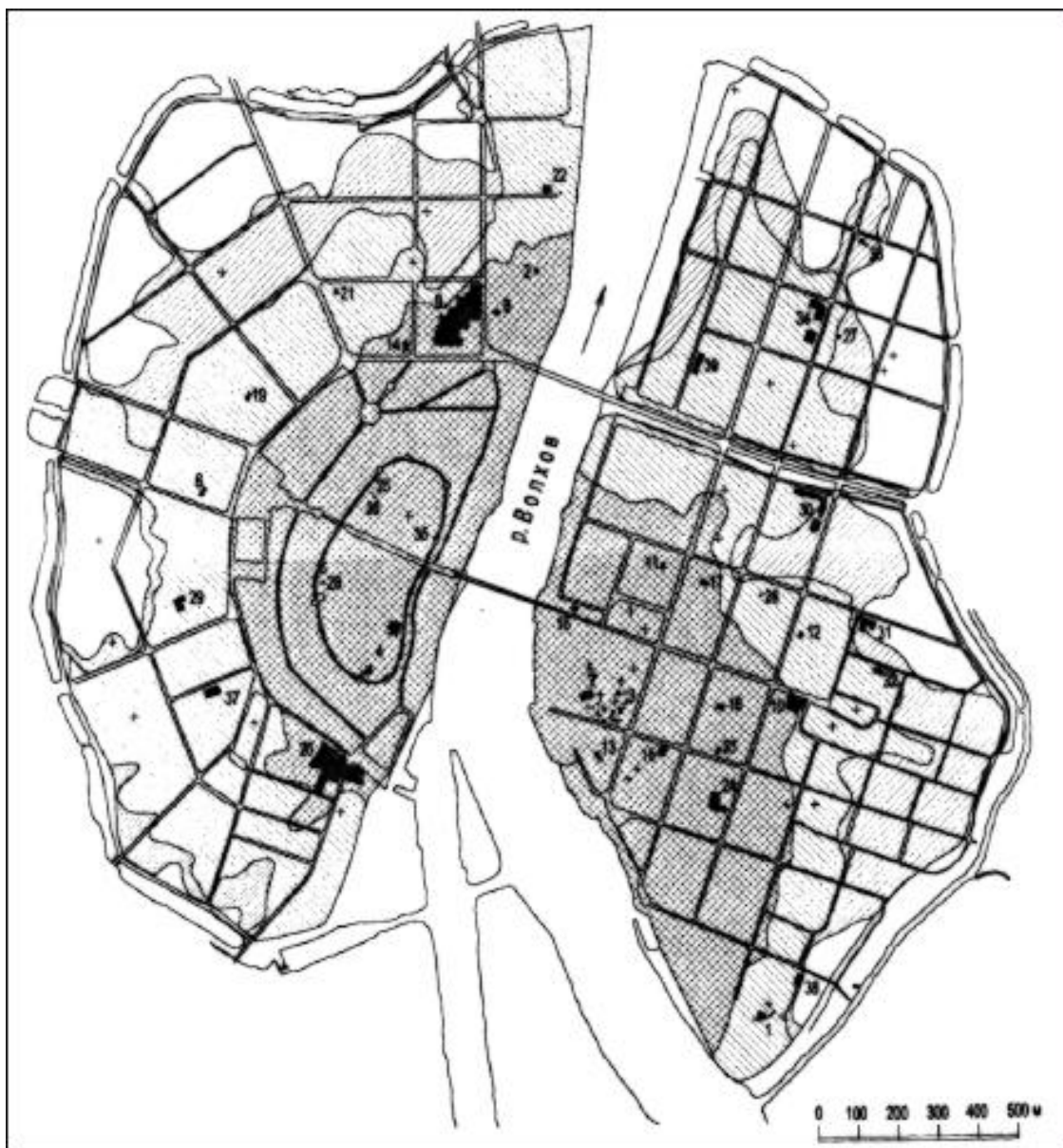

Рис. 4. Карта мощности культурного слоя Новгорода

Преображения. Именно эта община была объектом нападения противников крещения, которые сожгли и Преображенскую церковь. Следует отметить, что и в последующее время возобновленная церковь Преображения находилась в районе этого пожарища, а в слоях, предшествующих разорению, при раскопках обнаружено несколько нательных крестов, подтверждающих существование в Новгороде общины ранних христиан до официального крещения города²⁰.

В конце X в. в Новгороде построены первые после крещения церкви – деревянный собор св. Софии и храм святых Иоакима и Анны, посвящение которого связано с именем первого новгородского епископа – Иоакима.

* * *

Одной из наиболее значительных проблем в изучении новгородской государственности является вопрос о времени возникновения тех ограничений княжеской власти, которые фиксированы в позднейших условиях приглашения князя в Новгород. Они известны по самым ранним из дошедших до нас договоров Новгорода и князя, датирующихся началом 60-х гг. XIII в. (более ранние соглашения не сохранились) и ссылающихся на предшествующие dokonчания.²¹

Наиболее существенное ограничение состоит в запрещении приглашаемому князю и его людям собирать государственные доходы на новгородских землях. Это право принадлежит только самим новгородцам, которые из собранных сумм выплачивают князю так называемый «дар», т. е. вознаграждение за исполнение его обязанностей.

В ходе раскопок Новгорода в слоях конца X – первой четверти XII вв. неоднократно обнаруживались деревянные «замки» для гарантированного сохранения содержимого мешков с собранными в виде пушнины государственными доходами. Эти устройства представляют собой обрезаек березового или ольхового ствола с двумя взаимно пересекающимися каналами и на поверхности содержат надписи, указывающие принадлежность содержащегося в мешке князю или самим сборщикам налогов, которым согласно древнейшему законодательному кодексу «Русской правде» полагался определенный процент собранного. Через горловину мешка продергивалась веревка или ремешок, концы которого с двух сторон вводились в продольный канал и завязывались узлом. Потом узел убирался внутрь, в поперечный канал вводилась расклиненная деревянная пробка, а в ее узкий конец забивался клин, в результате чего она становилась неизвлекаемой. Украсть что либо из запертого таким образом мешка или произвести замену мехов на менее ценные можно было – либо разрезав мешок, либо разломав замок, либо разрезав веревку. В любом случае кража была бы сразу обнаружена²².

В качестве примера познакомимся с некоторыми надписями на таких «замках». Один из них, обнаруженный в слое конца X в., содержит следующий текст: «Мецъницъ м#хъ въ Тихъм[ен]г# пол[чет]ъв#ръ[та]» (Мешок мечника в Тихменге, три с половиной) (рис. 5, 3). Мечник, по «Русской правде», – сборщик государственных доходов в определенном регионе. Тихменга – река, впадающая в озеро Лаче на границе новгородских и белозерских владений, и примыкающий к ней район. «Три с половиной» (вероятно, гривны) – сумма содержимого мешка, причитающаяся мечнику²³. На «замке», найденном в слое конца XI в., имеется над-

²⁰ Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город: Исследования и материалы. Вып. 7. М., 1984. С. 40–56.

²¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 (далее ГВНП). С. 9–13. № 1–3.

²² Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001. С. 31–57.

²³ Там же. С. 95. № 6.

пись: «Оустье Вагы мецъницъ м#хъ 3 гри[вны]». Река Вага – левый приток Северной Двины; в ее устье расположен пункт Усть Вага²⁴ (рис. 5, 2).

Всего найдено больше 50 таких «замков» и всякий раз – на городских усадьбах самих новгородцев. В ряде случаев подобные находки сопровождались берестяными грамотами, адресованными тем же лицам, чьи имена были написаны на этих «замках», и сообщающими о деталях собирания доходов. Например, на двух «замках» фигурирует имя Хотен, (рис. 5, 1) в одном случае он назван мечником²⁵. На той же усадьбе Людина конца, где найдены эти предметы, обнаружена берестяная грамота № 902 (рис. 6) с таким текстом: «От Домагости къ Хотеноу. В Езьске роздрубили полъ пятадесяте гривнъ. Да язъ ти тоу сежоу, а Вьльчиноу си посьли моужь инъ» (От Домагости к Хотену. В Езьске разверстали сорок пять гривен. Да я-то тут сию, а в Волчино пошли другого человека)²⁶. Домагость – помощник Хотена (его «отрок» – судебный исполнитель). Он послан Хотеном для сбора пошлин в два податных округа – в Езьск и на Волчину. Езьск (современное село Еськи) расположен на реке Мологе в 25 км ниже современного города Бежецка и хорошо известен в источниках как пункт сбора пошлин. Волчина – река, берущая начало неподалеку от Вышнего Волочка, текущая с запада на восток и впадающая в Мологу близ Езьска. Разверстав следующие с Езьска 45 гривен по налогоплательщикам, Домагость в ожидании сбора этих сумм застрял в Езьске надолго, о чем и извещает Хотена, рекомендуя ему послать на Волчину другого сборщика.

Рис. 5. Деревянные замки-пломбы с надписями: 1 – Хотен, 2 – Усть-Вага, 3 – Тихменга

Хотя древнейший известный сегодня такой «замок» датируется концом X в., однако подобные находки в слоях X в. польского Волина и ирландского Дублина²⁷ позволяют заклю-

²⁴ Там же. С. 99–100. № 19.

²⁵ Там же. С. 98. № 15; С. 100–101. № 21. Хотен назван так же в граффито Софийского собора рубежа XI–XII вв. (Медынцева А. А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978. С. 101. № 148).

²⁶ Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. С. 94–95. № 902.

²⁷ Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. С. 44, 62–64.

чить, что сам обычай применения таких устройств имеет норманнское происхождение, а ограничение княжеской власти в столь важной области как сбор государственных доходов и формирование государственного бюджета восходит, скорее всего, к прецедентному договору с Рюриком, заключенному в момент его приглашения союзом северо-западных племен.

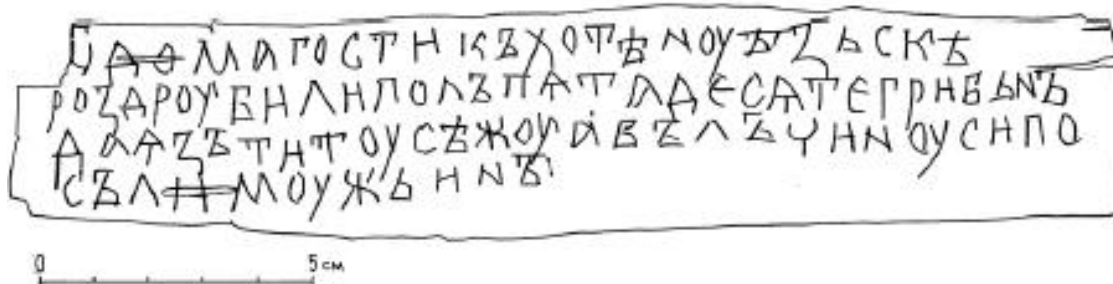

Рис. 6. Берестяная грамота № 902

Если это так, становятся понятными причины ухода из Новгорода в 882 г., всего через три года после смерти Рюрика, его преемника Олега с сыном Рюрика – Игорем: «Поиде Олег поем вои свои многы Варягы, Чюдь, Словены, Мерю, Весь, Кривичи, и приа город и посади в нем мужь свои»²⁸. Нарушив договор о пожизненном княжении, Олег отправляется на юг для завоевания Смоленска, а затем Киева. Его власть в Киеве основывается не на договоре, а на праве завоевателя. Там он не ограничен в своей деятельности, лично во главе дружины собирая доходы с подвластных ему земель (так называемое «полюдье», подробно описанное Константином Багрянородным).

Только завоевание Киева впервые в российской истории создало столичный центр в современном понимании (не местонахождение княжеского престола – «стола», а главный город государства, сосредоточившего в себе множество «столов»). Общеизвестны слова Олега, сказанные им о Киеве: «Се буди мати городом Русским» (Это будет мать русским городам). «Мать городам» – калька греческого ΜΗΤΗΡ ΠΟΛΙΣ (метрополия, главный город).

Вокняжившись в Киеве, Олег установил дань, которую должны платить словене, кривичи и меря варягам «от Новагорода 300 гривен (по другой летописной версии 3000 гривен) на лето мира деля, еже до смерти Ярослава даяше Варягом»²⁹.

²⁸ ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 22–23.

²⁹ Там же. Стб. 24.

Новгород во времена Ярослава Мудрого и его ближайших преемников

Если до 1014 г. Новгород в орбите Киевского государства был одним из подобных ему городских центров, то в указанном году Ярослав решил придать ему статус большей самостоятельности: «Ярославу же живущу в Новегороде и уроком дающе дань Киеву 2000 гривен от года до года, а тысящу Новегороде гридем раздаваху; и тако даяху вьси князи новгородстии, а Ярослав сего не даяше к Киеву отцу своему»³⁰. Известно, что в Новгороде князь не мог собирать государственные доходы своими людьми, а получал от новгородцев «дар». Отказ от посылки части этого «дара» в Киев материально укреплял новгородского князя. Возможно, что именно эти новые экономические возможности легли в основу решения Ярослава о переносе резиденции из Городища в Новгород, где место организованной им новой резиденции на правом берегу Волхова, напротив Детинца, в дальнейшем получило название «Ярославова дворища». В ответ на отказ Ярослава платить дань Киеву Владимир Святославич приказал дружине готовиться к походу на своего сына, но заболел и умер 15 июля.³¹

Перенос резиденции в Новгород привел к опасному соприкосновению новгородцев с варяжской дружиной, находящейся в ближайшем соседстве с резиденцией, где в городской средневековой топонимике фиксируется Варяжская («Варецкая») улица. «В Новегороде же тогда Ярослав кормяще Варяг много, бояся рати; и начаша Варязи насилие деяти на мужатых женах. Ркоша новгородци: «сего мы насилья не можем смотрити»; и собращася в ночь, исекоша Варягы в Поромоне дворе». Узнав об этом, Ярослав собрал тысячу воинов Славенского конца и, «обольстив их, исече, иже бяху Варягы ти исекли. А друзии бежаша из града». Однако в ту же ночь сестра Ярослава Предслава прислала ему из Киева весть о смерти отца и об убийстве Святополком братьев – Бориса и Глеба. Повинившись перед новгородцами «юже вы исекох вчера в безумии моем», Ярослав объявил о своем желании, расправившись со Святополком, княжить в Киеве и попросил у новгородцев помощи. Ему удалось собрать войско из 1000 варягов и 3000 новгородцев, с которыми он и отправился в поход на Святополка в 1016 г., оставив в Новгороде наместником («посадником») Коснятина (сына крестившего новгородцев Добрыни)³²

Войско Ярослава три месяца до заморозков стояло на берегу Днепра напротив Киева. Любопытна характеристика новгородцев, которых укорял воевода Святополка: «Что придосте с хромьцем сим, а вы плотници суще? А приставим вы хоромове рубити наших»³³. Решительным ударом Ярослав захватил Киев, вынудив Святополка бежать «в ляхы». Однако в 1018 г. Святополк в союзе с польским князем Болеславом вновь захватил Киев и вынудил Ярослава уйти в Новгород. Отчаяние Ярослава перешло в намерение бежать «за море». Но посадник Коснятин с новгородцами воспрепятствовали этой затее, изрубив ладьи Ярослава. Население Новгорода было обложено «чрезвычайным налогом»: по 4 куны «от мужа», по 10 гривен от старост и по 18 гривен от бояр. На эти деньги была нанята дружина варягов. Вместе с новгородскими воинами они обеспечили наконец Ярославу полную победу и доставили ему киевский стол в 1019 г.

Ко времени новгородского княжения Ярослава относится важное новшество в денежном хозяйстве. В связи с сокращением ввоза арабского монетного серебра, вызванного исто-

³⁰ НПЛ. М.; Л., 1950. С.168.

³¹ Там же. С. 168–169.

³² НПЛ С. 174–175.

³³ Там же. С. 175.

щением восточных рудников, русские князья осуществляют попытку чеканить собственную монету на базе скопившегося на Руси драгоценного металла. В Киеве золотые и серебряные монеты чеканит Владимир Святославич, а после его смерти (только серебряные) Святополк. В Новгороде осуществлен выпуск серебряных монет с изображением св. Георгия (небесного патрона князя Ярослава Владимировича) на лицевой стороне, а на оборотной с изображением княжеского знака Ярослава и надписью «Ярославле сребро» (рис. 7).

Рис. 7. «Ярославле сребро»

Истощение запасов серебра воспрепятствовало продолжению этой древнерусской монетной чеканки³⁴.

Другой исключительно важной для русской культуры инициативой Ярослава, обеспечившей ему прозвище «Мудрый», стала организация в Новгороде первой школы. В 1030 г., как сообщает летопись, Ярослав, придя в Новгород, собрал 300 детей от старост и попов, чтобы учить их грамоте³⁵.

Окончательное вокняжение Ярослава в Киеве сопровождалось актом его благодарности новгородцам, обеспечившим ему победу: «Ярослав иде к Киеву, седе на столе отца своего Володимира; и абие нача вои свои делите, старостам по 10 гривен, а смердом по гривне, а новгородцом по 10 гривен всем, и отпусти их всех домов, и дав им правду и устав списав, тако рекши им: «по сеи грамоте ходите, якоже списах вам, такоже держите»»³⁶.

В Новгороде при раскопках была найдена свинцовая привесная печать Ярослава Мудрого с уникальным его изображением, надписью «Ярослав князь Русский» на одной стороне и изображением небесного патрона Ярослава – св. Георгия на другой (рис. 8). Коль скоро титулатура этой печати соответствует киевскому княжению, можно полагать, что в Новгороде она оказалась будучи привешена к одной из благодарственных грамот Ярослава³⁷.

³⁴ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л., 1983. С. 196–203.

³⁵ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. Вып. 1. Петроград, 1915. С. 113.

³⁶ НПЛ. С. 175–176.

³⁷ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Актовые печати Древней Руси. Т. 3. М., 1998. С. 115. № 2а, табл. 1, 49.

Рис. 8. Печать Ярослава Мудрого

Вопрос о существовании главных пожалований Ярослава новгородцам не прост. Что касается «правды», очевидно, что речь идет о «Русской правде», древнейшем писаном русском законе, текст которого воспроизведен в новгородской летописи вслед за сообщением о княжеских пожалованиях. Будучи памятником общерусского законодательства, этот текст, однако, содержит статью, прямо касающуюся Новгорода. Вопреки установившемуся после принятия христианства запрету кровной мести, первая статья кодекса декларирует право кровной мести для русинов, словен и ряда должностных лиц. По-видимому, ее следует понимать как декларацию изъятия боярских дел из княжеской юрисдикции и передачу их в ведение самого боярства. В отличие от «правды» текст «устава» в летописях отсутствует, однако очевидно, что он содержал в себе, по крайней мере, подтверждение тех ограничений княжеской власти, которые были провозглашены в прецедентном договоре с Рюриком, писанный текст которого не сохранился. Не потому ли позднейшие dokonчания Новгорода с князьями содержат отсылку к «Ярославовым грамотам»?

Льготы, предоставленные новгородскому боярству Ярославом Мудрым, несомненно, положили начало разделению Новгорода на две административные структуры. Боярские гнезда, неподсудные князю, остались основой системы концов. Разделявшие эти «концы» пространства заселялись независимым от бояр населением, в том числе свободными ремесленниками и купцами. Эти районы оставались в юрисдикции князя. Они были разделены на сотни и управлялись тысяцким и соцкими, которые вплоть до конца XII в. составляли аппарат княжеского управления.

Под 1019 г. некоторые поздние летописи помещают известие о том, что наместник Коснятин был заточен Ярославом

Владимировичем в Ростове, а на третье лето убит в Муроме по приказанию Ярослава. Между тем в Новгородской Первой летописи имеется текст, содержащий интересные хронологические подробности и указание причин опалы Коснятина: Ярослав, «идя к Киеву, и посади в Новгороде Коснятина Добрыница. И родися у Ярослава сын Илья, и посади в Новгороде, и умре. И потом разгневался Ярослав на Коснятина, и заточи и; а сына своего Владимира посади в Новгороде»³⁸. Владимир, родившийся в 1020 г., стал новгородским князем, по разным летописным версиям, в 1034 или 1036 г. Однако существует также противоречивое сообщение о том, что в Новгороде Владимир стал княжить в 1030 г., когда ему было 14 лет (!) Это противоречие может быть объяснено тем, что летописец в указанном случае знал о вокняжении в Новгороде в 1030 г. какого-то сына Ярослава, но не будучи осведомлен о существовании Ильи, которого знает только цитированный текст, ошибочно связал с этой

³⁸ НПЛ. С. 470.

датой вокняжение Владимира, действительно занявшего новгородский стол, когда ему было 14 лет. Если это так, то опала Коснятина в действительности относится отнюдь не к 1019, а к 1030 г.³⁹ До этого года Ярослав постоянно приезжает в Новгород, ощущая себя не только киевским, но и новгородским князем.

Из происходящих в этот период событий отметим, что в 1021 г. Новгород был захвачен полоцким князем Брячиславом Изяславичем, но подоспевший Ярослав прогнал своего племянника в его вотчину.

* * *

Непродолжительное княжение молодого энергичного Владимира Ярославича наполнено важными и яркими событиями. В 1042 г. двадцатидвухлетний князь возглавляет поход на ямь, увенчавшийся успехом несмотря на мор, поразивший коней его войска. На следующий год Ярослав посылает своего сына в поход на греков, дав ему большое войско, «а воеводство поручи Вышате, отцю Яневу». При подходе к Константинополю буря разметала корабли его эскадры, а самого Владимира взял в свой корабль воевода Ярослава Иван Творирич. Шесть тысяч воинов Владимира, пожелавших вернуться в Русь и не поддержанных дружиной Ярослава, оказались в греческом плену, где многие из них были ослеплены. Владимир же сумел разбить греческие ладьи, пришедшие его пленить, и вернулся в Новгород.

Весной 1044 г. Владимир сооружает кирпичные стены новгородского Детинца, который тогда был много меньше нынешнего, занимая лишь его северную часть. Остатки части кремлевских стен этой постройки были исследованы археологическими раскопками. Вероятно, сооружение кремлевских укреплений связано единым замыслом с закладкой в следующем – 1045 – году каменного Софийского собора, поскольку строить Софийский собор начали отнюдь не по случаю утраты предшествующего ему деревянного храма св. Софии, который, как сообщает летопись, имел 13 верхов. Деревянный храм погиб от пожара 4 марта 1049 г., когда строительство каменного собора еще не было завершено. Лишь в 1050 г. «свершена бысть святая Софеа в Новегороде, повелением князя Ярослава и сына его Володимира и архиепископа (позднейшая ошибка, следовало бы: «епископа») Луку»⁴⁰. Этот собор, сохранившийся до сегодняшнего дня, является древнейшим каменным зданием средневековой Руси на территории России (см. илл. 9 цв. вкл.).

В 1052 г. 4 октября в воскресенье «преставися Володимир, сын Ярославль стареишии в Новгороде; положиша и в Новегороде в святей Софеи, юже бе создал сам». Погребение его не сохранилось. Но до 1439 г. оно находилось в юго-западном углу Рождественского придела, где впоследствии были помещены останки князя Мстислава Ростиславича Безогого, умершего в 1178 г.⁴¹

* * *

Ярослав Мудрый скончался 1 февраля 1054 г. в Киеве. Летописец так изображает дальнейшую судьбу новгородского стола: «По преставлении Володимири в Новегороде Изяслав посади сына своего Мстислава, и победиша на Черехи, бежа Киеву, и по взятии града преставь. И посади Святослав сына своего Глеба, и выгнаша из града, и бежа за Волок, и убиша и чудь»⁴². В этом небольшом сообщении немало противоречий. Прежде всего, Изяслав Яро-

³⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 59–70.

⁴⁰ Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд. М., 2003. С. 59–70.

⁴¹ Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 131–135.

⁴² НПЛ. С. 470.

славич не мог посадить в Новгороде своего сына сразу же после смерти Владимира. Тогда он еще не был киевским князем и, следовательно, забота о новгородском столе оставалась вне его компетенции. Получив в 1054 г. киевский стол, Изяслав в том же году посылает в Новгород не своего сына Мстислава, а наместника Остромира, которого летопись титулует «посадником». Этот факт записан современником в приписке к «Остромирову Евангелию» 1056–1057 гг.: «Изяславу же князю тогда предръжящу обе власти: и отца своего Ярослава и брата своего Володимера. Сам же Изяслав князь, правляаше стол отца своего Ярослава Кыеве. А брата своего стол поручи правити близоку своему Остромиру Новегороде»⁴³. Поскольку это Евангелие было переписано для «посадника Остромира», Мстислав мог стать новгородским князем не ранее 1057 г. Между 1052 и 1054 гг. судьба новгородского стола остается неясной.

В дальнейшем перерывов в новгородском княжении не наблюдается. Конец княжения Мстислава датируется 1066 г. Д. С. Лихачев связывает битву на Черехе, положившую конец новгородскому княжению Мстислава Изяславича, с походом полоцкого князя Всеслава Брючиславича на Новгород в 1066 г.⁴⁴ Через год Мстислав был уже на юге, а вскоре умер. Его преемник Глеб Святославич, напротив, зимой 1067/68 г., как это явствует из надписи на Тмутараканском камне, княжил в Тмутаракани, но под следующим – 1069 – годом летописец уже называет его новгородским князем. По-видимому, он действительно получил новгородский стол от Святослава, хотя Святослав в 1068 г. и не был киевским князем. Это могло произойти во время семимесячного киевского княжения Всеслава, когда киевский князь Изяслав Ярославич вынужден был бежать в Польшу.

Упомянув о походе Всеслава Брючиславича, необходимо остановиться на некоторых его подробностях. Это было первое его нападение на Новгород: «Приде Всеслав и възъ Новгород, с женами и с детми; и колоколы съима у святыя Софие. О, велика бяше беда в час тыи; и понекадила съима»⁴⁵. Об этом эпизоде спустя более чем сто лет, в 1180 г., вспоминал новгородский князь Мстислав Ростиславич Храбрый, собираясь идти на полоцкого князя и аргументируя свое намерение тем, что «ходил бо беаше дед его на Новгород и взял иерусалим церковныи и сосуды служебныи, и погост един завел за Полтеск»⁴⁶.

Второе нападение состоялось осенью 1069 г.: «месяца октября в 23, на святого Якова брата Господня, в пятничи, в час 6 дни, опять приде Всеслав к Новугороду, новгородци же поставиша пълкъкъ противу их, у Зверинця на Къземли; и пособи Бог Глебу князю с новгородци. О, велика бяше сеця вожаном, и паде их бещисльное число; а самого князя отпустиша Бога деля. А на заутрие обретесе крест честныи Володимирь у святеи Софие Новегороде, при епископе Федоре»⁴⁷.

Между двумя этими походами произошло немало событий. 3 марта 1067 г. братья Святослав, Изяслав и Всеволод Ярославичи победили Всеслава в битве на Немиге, а 10 июля заключили Всеслава с двумя его сыновьями «в поруб» в Киеве. В 1068 г. братья Ярославичи потерпели поражение от половцев, после чего 15 сентября киевляне выпустили Всеслава из заключения и сделали его своим князем. Всеслав княжил в Киеве до 2 мая 1069 г., когда стол вернулся к Изяславу Ярославичу, который затем «прогна Всеслава ис Полочка, и посади в сего место брата его Святополка; Всеслав же бежа».

Вернул себе Полоцк, прогнав Святополка, Всеслав Брючиславич только в 1070 г. Следовательно, попытка снова захватить Новгород осенью 1069 г. была предпринята им не из Полоцка, а из изгнания. Указание летописи на потери, понесенные союзными Всеславу

⁴³ Остромирово Евангелие 1056–1057 гг. СПб., 1883.

⁴⁴ Повесть временных лет. Ч. 2. М.; Л., 1950. С. 96 и сл.

⁴⁵ НПЛ. С. 17.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 4, ч. 1. Пг., 1915. С. 171.

⁴⁷ НПЛ. С. 17.

вожанами в битве на Гзени, прямо свидетельствует, что исходным пунктом его похода 1069 г. и, таким образом, местом, где он оказался после потери Полоцка, была Водская земля.

В 1981 г. при раскопках в Новгороде в слоях 60-х – 80-х гг. XI в. была найдена берестяная грамота № 590, содержащая краткий текст донесения «Литва встала на Корелу»⁴⁸ (рис. 10). Именно в Водской земле (или, что более вероятно, – на пути из Водской земли к Новгороду) и могло произойти отмеченное этим донесением столкновение литовцев из числа дружинников Всеслава с пограничными вожанами карелами. Наличие литовцев в войске полоцкого князя более чем естественно, так как до возникновения Литвы как самостоятельного государства ее территория входила в орбиту полоцкого влияния.

Рис. 10. Берестяная грамота № 590 (фрагмент)

Полученное в Новгороде донесение информирует новгородцев о конфликте между литовцами и карелами в войске Всеслава, движущемся к Новгороду. Отнюдь не исключено, что внутренние конфликты стали одной из причин того сокрушительного поражения, которое Всеслав потерпел в битве на Гзени⁴⁹.

Под 1071 г. летописи описывают острейший конфликт в Новгороде, возникший после антихристианской проповеди некоего волхва, когда убежденные им многие новгородцы решили убить епископа Федора. Новгородцы «разделишася надвое: князь бо Глеб и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва. И бысть мятежь велик межи ими», закончившийся после того как князь Глеб зарубил волхва топором⁵⁰. Новгородский мятеж был только частью «восстания волхвов», охватившего тогда широкие пространства новгородской и соседней с ней земель.

В 1078 г. Глеб Святославич был убит во время похода за Волок, а новгородский стол перешел к Святополку Изяславичу. Составитель летописного списка новгородских князей так продолжает свой рассказ: «А Святополк седе на столе сын Изяславль, иде Киеву. И присла Всеволод внука своего Мстислава, сына Володимеря, и княжив 5 лет, иде Ростову; а Давыд приде Новугороду княжить и по двою лету выгнаша и. И приде Мстислав опять, и седе в Новегороде 20 лет».⁵¹

⁴⁸ Янин В. Л. Я послал тебе бересту... 3-е изд. М., 1998. С. 265–266. Эта грамота при первой публикации была датирована неверно.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ НПЛ. С. 196.

⁵¹ Там же. С. 470.

Успехи боярства в борьбе за власть в конце XI – начале XII вв.

Впоследней четверти XI в. в Новгороде происходит ряд перемен, свидетельствующих об усилении местной аристократии (бояр) и ослаблении княжеских позиций. В 1088–1094 гг. в Новгороде княжит сын Владимира Мономаха Мстислав, которому в момент вокняжения исполнилось 12 лет. Воспользовавшись его малолетством, новгородское боярство создает параллельный князю орган власти, избирая из своей среды авторитетного участника государственного управления – посадника. В более раннее время посадником называли наместника князя, правящего тогда, когда новгородский княжеский стол по каким-либо причинам оказывался вакантным (таким «посадниками», в частности, были К^о-стянтин и Остромир). Отныне же боярский посадник сосуществует с князем. Этой акцией, очевидно, развивается пожалование Ярослава Мудрого, декларировавшего неподсудность новгородского боярства князю. Активность вновь учрежденного посадничества ярко продемонстрирована количеством найденных к настоящему времени, главным образом в Новгороде, привешенных некогда к выданным новгородцам документам свинцовых печатей «протопроедра Евстафия», отождествляемого с первым боярским посадником Завидом времени первого новгородского княжения Мстислава Владимировича: их обнаружено уже 36 экземпляров.

Утвердившийся с конца XI в. порядок превратил Мстислава Владимировича в знаковую фигуру. Когда в 1094 г. на его место из Киева был прислан князь Давид Святославич, то спустя два года новгородцы изгоняют, «не взлюби его». Причины изгнания Давида становятся очевидными при рассмотрении событий 1102 г., когда между Владимиром Мономахом и киевским князем Святополком Изяславичем было достигнуто соглашение, по которому новгородский стол должен был занять сын Святополка (по-видимому, Изяслав), а Мстиславу Владимировичу предназначался Владимир-Волынский. Этот ряд встретил возражения новгородцев, заявивших: «Не хотим Святополка, ни сына его. Аще ли две главы имеет сын твои, то пошли и; а сего ны дал Всеволод, а вскормили есмы собе князь; а ты еси шел от нас»⁵². После продолжительных прений новгородцы настояли на возвращении Мстислава.

Оба отмеченных события по своему характеру вполне аналогичны. И в 1096 г., и в 1102 г. новгородцы выступают против вмешательства киевского князя Святополка в устройство своего стола, защищая право на этот стол князя Мстислава Владимировича. Правовой принцип, положенный ими в основу защиты Мстислава, сводится к тому, что киевский князь в своих действиях, касающихся Новгорода, не может игнорировать распоряжений своего предшественника. Новгородское княжение, таким образом, рассматривается вне зависимости от династических судеб киевского стола. Нетрудно заметить, что этим принципом по существу формулируется идея независимости Новгорода («вольности в князьях»), но сама эта идея еще не обрела завершающей полноты. Это как бы один из начальных шагов в ее формировании. Еще один шаг угадывается в упреке Святополка, которому новгородцы в 1102 г. сетуют: «а ты еси шел от нас». Имеется в виду самовольный уход Святополка на туровский стол в 1088 г. вопреки требуемой новгородцами пожизненности княжения у них.

Анализ археологических материалов импортного происхождения показывает, что противодействие Киеву вызвало ответный шаг – торговую блокаду Новгорода. Киев на всем протяжении конфликта перерезал пути поступления в Новгород южных товаров⁵³. К рубежу XI–XII вв. относится важный этап становления прочных торговых связей с Готландом. В

⁵² Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 182.

⁵³ Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли. М., 1978. С. 46–47.

этот период посадником был боярин Добрыня, скончавшийся в 1117 г., которому посвящена позднейшая «Повесть о посаднике Добрыне». Согласно этому преданию, Добрыня, получив от иноземных купцов некую мзду, согласился на перенесение православной церкви св. Иоанна Крестителя с тем, чтобы на ее месте была построена католическая ропата. За это преступление посадник был сурово наказан: возвращаясь с вече, он утонул в Волхове и был погребен без христианского обряда. Древнейшая Синодская редакция этой повести восходит к XII в., когда «отцы наши поведаша нам не утаися от нас, чад их». Как показывает анализ источников, речь идет об основании церкви св. Олава на Готском дворе, расположенном к югу от Ярославова дворища.⁵⁴

Учреждение боярского посадничества также не осталось без очевидных последствий. С началом княжения Мстислава Владимировича главная княжеская резиденция вернулась на Городище, где в 1103 г. была заложена и вскоре построена вторая каменная церковь Новгорода – Благовещенская, получившая свое посвящение, по-видимому, в связи с рождением сына Мстислава – Всеволода, названного в крещении Гавриилом (архангел Гавриил – участник евангельского сюжета «Благовещение»). Этот храм в XIV в. сменила новая одноименная постройка, разрушенная в начале 1940-х годов в ходе военных действий.

Ход дальнейших событий позволяет заключить, что ко времени княжения Мстислава относится еще одно важнейшее ограничение княжеской власти, известное из позднейших договоров: «... княже, тебе, ни твои княгини, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ сель не държати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всеи волости Новгородской»⁵⁵. Анализ ранних законодательных документов показывает, что в южной Руси частного права на землю не существовало до середины XI в., а в северной Руси – до рубежа XI–XII вв. К концу 10-х гг. XII в., как увидим далее, относятся предпринимаемые князьями меры по преодолению трудностей, создаваемых ограничением прав князя на владение вотчинами в Новгородской земле.

Поскольку летописное изложение собственно новгородских событий начинается только с 1113 г., сведения о первых посадниках-новгородцах извлекаются только из позднейших их перечней: «. Завид, Петрята, Костянтин, Миронег, Сава, Улеб, Гюрята, Микула, Добрыня.»⁵⁶ Летопись сообщает о смерти последнего в этом списке – Добрыни 6 декабря 1117 г.⁵⁷ С деятельностью же Завида – связываются многочисленные свинцовые печати «протопроедра Евстафия» (рис. 11), активность которого может быть объяснена только малолетством князя Мстислава в период посадничества первого избранного главы новгородского боярства. Все девять перечисленных здесь посадников действовали в хронологических рамках княжения Мстислава Владимировича.

Время княжения Мстислава, закончившееся в 1117 г., оставило нам в наследство несколько важных художественных памятников. Около 1106 г. был основан Антониев монастырь (см. илл. 12 цв. вкл.). В 1108 г. после долгого перерыва была продолжена по завещанию только что скончавшегося епископа Никиты фресковая роспись Софийского собора (древнейшие ее композиции относятся к середине XI в.). В 1113 г. началось строительство княжеской церкви св. Николая на Ярославовом дворище (см. илл. 13 цв. вкл.). В 1115 г. Воигост заложил каменную церковь св. Феодора Тирона на Софийской стороне. В 1116 г. ладожский посадник Павел начал строить каменные укрепления Ладоги, а князь Мстислав «заложил Новѣгород болеи перваго». До сих пор продолжают ученые споры о смысле этого

⁵⁴ Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986. С. 16–19.

⁵⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 9–10, № 1 и аналогичные более поздние тексты.

⁵⁶ НПЛ. С. 164, 471–472.

⁵⁷ Там же. С. 204.

сообщения. Одни исследователи полагают, что речь идет о расширении территории Детинца, другие уверены в создании более основательных стен новгородского кремля.

Вся эта яркая деятельность сочетается с военными походами новгородцев. В 1111 г. Мстислав ходил походом на Очелу (чудь), в 1113 г. на ятвягов, в 1116 г. снова на чудь.

Рис. 11. Печать Евстафия

В 1117 г. Мстислав Владимирович по воле Владимира Мономаха ушел из Новгорода в Смоленск, оставив вместо себя в качестве новгородского князя своего сына Всеволода. Эта перемена имела особый смысл, будучи основана на уже приведенном тезисе новгородцев «въскормили есмы собе князь». Для материального обеспечения Всеволода и его двора Мстислав, признавший недостаточным платимый князю новгородцами «дар», передал Новгороду из состава своего Смоленского княжества значительные пограничные территории (в том числе Молвоутицы, Кунско, Березовский погост, Мореву, Жабну, Лопастыцы, Буйце), ставшие доменом Всеволода (рис. 14). Передача этих земель была обусловлена тем, что доходы с них поступали в распоряжение новгородского князя лишь в том случае, если этот приглашенный князь был прямым потомком Мстислава Владимировича. Если же его призывали из иных княжеских линий, домениальные доходы должны были направляться в Смоленск. Такой порядок соответствовал намерению Мстислава сохранить новгородский стол за своим родом⁵⁸.

⁵⁸ Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.

Рис. 14. Карта волостей, переданных из Смоленской земли

Как это очевидно из дальнейших событий княжения Всеволода Мстиславича, при его оставлении в Новгороде между Новгородом и князем был заключен договор, одним из несомненных условий которого была пожизненность пребывания Всеволода на новгородском столе. Другим условием оставалось ограничение власти князя – запрещение ему владеть какими-либо вотчинами на территории Новгородской земли. Существование этого условия демонстрируется деятельностью Всеволода, жалующего земли новгородским монастырям. Сохранились его жалованные грамоты Юрьеву монастырю на волховскую рель, которая в других документах именуется «княжеской», на погост Ляховичи и на волость Буйце⁵⁹. Все эти территории были переданы князем из состава его домениальных земель. Когда же брат Всеволода Изяслав, пришедши в Новгород, надумал основать Пантелеймонов монастырь в честь своего небесного патрона не на землях домена, то, чтобы обеспечить этот монастырь вотчиной, ему пришлось, по благословению епископа Нифонта, испрашивать эти земли у Новгорода, т. е. добиваться вечевого решения⁶⁰.

⁵⁹ ГВНП. С. 139–141, № 79–81.

⁶⁰ Там же. С. 141 № 82; Янин В. Л. Из истории землевладения в Новгороде XII в. // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 313–324.

Во время княжения Всеволода новгородское боярство предприняло еще одно ограничение княжеских прав. Первоначально князь выполнял функции верховного судьи Новгорода. Теперь же был создан совместный («сместной») суд князя и посадника, в котором внешне главная роль оставалась принадлежащей князю (он скреплял решения своей привесной печатью), однако без санкции посадника князь не имел права выносить окончательное решение. В ходе раскопок в 1998 г. было открыто место заседаний такого суда, оборудованное в середине 1120-х годов и функционировавшее на протяжении пяти или шести десятилетий, что отразилось в более 100 найденных там берестяных документах, касающихся разного рода судебных конфликтов. Речь идет о все той же усадьбе «Е» Людина конца, которая в конце X – начале XII вв. служила местом концентрации собираемых податей.

Эта усадьба громадна. Ее площадь близка 1400 кв. м, тогда как соседние усадьбы имеют размер в 400–600 кв. м. Она не имеет признаков жилого комплекса, которому свойственны изобилие женских украшений, разного рода бытовой инвентарь, хозяйственные постройки, помещения для содержания животных, зачастую следы того или иного ремесленного производства. Ничего этого здесь практически нет. Постройки усадьбы характеризуются как административные. Такому заключению соответствует и невиданный в других усадьбах дворовый настил из 6-метровых сосновых плах, общая площадь которого достигает почти 130 кв. м (рис. 15). Настил, сооруженный впервые около 1126 г., несет следы неоднократного возобновления. В нем вырублены отверстия для столбов, в свое время поддерживавших навес. Следовательно, это сооружение предполагает, что здесь в любую погоду могли собираться люди для обсуждения своих непростых дел. Один из элементов административного ансамбля украшен тщательно вырезанной княжеской эмблемой.

Рис. 15. Настил на усадьбе «Е»

Заметное число берестяных грамот этого комплекса адресовано Петроку (Петру) и Якше (Якуну). Известно, что местному суду были подведомственны все конфликтные дела – гражданские, уголовные, имущественные, торговые, поземельные, в том числе утверждение землевладельцев в правах собственности на вотчины и т. д. Очевидно, что повседневная деятельность этого суда не предусматривала участия в рутинном делопроизводстве самого князя, жившего в трех верстах от Новгорода на Городище. Его заменял «бирич» – полномочный представитель из числа знатных новгородцев. Участие же боярского посадника было обязательным: как уже отмечено, князь, согласно непреложной формуле договора с Новгородом, не имел права «кончать суд без посадника».

Якша идентифицируется с Якуном Мирославичем, который избирался посадником трижды – в 1137–1141, 1156–1160 и 1167–1170 гг. Помещение имени посадника в адресной формуле грамот на втором месте закономерно: формально приоритет в местном суде принадлежал князю, который скреплял судебные акты своей печатью и получал за это печатную пошлину. Имя «Петрок» принадлежало биричу – в данном случае Петру Михалковичу, о котором летописец рассказывает, что он в 1155 г. отдал свою дочь замуж за сына Юрия Владимировича Долгорукого новгородского князя Мстислава. Впрочем, сочетание имен Петрока и Якши в комплексе административной усадьбы относится уже к чуть более позднему времени, нежели княжение Всеволода Мстиславича.⁶¹

Уточнение функций посадника и князя нашло существенное выражение в оформлении печатей этих двух институтов власти. Если при Мстиславе княжеская печать содержала патрональное изображение небесного патрона князя – св. Феодора и благопожелательную формулу «Господи помози рабу своему.» или «Спаси, Господи, раба своего.», то теперь этот сфрагистический тип был усвоен посадниками, а княжеская печать надолго стала содержать на одной стороне изображение святого патрона ее владельца, а на другой – изображение святого патрона его отца, т. е. обозначала крестильные имя и отчество князя. В частности, на печатях Всеволода-Гавриила Мстиславича-Феодоровича изображены сцена Благовещения (Дева Мария и Гавриил) и св. Феодор (рис. 16, а).

С самого начала княжения Всеволода принятие нового договора повлекло за собой конфронтацию боярского и княжеского институтов. Владимир Мономах и Мстислав Владимирович в 1118 г. привели «вся бояре новгородчкыя к Киеву, и заводи я к честному кресту, и пусти их домов, а иныя у себе остави; и разгневался на ты, оже ты грабиле Даньслава и Ноздрью, и на сочького на Ставра, и заточи я вся»⁶². Здесь очевидно вмешательство киевского князя – прямого предка утверждающейся в Новгороде княжеской семьи – в новгородские дела и нарушение тезиса о неподсудности бояр князю. Какова же причина княжеского вмешательства?

Рис. 16. Печати.

⁶¹ Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. С. 6—30.

⁶² НПЛ. С. 21, 204–205.

а – Печать Всеволода Мстиславича; б – Печать Ивора Всеволодовича

Косвенный ответ на этот вопрос дает анализ берестяной грамоты № 954, найденной в слое 1-й четверти XII в. (рис. 17). В ней сообщается о конфликте, вызванном действиями некоего Шильца, который «осрамил весь конец Людин», якобы напустив порчу на чужих свиней и на коней противоположной Людину концу стороны Новгорода. Слух об этом распространила Ноздрыча (жена или дочь Ноздрычи). Жители Людина конца во главе с соцким Ставром отомстили за свое «посрамление» разгромом усадьбы Ноздрычи, жившим, согласно летописи, на Даньславле улице Неревского конца⁶³. Грамота № 954, таким образом, раскрывает подоплеку расправы Владимира Мономаха над новгородскими боярами в 1118 г., политическая цель которой очевидна: ограничение новгородцами княжеских прав Всеволода Мстиславича потребовало напоминания о том, кому в системе Древнерусского государства принадлежит верховная власть.

В 1120 г. посадником становится Борис, не избранный боярством, а присланный из Киева по воле того же Владимира Мономаха.

Положение резко меняется в 1125 г., когда 19 мая скончался Владимир Мономах. Получив известие о смерти деда, Всеволод спешит в Киев на его похороны и интронизацию своего отца Мстислава, затем снова едет в Киев в 1126 г., но возвращается только 28 февраля 1127 г., когда, как сообщает летопись, «посадиша его новгородци на столе». Существо событий, которые привели к лишению Всеволода новгородского стола, возвращенного ему только в 1127 г., стало очевидным после находки в Новгороде на Городище свинцовой печати с изображением архангела Гавриила (небесного патрона Всеволода) и надписью «Спаси, Господи, кнзя Ивера Всеволодовича» (рис. 16, б). Так звали сына Всеволода, получившего в крещении имя «Иоанн». Всеволод женился в Новгороде в 1123 г.; имя его первенца названо в летописи под 1127 г., когда в его честь Всеволод заложил каменную церковь св. Иоанна Предтечи на Петрятине дворе близ Ярославова дворища и Торга, – и в 1128 г., когда он умер.

Рис. 17. Берестяная грамота № 954

В первое отсутствие Всеволода, как это очевидно, новгородцы на место киевского ставленника Бориса и отсутствующего Всеволода избрали малолетнего княжича, которому тогда было не больше двух лет. Печать сохраняет его крестильное отчество, но оформлена по типу посадничьей буллы. Во второе отсутствие Всеволода новгородцы избрали Ивора-Иоанна своим князем. Сохранилось около 30 его печатей с изображением святых Иоанна Предтечи и Феодора, т. е. оформленных по типу княжеской буллы⁶⁴. Киевский посадник Борис больше не упоминается в летописи, но сразу же после сообщения о возвращении стола Всеволоду в

⁶³ Янин В. Л. Новгородская берестяная почта 2005 года // Вестник РАН. 2006. № 3.

⁶⁴ Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. С. 23–28.

1127 г. в ней говорится: «вдаша посадничество Мирославу Гюрятиницю», бывшему новгородским боярином, сыном Гюряты, посадника времен еще Мстислава Владимировича.

В 1129–1130 гг. события повторяются в той же последовательности и с тем же результатом, но в менее острых формах. Вслед за приходом на посадничество Даниила из Киева, присланного Мстиславом, Всеволод снова отправляется в Киев, а сразу же по его возвращении посадничество получает новгородский боярин Петрила Микульич.

В обоих случаях назначение посадника из Киева порождает конфликт между новгородцами и княжеской властью, грозящий Всеволоду потерей новгородского стола. События 1129–1130 гг. объясняют ту легкость, с которой в 1117 г. новгородцы расстались с Мстиславом. С тех пор как на киевском столе утвердился Владимир Мономах, Мстислав – сторонник удержания Новгорода в орбите киевского политического влияния, тогда как в 1102 г. он не мог быть действительным сторонником такой политики. Киев тогда находился в руках Святослава Изяславича. Сам сделавшись киевским князем, Мстислав продолжает политику своего отца и не признает завоеваний новгородцев, ставя в затруднительное положение и своего сына Всеволода, которому, чтобы не потерять новгородский стол, приходится ездить в Киев и добиваться отмены распоряжений киевского князя. Между Всеволодом и Новгородом, таким образом, существует принудительный союз. Всеволод Мстиславич вынужден подчиняться новгородцам в вопросе о посадничестве, и только эти поездки в Киев, по-видимому, помешали в дальнейшем включить в список его преступлений против Новгорода нарушение договора о посадниках.

К 1130 году относится немаловажное, но не до конца ясное событие: «Того же лета отвержеся архиепископъ Иоанн новгородчкыи, седе лет 20, и поставиша архиепископа Нифонта»⁶⁵ (в обоих случаях ошибка позднейшего редактора – следовало писать «епископа»). В летописном списке новгородских владык об этом событии имеется следующее сообщение: «Иван Попьянь, седевь 20 лет, отвержеся архиепископья; сего не поминают»⁶⁶. Между тем, в псковских поминальных списках, в отличие от новгородских, владыка Иоанн упомянут среди всех остальных высших иерархов прошлого. Поскольку Псков сохранил верность князю Всеволоду Мстиславичу после его изгнания из Новгорода, можно догадываться, что причиной отказа Иоанна от владычной кафедры послужило его несогласие с позицией новгородского боярства по отношению к Всеволоду.

Во внутренней политике Всеволода Мстиславича заметно его стремление опереться на новгородское купечество и тесно связанных с Торгом ремесленников. В 1127 г., как уже сказано выше, он заложил, а к 1130 г. закончил строительство каменной церкви св. Иоанна Предтечи («Ивана на Опоках»), которая стала главным храмом Новгородского Торга, хранильницей эталонов торговых мер, а в дальнейшем местопребыванием объединения купцов-вошников, контролирующих движение товаров на рубежах Новгородской земли. В 1133 г. на Торговище, по соседству с храмом Ивана на Опоках, были построены две деревянные церкви – св. Георгия и Успения Богородицы. В 1135 г. эта церковь Успения была сооружена уже в камне.

Ко времени княжения Всеволода относится сооружение еще нескольких знаменитых храмов и их украшение. В 1117 г. игумен Антоний Римлянин закладывает сохранившуюся до сегодняшнего дня каменную соборную церковь Рождества Богородицы в Антониевом монастыре, а в 1119 г. завершает ее строительство; в 1125 г. она была расписана фресками. В 1119 г. Всеволод и игумен Кирьяк основывают Юрьев монастырь с каменным соборным храмом св. Георгия, а в 1127 г. в нем сооружена каменная трапезная. В 1135 г. Рожнет заложил каменную церковь св. Николая на Яковлеве улице.

⁶⁵ НПЛ. С. 22, 207.

⁶⁶ Там же. С. 473.

Созидательная деятельность этого периода осуществляется в весьма сложных условиях. В 1123 г., когда Всеволод руководил походом на емь, «люте бяше путь, яко купляху по ногате хлеб». В 1125 г. буря с градом разрушила хоромы и погубила много скота. В 1127 г. «поби мороз все обилье», и в Новгороде всю зиму люди страдали от голода и дороговизны; многие «падаша мертвы от глада», «а друзии разидошася по чюжим землям». В 1131 г. поход на чудь привел к гибели многих новгородских воинов. В 1134 г. выгорел весь Славенский конец, в котором пожар уничтожил десять церквей.

В 1132 г. умер отец Всеволода Мстислав Владимирович. Киевским князем стал брат Мстислава Ярополк, который вызвал Всеволода на юг, предложив ему княжение в Переяславле и пообещав сделать его своим преемником на киевском столе. Переяславцы не пожелали принять Всеволода; он вернулся в Новгород, крестоцелование которому «хощю у вас умерети» было им нарушено. В Новгороде «бысть встань велика в людех». К новгородцам подоспели псковичи и ладожане, Всеволод был изгнан, но, «паки сдумавше», ему вернули стол. Сложившаяся ситуация дала возможность новгородцам лишний раз подтвердить свою власть в дальней округе: Мирослав Гюрятинич получил посадничество в Пскове, а другой новгородский боярин Рагуил стал ладожским посадником.

В начале 1133 г. Всеволод ходил походом на чудь и взял город Юрьев. В следующем году им был предпринят безуспешный поход на Суздаль, вызванный желанием Всеволода посадить на суздальский стол своего брата Изяслава. После обильной людскими потерями с обеих сторон битвы при Ждане горе был заключен мир. Через год, когда возникла распря между киевлянами и черниговцами, мирить их был послан на юг посадник Мирослав, снабженный, по-видимому, противоречивыми инструкциями Всеволода. Мира между Черниговом и Киевом добился в конце года, уже после смерти Мирослава, новгородский епископ Нифонт.

Сумма всех этих событий привела в 1136 г. к свержению Всеволода Мстиславича. Снова призвав псковичей и ладожан, новгородцы заточили князя с семьей в епископском дворе, где круглосуточно дежурили тридцать вооруженных новгородцев.

Свергнутому князю были предъявлены следующие обвинения: 1. Не блюдет смердов; 2. Почему хотел уйти княжить в Переяслав?; 3. Почему с битвы (при Ждане горе) бежал первым?; 4. Зачем, пытаясь примирить киевлян с черниговцами, то приказывал помогать черниговскому князю Всеволоду Ольговичу, а то отступал от первоначальных приказаний?

Под стражей Всеволод Мстиславич просидел с 28 мая до 15 июля, когда он был изгнан из города. Поначалу новгородцы приняли на стол еще одного младенца – сына Всеволода Владимира, но уже 19 июля в Новгород пришел приглашенный князь Святослав Ольгович, брат черниговского Всеволода⁶⁷.

События 1136 г. известный советский историк Б. Д. Греков в 1929 г. назвал революцией: «Во второй половине 30-х годов XII в. Новгород пережил настоящую революцию, в результате которой явились новые формы политического строя (республика), уцелевшие, по крайней мере внешне, до самого конца самостоятельности Новгорода, и новое положение общественных классов, принимавших активное участие в этом движении»⁶⁸. Этот тезис был активно поддержан позднейшей историографией, в частности В. И. Корецкий считал, что после 1136 г. распоряжение землями и смердами перешло в ведение новгородского веча⁶⁹.

В действительности, как об этом рассказано выше, основа республиканского строя были заложены изначально ограничением княжеской власти в деле сбора податей с населе-

⁶⁷ НПЛ. С. 24, 209.

⁶⁸ Греков Б. Д. Революция в Новгороде Великом в XII в. УЗ РАНИОН. Т. IV М., 1929. С. 21.

⁶⁹ Корецкий В. И. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича Новгородскому Пантелеймонову монастырю // Исторический архив. 1955. № 5. С. 207.

ния, а затем – запрещением князю владеть новгородскими землями на основе вотчинного права и введением должности посадника в конце XII в.

Борьба бояр за власть на фоне княжеских усобиц середины XII века

Призвание Святослава Ольговича резко изменило ситуацию экономического обеспечения князя и его двора. На доходы с домениальных земель предыдущего князя он претендовать не мог, поскольку не принадлежал к потомству Мстислава Владимировича. Новгородцы, как это следует из Устава Святослава Ольговича о церковной десятинах 1137 г., предоставили ему ряд податных округов в северных и северо-восточных районах – на нижней Двине и ее притоках, а также на Пинеге и ее притоках. Здесь в качестве епископской ренты («десятины») фиксируется общая сумма сбора доходов «в 100 гривен новых кун» с раскладкой на каждый погост. Сборщик податей с этой территории («домажирич») находился в Онеге. Забегая вперед, следует отметить сравнительную недолговечность княжеской принадлежности этих земель. Рукопись «Устава 1137 г.» (она дошла до нас в записи XIII в.) содержит приписки об Обонежском и Бежецком «рядах» (договорах), согласно которым домениальный характер, просуществовавший до конца новгородской независимости, был присвоен другим территориям⁷⁰. Это изменение было предпринято не позднее первой трети XIII в.

Недолгое княжение Святослава Ольговича ознаменовано существенными конфликтами. В 1137 г. Святослав женился в Новгороде. Епископ Нифонт, объявивший избранницу князя его не достойной, отказал ему в венчании, и князь «венцася со своими попы» в церкви св. Николая на княжеском дворе. В том же году на Святослава было совершено покушение сторонниками изгнанного Всеволода Мстиславича⁷¹.

Пик конфликтов между князем и Новгородом пришелся на тот же год. В начале марта посадник Костянтин Микульчич и еще несколько знатных новгородцев бежали к Всеволоду и тайно пригласили его на княжение в Новгород. Всеволод пришел в Псков, надеясь на успех, тем более что псковичи признали его своим князем. В Новгороде возник раскол между сторонниками и противниками Всеволода. Дома сторонников были разграблены, у них было отнято полторы тысячи гривен, которые «даша купце крутитися на воину». Святослав Ольгович «совокупи всю землю Новгородскую», призвал на помощь своего брата Глеба, воинов из Курска и половцев. Поход на Псков однако остановился на Дубровне, где было решено «не проливать крови со своей братией». Вскоре Всеволод скончался, а псковичи пригласили на свой стол его брата Святополка⁷². По существу с этого момента утвердилось независимое Псков от Новгорода. Псковичи стали «вольны в князьях», оставаясь лишь в пределах единой новгородской епархии, т. е. подчиняясь в церковном отношении новгородскому епископу.

17 апреля 1138 г. Святослав Ольгович был изгнан из Новгорода, остававшегося без князя почти два года. Новгородские послы были отправлены в Суздаль к Юрию Долгорукому. Тогда же Новгорода достиг ложный слух о том, что Святополк Мстиславич с псковичами подошел к городу. Новгородцы заточили жену Святослава Ольговича в Варварин монастырь, а самого Святослава схватили смоляне и стерегли его на Смядыни, ожидая решения династического спора от киевского и черниговского князей. Тем временем умер киевский князь Ярополк, а на новгородский стол пришел из Суздаля сын Юрия Долгорукого Ростислав, который княжил год и четыре месяца, после чего новгородцы изгнали его и пригласили

⁷⁰ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976, С. 147–148.

⁷¹ НПЛ. С. 24, 209.

⁷² НПЛ. С. 24–25, 209–210.

из Чернигова опять Святослава Ольговича. При этом летописец сообщает, что это приглашение вызвало в Новгороде мятеж⁷³. Надо полагать, прямую связь с этим мятежом имеет событие следующего, 1140 г., когда «поточиша в Киев» Костянтина Микулиница, Полюда Гостятиница, Демьяна «и иных колко».

Арест бывшего посадника Костянтина Микульчича проливает свет на существо мятежа. Как уже отмечено, именно Костянтин Микульчич был первым из знатных новгородцев, еще в 1137 г. перебежавших к изгнанному Всеволоду Мстиславичу. Личные причины этого действия становятся понятны при ознакомлении с его родственными связями. Костянтин Микульчич был родным братом Петрилы Микульчича, получившего посадничество в Новгороде в 1130 г. и погибшего в битве при Жданове горе в 1134 г. В 1123 г. князь Всеволод Мстиславич женился в Новгороде на дочери Петрилы. Свидетельство об этом сохранилось в оформлении одного из сохранившихся до сегодняшнего дня замечательных предметов прикладного искусства. По случаю бракосочетания Всеволода и дочери Петрилы мастером Братилой по заказу Петрилы была изготовлена и передана в Софийский собор причастная чаша с надписью «Се сосуд Петров и жены его Варвары» и изображениями Христа, Богоматери, и небесных патронов заказчиков – апостола Петра и св. Варвары. Таким образом, дети Всеволода Мстиславича были внучатыми племянниками Костянтина Микульчича⁷⁴.

В 1141 г. киевский князь Всеволод Ольгович послал в Новгород, требуя к себе брата Святослава и предлагая на новгородский стол своего ставленника. За ставленником Всеволода были посланы епископ и «много лепших людий», а Святославу новгородцы предложили подождать нового князя. Однако Святослав убоился возможного обмана и «бежа отаи ношью». Вместе с ним бежал и посадник Якун Мирославич, но на Плесе новгородцы перехватили его вместе с братом Прокопием, привели в Новгород и, обнаживши «яко мати родила», сбросили с моста. Оба брата уцелели. У Якуна отобрали 1000 гривен, а у Прокопия – 100 гривен и заточили их в Чудь, «оковавше руце к шии». За них вступился Юрий Долгорукий, который некоторое время держал их с женами у себя «в милости». Посадничество новгородцы предоставили Судиле Иванковичу, который вместе с Нежатой и Страшком перед тем бежали из Новгорода «Святослава деля и Якуна».

Этот выбор разгневал Всеволода Ольговича, задержавшего у себя новгородских купцов и послов во главе с епископом. Тем временем Юрий Долгорукий прислал на новгородский стол своего сына Ростислава, а Всеволод, поддержанный новгородскими послами, отправил туда же князя Святополка (брата Всеволода Мстиславича). Получив весть об этом, новгородцы схватили Ростислава, четыре месяца держали его во владычном дворе, а затем отправили к Юрию Долгорукому. Вполне закономерным в свете этих обстоятельств представляется избрание в посадники в следующем году Нежаты Твердятича, а в 1146 г. – Костянтина Микульчича («у Нежате отъяша»)⁷⁵: Нежата уже известен нам как враг Святослава Ольговича, а Костянтин – как свойственник Мстиславичей.

Его избрание, кстати, произошло тогда, когда на киевском столе утвердился другой его свойственник – Изяслав Мстиславич, брат Всеволода и Святополка.

Недолгое пребывание суздальского ставленника Ростислава Юрьевича на новгородском столе (1141–1142 гг.) вызвало затяжной конфликт между Суздалем и Смоленском. В грамоте смоленского князя Ростислава Мстиславича упоминается «Суждали залесская дань, аже воротить Гюрги, что будеть в ней, ис того Святеи Богородици десятина». Возвращение этой дани летопись зафиксировала под 1149 г.: «Изяслав съступи Дюргеви Киева, а Дюрги

⁷³ Там же. С. 25, 210–211.

⁷⁴ НПЛ. С. 21, 205; Янин В. Л. Новгородские посадники. С. 182.

⁷⁵ НПЛ. С. 26, 211–212.

возврати все дани Новгороцкыи Изяславу, и его же Изяслав хотяше»⁷⁶. Очевидно, что речь идет о доходах с домениальных земель, пожалованных Мстиславом Владимировичем Всеволоду в 1117 г. В княжение Ростислава Юрьевича эти доходы, которые надлежало передать в Смоленск, были присвоены суздальским ставленником, не принадлежавшим к потомству Мстислава Владимировича.

Борьба вокруг претендентов на княжеский стол отвлекала новгородцев от не менее важных дел. Результатом было нападение в 1142 г. еми на Ладогу, в ходе которого были избиты 400 ладожан; в том же году шведы со своими князем и епископом в 60 шнеках напали на возвращавшихся из заморья на трех ладьях 150 новгородских купцов, избili их и отняли ладьи с товаром. В отместку за нападение на Ладогу карелы в 1143 г. совершили поход на емь.⁷⁷

Святополк Мстиславич княжил в Новгороде до осени 1148 г., когда «присла Изяслав сына своего Ярослава ис Кыева, и приаша и новгородци, а Святополка выведе злобы его ради».⁷⁸

В княжение Святополка Мстиславича Новгород украсился новыми каменными храмами. В 1144 г. была построена церковь Успения Богородицы на Торговище. В 1146 г. – сразу четыре церкви: свв. Бориса и Глеба в Детинце, св. Ильи и свв. Петра и Павла на Славне, свв. Козмы и Демьяна в Неревском конце. В 1144 г. владыка Нифонт распорядился расписать фресками притворы Софийского собора. Тогда же был заново выстроен Великий мост через Волхов, снесенный половодьем предшествующего года.⁷⁹

Конец княжения Святополка Мстиславича – время усилившегося конфликта с Юрием Долгоруким. Осенью 1147 г. Святополк «со всею областью Новгородчкою» отправился в поход на Суздаль, но дошел только до Нового Торга и вынужден был вернуться из-за распутицы. В следующем году Нифонт отправился в Суздаль для заключения мира, «и прият и с любовию Гюрги»⁸⁰. Вещественным памятником этой миссии является знаменитый антиминс церкви св. Георгия, освященной Нифонтом в Суздальской земле, хранившийся в позднейшее время в алтаре Никольской церкви на Ярославовом дворище в Новгороде⁸¹. Сразу же после заключения мира с Юрием Долгоруким произошла уже упомянутая перемена на новгородском столе.

* * *

Приход на новгородский стол Ярослава Изяславича, однако, сразу же привел к возобновлению военного конфликта с Юрием Долгоруким. Непосредственно после вокняжения отец новгородского князя Изяслав организует поход к Ростову, завоевывает шесть городов на Волге, опустошив Суздальскую землю вплоть до Ярославля и взяв 7000 пленных, после чего возвратился «роспустья деля».

Конфликт продолжается в 1149 г., на этот раз в северных владениях Новгорода из-за собираемых там даней. Юрий Долгорукий отправил туда князя Берладского с воинами. Новгородские данники, бывшие «в мале», укрылись на острове, но суздальцы, окружив остров ладьями, вызвали их на битву, в ходе которой значительные потери понесли обе стороны,

⁷⁶ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. С. 143; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 393.

⁷⁷ НПЛ. С. 26, 212.

⁷⁸ Там же. С. 28, 214.

⁷⁹ Там же. С. 27, 213–214.

⁸⁰ НПЛ. С. 27–28, 214.

⁸¹ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XV вв. М., 1964. Табл. XLII.

при этом суздальцев погибло «бещисла». В том же году новгородцы успешно отбили нападение еми на воду.⁸²

Княжение Ярослава Изяславича продолжалось до 1154 г. и так же может быть отмечено новыми успехами в культурной жизни Новгорода. В 1151 г. владыка Нифонт «поби святую Софею свиньцем всю прямя и извистию омаза всю около». Тогда же были построены церкви св. Василия в Людином конце и свв. Константина и Елены в Неревском конце. В 1153 г. Нифонт заложил в Ладоге церковь св. Климента, а игумен Аркадий основал в окрестностях Новгорода Аркаж монастырь Успения Богородицы. Впрочем, не обошлось и без потерь. В 1152 г. в большой пожар на Торговой стороне погорел Торг, а также девять церквей, одной из которых была «Варяжская»⁸³.

В апреле 1154 г. новгородцы изгнали Ярослава и пригласили на стол князя Ростислава Мстиславича, но в ноябре того же года, получив известие о смерти киевского князя Изяслава, Ростислав устремился к этой открывшейся вакансии, передав новгородское княжение своему сыну. Поскольку новый договор с Новгородом при этой акции не был заключен, «возне- годоваша новгородци, зане не створи им наряда, но болши раздра», и изгнали навязанного им князя. Владыка Нифонт «с передними мужи» был отправлен к Юрию Долгорукому просить князя, и 30 января 1154 г. новгородский стол был занят его сыном Мстиславом. На следующий год Юрий Долгорукий овладел киевским княжением, после чего предпринял ряд действий по примирению с соперничавшими с ним князьями. В результате «бысть тишина в Рустей земли».⁸⁴

Союз с Новгородом был закреплен в 1156 г. браком Мстислава Юрьевича, женившегося на Анастасии, дочери новгородского боярина Петра Михалковича, идентифицируемого с уже известным нам адресатом берестяных грамот биричем Петроком: «Тои же зиме повеле Дюрги Мстиславу сынови своему Новогороде женитися Петровною Михалковича, и оженися». Если в этом сообщении Ипатьевской летописи инициатором брака назван Юрий Долгорукий, то Лаврентьевская летопись приписывает инициативу новгородцам: «Тое же зимы ожениша новгородци Мстислава Гюргевича и пояша за нь Петровну Михалковича»⁸⁵. По-видимому, инициатива была взаимной.

Два выдающихся памятника новгородского искусства являются свидетельствами этого бракосочетания. По заказу Петра Михалковича и его жены Марии (Марены), в подражание причастной чаше, изготовленной мастером Братилой в связи с женитьбой князя Всеволода Мстиславича на дочери Петрилы Микульчича, мастер Коста изготовил такой же кратир с надписью «Се сосуд Петров и жены его Марьи» и изображениями Христа, Богоматери, апостола Петра и св. Анастасии (см. илл. 18 цв. вкл.). Тогда же была заказана иконописцу икона «Знамение Богоматери» с изображением на обратной ее стороне апостола Петра и св. Анастасии (при позднейшей реставрации она получила ошибочное имя Наталья)⁸⁶ (см. илл. 19 цв. вкл.). Этой иконе предстояло стать главной духовной реликвией Новгорода после ее участия в битве новгородцев с суздальцами в 1170 г. Но об этом речь впереди.

Важнейшее событие новгородской истории произошло в 1156 г. и связано с кончиной владыки Нифонта 21 апреля. Если прежде назначение епископов на новгородскую кафедру находилось в безраздельной компетенции киевских митрополитов, то теперь, как сообщает летопись, «собрася весь град людий» и избрали епископом Аркадия. Его торжественно при-

⁸² НПЛ. С. 28, 214–215.

⁸³ Там же. С. 29, 215.

⁸⁴ НПЛ. С. 29, 216.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 482; Т. 1. Стб. 346.

⁸⁶ Гиппиус А. А. О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII века // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. С. 164–174.

вели из Аркажа монастыря, где он был игуменом, и поручили ему епископию, «дондеже приидеть митрополит в Русь, и тогда поидеши ставится»⁸⁷. Новый порядок вечевого избрания епископа и его последующего утверждения («хиротонисания») митрополитом существовал вплоть до конца новгородской независимости.

Княжение Мстислава Юрьевича оказалось недолгим. В 1157 г «бысть котора зла в людех», князя стали изгонять из города; за него встала Торговая сторона, «мало же крови не пролиаша межи собою». Когда в Новгород пришли Святослав и Давид Ростиславичи, сыновья смоленского, а затем киевского князя Ростислава Мстиславича, Мстислав бежал из Новгорода. В том же году умер его отец Юрий Долгорукий, а в Новгороде Ростислав Мстиславич оставил княжить своего сына Святослава, передав другому своему сыну Давиду в княжение Новый Торг. Правда, и княжение Святослава было недолгим. В 1160 г. «прияша новгородци Святослава Ростиславица, и послаша его в Ладогу, и княгыню впустиша в монастырь святыя Варвары, а дружину его в погреб всажаша, и введоша Мьстислава Ростиславица, внука Юрьева, месяца июня в 21 день». Тогда же посадником стал Нежата. Князь Святослав был отправлен в Ладогу, откуда бежал в Смоленск. Впрочем, на следующий год «урядися Ростислав с Андреем о Новьгороде»: Мстислав, княживший «год без недеи», был выведен, а Святослав снова введен 28 сентября 1161 г. Тогда же на посадничестве Нежата был заменен Захарией⁸⁸.

Летописец сообщает о тяжелом неурожае и голоде 1161 г. и о нападении шведов на Ладогу, отбитом новгородцами во главе с князем и посадником. В 1163 г. скончался епископ Аркадий, а на новгородскую кафедру поставлен Илия.

В княжение Святослава Ростиславича Новгород украсился новыми храмами. В 1165 г. была построена церковь Троицы в Людином конце и церковь св. Николая в княжеской резиденции на Городище. В 1166 г. надвратная церковь Спаса в Юрьевом монастыре.

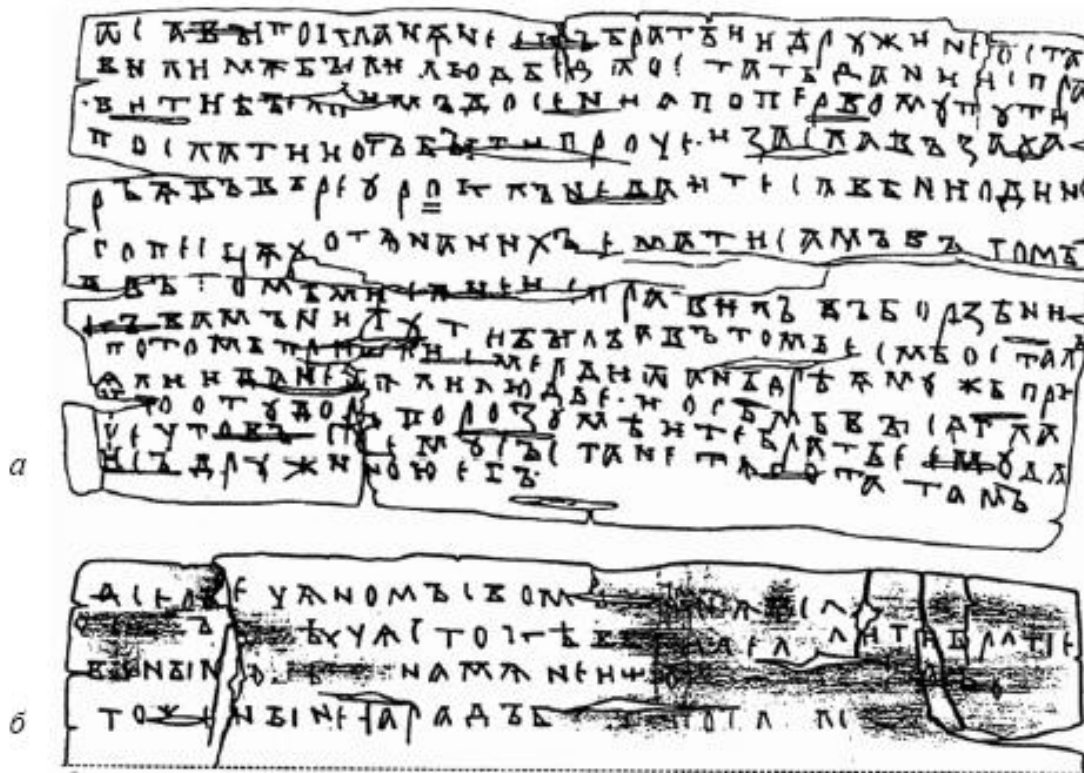

Рис. 20. Берестяная грамота № 724 (а – лицевая сторона, б – оборот)

⁸⁷ НПЛ. С. 29–30, 216.

⁸⁸ Там же. С. 31, 216.

В 1167 г. Сотко Сытинич построил каменный храм свв. Бориса и Глеба в южной половине Детинца.

В том же году князь Святослав Ростиславич ушел в Луки, откуда сообщил новгородцам: «не хоцю у вас княжити, не любо ми есть». На это новгородцы заявили, что и они не желают видеть Святослава на своем столе, и выгнали его из Лук, принудив скрыться в Торопце, а затем уйти на Волгу. Распря вызвала широкий резонанс. За князем были отправлены послы в Киев к Мстиславу просить у него сына. За Святослава вступился Андрей Боголюбский, разгромивший Новый Торг. Роман и Мстислав Ростиславичи сожгли Луки. Андрей Боголюбский, полочане и смоляне требовали возвращения на новгородский стол Святослава, который имел сторонников и среди новгородских бояр, в том числе посадника Захарию, бирича Несду и Неревина, которые были убиты восставшими противниками Святослава⁸⁹.

Значительным эпизодом этого конфликта стало противодействие Андрея Боголюбского сбору новгородцами заволочской дани, запечатленное в берестяной грамоте № 724 (рис. 20). В этом документе предводитель сборщиков дани Сава сообщает, что Захария запретил тамошним людям «ни единого песца» давать Саве, и они отдали дань людям Андрея. Из сообщения Лаврентьевской летописи известно, что в зиму 1166/67 г. за Волок был Андреем Боголюбским послан его сын Мстислав. Цитированная берестяная грамота сообщает также, что «сельчанам своим князь сам от Волоку и от Мьсте участоке водале»⁹⁰, что свидетельствует о сохранении до этого времени княжеских прав на земли, перечисленные в «Уставе князя Святослава Ольговича 1137 г.».

Развивая конфликт, новгородцы избрали посадником Якуна Мирославича и послали в Киев к князю Мстиславу просить у него сына. С 1 сентября 1167 г. до 31 марта 1168 г. Новгородом правил Якун, ожидая ответа из Киева, откуда только 14 апреля пришел малолетний Роман Мстиславич, «внук Изяславль».

Конфликт не прекратился в 1168 г., когда новгородцы вместе с псковичами организовали походы на Полоцк и Торопец, а коалиция союзников Андрея Боголюбского выступила в поход на Киев. В 1169 г. нашла продолжение борьба между Суздалем и Новгородом за заволочские дани. Андрей направил в Заволочье отряд из 7000 воинов. Новгородцы числом 400 вступили с ними в сражение и победили, потеряв только 15 человек, тогда как потери суздальцев составили 1300 человек. Ответным действием Андрея Юрьевича была организация похода на Новгород сводного отряда суздальцев, смолян, торопчан, муромцев, рязанцев, полочан («и вся земля просто Руская»). Новгородцы построили дополнительный пояс укреплений («устроиша город около города»). 22 февраля 1170 г. началась ожесточенная битва, победу в которой одержали новгородцы 25 февраля. Свой успех победители приписывали чуду от вынесенной на городскую стену Софийской стороны на участке, занятом позднее строениями Десятинного монастыря, иконы «Знамение Пресвятой Богородицы»: суздальцы попали в нее стрелой, икона плакала и наслала на вражеское войско тьму, из-за которой враги стали драться не с новгородцами, а друг с другом⁹¹. Сюжет «Битва новгородцев с суздальцами» неоднократно запечатлен в новгородских храмовых иконах XV в. (см. илл. 21 цв. вкл.).

Икона «Знамение», ставшая главной святыней Новгорода, – это тот самый образ, который был написан по случаю бракосочетания дочери бирича Петра Михалковича и сына Юрия Долгорукого – Мстислава. Победителей новгородцев возглавлял посадник Якун Мирославич. Следует напомнить, что имена Петрока (Петра Михалковича) и Якши (Якуна

⁸⁹ НПЛ. С. 32, 219–220.

⁹⁰ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000. С. 22–25.

⁹¹ НПЛ. С. 32–33, 220–221.

Мирославича) как адресатов вершителей сместного суда князя и посадника сочетаются в берестяных грамотах середины – третьей четверти XII в.

Конфликт с Андреем Боголюбским обернулся для Новгорода голодом из-за неурожая и дороговизны продуктов, значительная часть которых, по-видимому, поступала из Суздальской земли. Поэтому в том же 1170 г. новгородцы показали путь князю Роману, «а сами послашесь к Андрееви на мир: на всеи воли нашей и даи же нам князь». Новгородский стол занял Рюрик Ростиславич. В 1171 г. посадничество было отнято у преемника Якуна – Жирослава, который, изгнанный из Новгорода, нашел приют у Андрея Боголюбского, а посадником стал Иванко Захарьинич. Впрочем, уже в следующем году князь Рюрик ушел из Новгорода, а новгородцы отправили послов за князем в Суздаль, откуда Андрей прислал княжить своего сына Юрия, а посадничать – пригретого им Жирослава. В 1172 г. новгородцы, недовольные навязанным им посадником, отправили к Юрию владыку Илию «на всю правду; тогда же даша опять посадничество Иванкови Захарьиничу», занимавшему этот пост до своей смерти в 1175 г.

После того как в 1174 г. был убит Андрей Боголюбский, произошла смена князей и в Новгороде: на место выведенного Юрия Андреевича пришел его племянник Святослав Мстиславич, вскоре смененный своим отцом Мстиславом Ростиславичем; тогда же новгородцы прогнали с посадничества Жирослава, избрав на его место Завида Неревинича. Союз потомков Юрия Долгорукого с новгородцами в 1176 г. был еще раз скреплен бракосочетанием: на этот раз князь Мстислав Ростиславич женился на дочери бывшего посадника Якуна (Якши) Мирославича. Судьба снова соединила имена Петрока и Якши: оба они отдали своих дочерей замуж за потомков Юрия Долгорукого⁹².

⁹² НПЛ. С. 33–35, 222–224.

Борьба боярских территориальных группировок за власть

На протяжении XII в. политическая борьба в Новгороде ведется не только вокруг приглашения того или иного князя, но и по поводу очередных избраний посадников. Нет сомнения в том, что базис этой борьбы возник в отдаленные времена, когда три компонента государственной организации Новгорода в середине IX в., не найдя компромисса между собой, вынуждены были искать князя «за морем». Участниками политических столкновений при избрании посадников оставались основные территориальные группировки бояр. Эти группировки, участвуя в спорах

О приглашении князя, естественно, могли тяготеть в своих симпатиях к определенным княжеским династиям. Существенные материалы, позволяющие разобраться в хитросплетениях соперничества боярских группировок, дает обширный комплекс берестяных грамот XII – начала XIII вв., отложившихся в культурном слое боярских усадеб Троицкого раскопа в Людином конце.

В напластованиях, суммарно датированных 2-й половиной XI – началом XII в., на одной из этих усадеб найдена грамота № 613, написанная Вонегом и адресованная Ставру⁹³. Единственный известный летописцу Ставр упомянут под 1118 г., т. е. в рамках стратиграфической датировки этой грамоты. Этот рассказ уже цитирован и прокомментирован выше в связи с разграблением усадеб Даньслава и Ноздрьчи⁹⁴. Имеется основание связывать это разграбление с борьбой против неревского боярства. В Неревском конце существовала Даньславля улица с церковью св. Дмитрия на ней. Между тем эта церковь при ее раннем упоминании XII в. именуется «Ноздрьчиной»: в 1195 г. после пожара, опустошившего Неревский конец, «сърубиша церковь... святого Дмитрия Ноздрьчину»⁹⁵. Рассказ 1118 г., таким образом, позволяет утверждать, что Ставр не был неревлянином, однако отнюдь еще не локализует его в Людином конце. Для идентификации летописного Ставра с адресатом грамоты № 613 необходимо выяснить территориальную принадлежность той группировки новгородских бояр, которая во времена князя Всеволода Мстиславича наиболее активно соперничала с неревским боярством.

Исходный материал для таких наблюдений дают обстоятельства 1134 г., когда князь Всеволод предпринял незавершенный из-за противодействия новгородцев поход на Суздаль, пытаясь посадить в нем на княжение своего брата Изяслава: «ходи Всеволод с новгородьци, хотя брата своего посадити Суждали, и воротишася на Дубне опять; и на томъ же пути отяша посадництво у Петрила и даша Иванку Павловицю. А Изяслав иде къ Киеву». В обстановке начавшейся борьбы Мстиславичей с черниговскими князьями, когда «роздрася вся земля Русьская», Новгород также был разодран борьбой боярских политических симпатий и антипатий.⁹⁶

Великая княжеская усобица началась в 1132 г. со смертью киевского князя Мстислава Владимировича, когда его брат, новый киевский князь бездетный Ярополк, пытался по завещанию Мстислава посадить в Переяславле сначала Всеволода Мстиславича, а затем Изяслава Мстиславича, откуда и тот и другой были последовательно изгнаны Юрием Долгоруким. В начале 1134 г. Юрий «испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку

⁹³ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986, С. 76.

⁹⁴ НПЛ. С. 21, 204–205.

⁹⁵ НПЛ. С. 42.

⁹⁶ Там же. С. 23, 208.

вда Суждаль и Ростов и прочюю волость свою, но не всю». Эта рокировка вызвала к жизни политический союз Мстиславичей с черниговскими князьями: «В то же лето ис Турова иде Изяслав в Менеск, оттоле же иде Новугороду к братьи, и сложишася [со] Олговичи и с Давыдовичи, и всташа вси на рать». В Новгороде такой союз привел к столкновению группировок: «Почаша мълвити о суждальстеи воине новъгородци, и убиша мужь свои и съвъргоша и с моста в субботу Пянтикостъную» (канун Троицы, 2 июня). Борьба продолжалась, как видно из приведенной выше цитаты, и во время осеннего похода 1134 г., когда отказ новгородцев поддержать Мстиславичей привел к свержению Петрилы Микульчича и избранию Иванки Павловича⁹⁷.

Вряд ли возможно, противопоставляя Иванка Павловича Петриле Микульчичу, видеть в первом из них деятеля просуждальской ориентации, а во втором – решительного противника такой ориентации. По-видимому, главной пружиной борьбы был вопрос о правомерности союза с Ольговичами, особо подчеркнутый спустя полтора года при свержении князя Всеволода Мстиславича: «на початыи велев ны, рече, к Всеволоду приступити, а паки отступити велить»⁹⁸. О том же свидетельствует поворот ситуации сразу же после заключения мира между киевским князем Ярополком и Всеволодом Ольговичем, в результате которого Переяславль был отдан брату Ярополка Андрею, а Изяслав Мстиславич получил Владимир Волынский. Именно в этот момент, после безуспешных переговоров новгородцев в Киеве, а затем и в Новгороде, куда прибыл митрополит Михаил, организуется новый поход на Суздаль, в котором участвуют и Иванко Павлович, и Петрила Микульчич. Поход закончился плачевной для Новгорода битвой при Ждане горе, когда «убиша посадника новгородскаго Иванка, мужа храбра зело, месяца генъваря в 26, и Петрила Микульчица и много добрых муж, а суждальць боле; и створше мир, придоша опять»⁹⁹.

Теперь посадником был избран Мирослав Гюрятинич. Его возвышение совпало по времени с новой вспышкой борьбы между Мономашичами и Ольговичами, в которой он придерживался дружественного Ольговичам нейтралитета: «ходи Мирослав посадник из Новгорода мирить кыян с черниговьци, и приде, не успев ниц-то же: сильно бо възмялася вся земля Русская; Ярополк к собе зваше новъгородьце, а черниговьскыи князь к собе»¹⁰⁰. Военный успех Всеволода Ольговича привел к заключению мира при содействии новгородского епископа Нифонта в январе 1136 г. В Новгород Нифонт вернулся 4 февраля, «а Мирослав преставися до владыкы, генуаря в 28», после чего посадником был избран брат Петрилы – Костянтин Микульчич¹⁰¹.

Судьба Костянтина теснейшим образом связана с судьбой князя Всеволода Мстиславича. 28 мая 1136 г. Всеволод в результате восстания был арестован, 15 июля изгнан, а на новгородский стол позван из Чернигова Святослав Ольгович, на которого в тот же год было совершено покушение («стрелиша князя милостьници Всеволожи, нъ жив бысть»)¹⁰². Уже 7 марта 1137 г. в Вышгород к изгнанному Всеволоду Мстиславичу «бежа Костянтин посадник... и иных добрых мужь неколико»¹⁰³. Посадничество оказалось в руках сына покойного Мирослава Гюрятинича – Якуна Мирославича, остававшегося на этой должности до 1141 г.

На протяжении всего этого периода Якун Мирославич выступает как ярый приверженец черниговской княжеской линии. Несмотря на то, что не состоялась война с Псковом,

⁹⁷ Там же. С. 23, 208; ПСРЛ. Т. 4. С. 4; Т. 5. С. 157; Т. 7, С. 30.

⁹⁸ НПЛ. С. 34, 209.

⁹⁹ Там же. С. 23, 208.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же. С. 24, 209.

¹⁰² НПЛ. С. 24, 209.

¹⁰³ Там же.

давшим приют вскоре умершему Всеволоду Мстиславичу, а затем его брату Святополку, у Новгорода не было мира ни с псковичами, «ни с суждальци, ни с смольняны, ни с полоцканы, ни с кыяны». С 17 апреля 1138 г. по 1 сентября 1139 г. Якун вынужден был делить власть с приглашенным из Суздаля сыном Юрия Долгорукого Ростиславом, но когда Юрий позвал новгородцев на войну с Всеволодом Ольговичем, те отказали ему и вернули на стол Святослава Ольговича. Окончательный разрыв с черниговским князем в начале 1141 г. привел к падению Якуна Мирославича: князь Святослав «бежа отаи в ночь; Якун с ним бежа. И Якуна яша на Плисе, и приведеше и семо с братомъ его Прокопью, (биша) малы не до смерти, обнаживше, яко мати родила, и съверша и с моста; нъ Бог избави, прибреде к берегу, и боле его не биша, нъ възяша у него 1000 гривен, а у брата его 100 гривен, такоже и у инех имаша; и затоциша Якуна в Чюдъ с братомъ, оковавъше и руце к шеи. И послед приведе к себе Гюрги и жены ея из Новагорода, и у себе держащее в милости»¹⁰⁴. Н. М. Карамзин писал по этому поводу: «Сии изгнанники скоро нашли верное убежище там же, где и враги их: при дворе Георгия Владимировича, и благословляя милостивого князя, навсегда отказались от своего мятежного отечества»¹⁰⁵. В действительности Якуну предстояло и в дальнейшем бывать новгородским посадником.

Верность черниговским князьям определяла действия Якуна Мирославича и по отношению к их новгородским противникам. В 1137 г., когда Всеволод Мстиславич появился в Пскове, «позван отаи новгородскими и пльсковскими мужи, приятели его», «мятежь бысть велик Новеороде: не възхотеша людье Всеволода; и побегоша друзии к Всеволоду Пльскову, и възяша на разграбление дома их, Къснятин, Нежятин и инех много, и еще же ищуще то, кто Всеволоду приятель бояр, ть имаша на них не с полуторы тысяце гривен»¹⁰⁶. В 1140 г., во время второго княжения в Новгороде Святослава Ольговича, «потоциша Кыеву к Всеволоду Къснятина Микульциця, и паки по немь инех мужь, оковавъше, Полюда Къснятиниця, Дъмьяна, инех колико»¹⁰⁷. Наконец, после расправы с Якуном в 1141 г. новгородцы «призваша и-Суждаля Судилу, Нежату, Страшка, оже беху бежали из Новагорода, Святослава деля и Якуна; и даша посадництво Судилу Новеороде; и послаша по Гюргя по князя Суждалю, и не иде, нъ посла сын свои Ростислав, оже тои преже был»¹⁰⁸. Если Карамзин правильно понимал под этими лицами врагов Якуна Мирославича, то С. М. Соловьев решительно заблуждался, когда, неверно поняв выражение «Святослава деля и Якуна», писал: «в Суздаль же бежали и другие приятели Святослава и Якуна – Судила, Нежата, Страшко; ясно, что Юрий милостивым приемом привлек их всех на свою сторону»¹⁰⁹.

Целью столь подробного рассказа является показать наличие в Новгороде конца 10-х – начала 40-х годов XII в. трех различных по своим политическим устремлениям боярских группировок. К первой из них, последовательно демонстрирующей свое единство с Мстиславичами, принадлежат Петрила и Костянтин Микульчичи. Вторая, очевидно тяготеющая к черниговским князьям, представлена Мирославом Гюрятиничем и Якуном Мирославичем. К третьей, выступающей против черниговцев и с определенного момента опирающейся на Юрия Долгорукого, относятся Иванко Павлович, Судила Иванкович, а также Нежата и Страшко. До свержения Всеволода Мстиславича борьба идет между Петрилой Микульчичем и Иванкой Павловичем; возникшая же затем активность прочерниговской группировки

¹⁰⁴ Там же. С. 26, 21—212.

¹⁰⁵ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. М., 1988. Т. 2, гл. 10. Стб. 116.

¹⁰⁶ НПЛ. С. 24—25, 209—210.

¹⁰⁷ Там же. С. 26, 211.

¹⁰⁸ Там же. С. 26, 212.

¹⁰⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1 (Т. 1—2). М., 1988. С. 423.

сближает бывших противников: уже в 1137 г. разграблению в равной мере подвергаются дворы и Костянтина Микульчича, и Нежаты.¹¹⁰

Наблюдения над генеалогическими материалами позволяют установить прежде всего территориальную принадлежность про-черниговской боярской группировки. В 1210 г. во время посадничества Твердислава Михалковича – прусского боярина, построившего вместе с братом Федором в 1219–1224 гг. церковь Михаила архангела с приделом Трех отроков на Прусской улице¹¹¹, – «прииде Дмитр Якуницъ из Руси, и съступися Твердислав посадничества по своей воли стареишу себе; тѣгда же даша посадничество Дѣмитру Якуничю»¹¹². Ссылка на старшинство может здесь иметь только один смысл: Дмитр был сыном посадника Якуна Мирославича (в летописном перечне посадников; «Якун, сын его Дмитр»¹¹³), посадничавшего уже в 1137 г., тогда как отец Твердислава Михалко Степанич впервые стал посадником в 1180 г. Основанный на таких принципах столь мирный отказ Твердислава от посадничества возможен, по-видимому, лишь внутри единой боярской группировки. Косвенным образом территориальная принадлежность Якуна Мирославича подтверждается и обстоятельствами его прихода к власти в 1167 г. Приведший его на посадничество переворот сопровождался убийством посадника Захарии, боярина Неревина и бирича Несды. Первые два принадлежали к боярству Неревского конца, а Несда связан с Людиным концом (см. об этом ниже); следовательно, Якун противоположен и неревской, и людинской группировкам.

Существуют возможности установить принадлежность сторонников Мстиславичей, в том числе Петрилы Микульчича. Летописный перечень новгородских посадников указывает его генеалогические связи: «Микула, сына его два: Петр, Костянтин»¹¹⁴. Посадник Микула в самом летописном рассказе не упомянут, поскольку его деятельность относится ко времени до 1117 г., т. е. даты, ранее которой сведения о новгородских посадниках в летописи отсутствуют. Петрила Микульчич посадничал с начала 1131 г. до 1134 г. Костянтин Микульчич избран в феврале 1136 г., оставался на должности до побега из Новгорода 7 марта 1137 г.; повторно он посадничал с 1146 г. до своей смерти зимой 1147/48 г.

Это боярское гнездо проявляется в серии берестяных грамот Неревского раскопа. На неревской усадьбе «Д» в слое, датированном концом XI – серединой 10-х гг. XII в., была найдена грамота № 109, адресованная Микуле (рис. 22). В ней некий Жизномир сообщает о том, что купленная при его содействии в Пскове рабыня, уже перепроданная Микулой кому-то, оказалась украденной у княгини, по поводу чего Жизномир начинает следствие¹¹⁵. На той же усадьбе в слоях середины 10-х – середины 30-х гг. XII в. обнаружена грамота № 336, написанная Петром и адресованная Вльчку¹¹⁶; упоминаемый в ней Рожнет фигурирует в летописи под 1135 г. как инициатор строительства церкви Николы на Яковлеве улице Неревского конца¹¹⁷. К тому же стратиграфическому уровню, но на усадьбе «И» относится грамота № 241, написанная Коснятином и адресованная Ждану¹¹⁸. Обе последние грамоты имеют

¹¹⁰ НПЛ. С. 24, 210.

¹¹¹ НПЛ. С. 59, 63, 260, 267.

¹¹² Там же. С. 52, 249.

¹¹³ Там же. С. 472.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958. С. 38–41.

¹¹⁶ Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963. С. 24–26.

¹¹⁷ НПЛ. С. 23, 208. В издании слова «и Рожньеть» неверно переданы как «Ирожьньеть». См.: Зализняк А. А. О вероятной связи ряда берестяных грамот с несколькими историческими лицами XII и начала XIII в. // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 181–182.

¹¹⁸ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963. С. 63–64.

характер денежных внутрихозяйственных распоряжений иными словами их авторы обладали правом давать указания жившим на неревских усадьбах «Д» и «И» адресатам. Усадьбы «Д» и «И» расположены на перекрестке Великой и Козмодемьянской улиц.

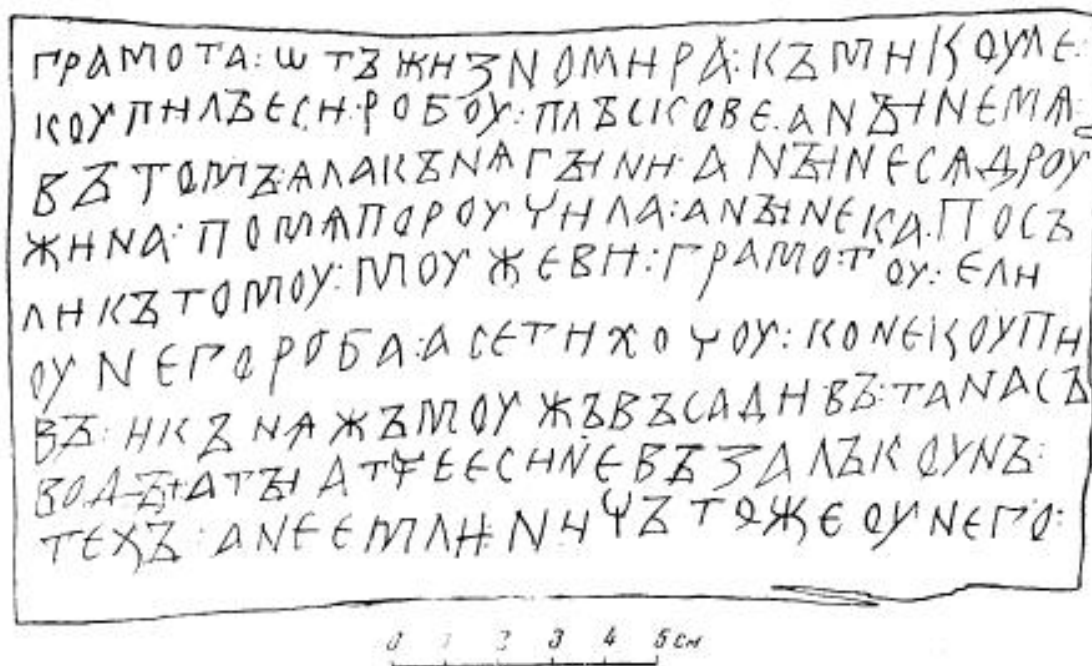

Рис. 22. Берестяная грамота № 109

Если неревлянам Даньславу и Ноздрыче противостоит Ставр, то соперником неревлянина Костянтина Микульича оказывается Иванко Павлович, сын которого Судила враждебен также и прусскому боярину Якуну Мирославичу, но состоит в политическом единстве с Нежатой. Очевидно, что эта группа не принадлежит ни к Неревскому концу, ни к Прусской улице. В развитие такого наблюдения следует обратиться к комплексу ранних берестяных грамот Троицкого раскопа, т. е. к документам Людина конца.

Рис. 23. Берестяная грамота № 586

В грамоте № 586, найденной в слое начала 80-х гг. XI в. – конца 20-х гг. XII в., оба упомянутых в ее тексте имени вполне соответствуют ожиданиям: «Отъ Нежате вишнь, и вина, и гароусь, и мою-коу, кожоухъ Иванъ, и сковородоу»¹¹⁹ (рис. 23). В грамоте № 633, найденной в слое второй половины 10-х – начала 40-х гг. XII в., снова фигурирует Иван в весьма определенном, вопреки фрагментарности документа, контексте: «.берь(ко)вьскъ, ськыроу Городкоу. А Иване вьде»¹²⁰. Трудно отделаться от впечатления, что обе эти грамоты касаются сборов снаряжения для военного похода, в котором требуются и провизия, и меди-

¹¹⁹ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 47–48.

¹²⁰ Они же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). С. 34–35.

каменты (вишня, уксус – «гарус»), и соль, измеряемая берковцами, и сковорода, и шуба, и, разумеется, топор («сыкыра»). Но если «Иване вьде», то предводитель военного похода Иван в пределах стратиграфически обозначенного времени хорошо известен: посадник Иванко Павлович возглавлял вместе с князем Всеволодом Мстиславичем роковой для него поход на Суздаль в январе 1135 г.¹²¹

Нежата представлен не только грамотой № 586. Это имя фигурирует еще в двух текстах, найденных на Троицком раскопе. Один из них (грамота № 644) обнаружен в слое 10—20-х гг. XII в., другой (грамота № 635) – в слое конца 20-х – середины 40-х гг. XII в.¹²² Грамота № 644 написана Нежкой, адресована Завиду, которого она осыпает упреками, заявляя, что не будет считать себя сестрой ему и Нежате, если не будет наконец выполнен ее ювелирный заказ. На первый взгляд, Завида и Нежату можно было бы принять за мастеров-ювелиров, однако более основательным представляется предположение, что Завид как господин над вотчинными ремесленниками лишь принимает поручение своей сестры для исполнения подчиненными ему людьми.

Справедливость высказанных наблюдений подтверждает дальнейшая судьба новгородского посадничества. Как уже отмечено, избрание в посадники Судилы Иванковича сопровождалось приглашением на новгородский стол суздальского князя Ростислава Юрьевича. Однако это приглашение не носило характера общего новгородского волеизъявления, а было предпринято вернувшимися из Суздаля Судилой, Нежатой, Страшком. Еще до бегства Святослава Ольговича и Якуна Мирославича новгородцы отправили в Киев к князю Всеволоду Ольговичу посольство «лепших людий» с епископом Нифонтом во главе добиваться в князя только Святополка Мстиславича – брата Всеволода и Изяслава. Требование было сформулировано предельно жестко: «не хотим сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хотим племени Володимеря». Не желая уступать, Всеволод «новгородцы держа зиму и лето и с епископом». Пока посольство упиралось в своих требованиях и «седеша новгородцы бес князя 9 месяц», они «не стерпяче безо князя сидити: ни жито к ним не идяше ни откуду же» и позвали из Суздаля Судилу и других бояр вместе с Ростиславом Юрьевичем. Тем временем посольство в Киеве добилося своего, Всеволод принял новгородские требования «и вьда им Святоплька и-своею руку». В этом рассказе легко угадать неревское руководство новгородским посольством в Киеве, так как именно неревские бояре последовательно выражали свою приверженность Мстиславичам.¹²³

В начале 1142 г., когда весть об успехе киевских переговоров дошла до Новгорода, Ростислав Юрьевич был схвачен, четыре месяца находился под стражей во владычном дворе и отпущен к отцу только 19 апреля, по приходе в Новгород Святополка Мстиславича. Трудно представить себе, чтобы Судила сберег посадничество в столь крутых для него и Ростислава Юрьевича обстоятельствах.

Летопись молчит о судьбах этой должности, однако, когда в 1144 г. Изяслав Мстиславич, «не уладившись» с Юрием Долгоруким и побывав после этого в Новгороде «у братии своей», мирится с Всеволодом Ольговичем (иными словами, повторяется ситуация 1134 г. – союз Мстиславичей и черниговских князей), новгородцы «даша посадничество Нежате Твьрдятицю»¹²⁴. Снова возникает противостояние античерниговского посадника и князя, ищущего опоры против Юрия Долгорукого в союзе с Ольговичами. Можно предположить поэтому, что в промежутке между Судилой и Нежатой посадником был бескомпромиссный сторонник Мстиславичей, боярин из неревлян Костянтин Микульич. Именно он при-

¹²¹ НПЛ. С. 23, 208.

¹²² Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). С. 35–36, 41–43.

¹²³ НПЛ. С. 26, 212.

¹²⁴ НПЛ. С. 27, 213.

ходит на посадничество в 1146 г., когда после смерти Всеволода Ольговича на киевском столе утверждается Изяслав Мстиславич, т. е. ситуация снова становится однозначной: «Тыгда же даша посадницьство Костянтину Микульцию, и у Нежате отъмьше»¹²⁵. Осенью 1147 г. новгородский князь Святополк Мстиславич совершает поход на Суздаль против Юрия Долгорукого, но возвращается от Торжка «распутья деля». В зиму с 1147 на 1148 г. умирает посадник Коснятин, а посадничество «даша Судилови Иванковицю опять».¹²⁶

Предполагая причастность раннего комплекса берестяных грамот Троицкого раскопа к людинским боярам Ставру, Иванку Павловичу и Нежате Твердятичу, нужно отметить, что черты посадничьего быта демонстрируются и другими грамотами этого комплекса, не содержащими перечисленных здесь имен.

В слоях 60-х гг. XI в. – 10-х гг. XII в., в частности, найдены грамоты № 526, 562/607 (рис. 24) и 527¹²⁷. Грамота № 526 перечисляет долги и должников в Руссе, на Луге, на Шелони, на Селигере и в Дубровне. В свое время она была квалифицирована как запись ростовщика, раскинувшего свою сеть на обширные территории Новгородской земли. Вероятнее, однако, видеть в ней список сборщиков государственных доходов с указанием недоимок в конкретных пунктах сбора. Грамота № 562/607 содержит донесение: «Жизнобоуде погоублене у Сычевиць, новъгородське смърде, а за ними и задъниция». Согласно Русской Правде, выморочное наследство смердов идет князю, т. е. превращается в государственное имущество. Любопытно, что Жизнобуда называет и старорусская грамота № 16 того же времени, которая тоже перечисляет недоимочные суммы¹²⁸. Грамота № 527 трактована А. А. Зализняком как «письмо воеводы к своим домочадцам или к каким-то другим зависимым от него людям». Не связана ли эта грамота с соцким Ставром?

Рис. 24.

а – Берестяная грамота № 526, б – Берестяная грамота № 562/607,

В слоях второй половины 20-х – середины 50-х гг. XII в. обнаружена грамота № 630, в которой перечислены недоимочные количества соли (в общей сложности до семи тонн)

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же. С. 27, 214.

¹²⁷ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978. С. 124–128; Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). С. 32, 69, 71

¹²⁸ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). С. 104–105.

и различные денежные суммы¹²⁹, что роднит ее с более ранней грамотой № 526, но также указывает на связь с Русой – главным источником соли для Новгорода.

Для завершения рассматриваемого сюжета обратимся здесь же к материалам второй половины XII – начала XIII в.

Судила Иванкович посадничал до 1156 г., когда «выгнаша новъгородьци Судила ис посадничества и по том изгнании 5-и день умре; и потом даша посадничество Якуну Мирославицю»¹³⁰. К середине XII в. Новгород как политическая система обретает значительную самостоятельность от хитросплетений междукняжеской борьбы.

Мы уже видели, как в предшествующее время порой на вершине этой системы оказывались противоборствующие князь и посадник, хотя в конечном счете побеждало стремление к их политической гармонии. В 1156 г., по-видимому, побеждает первая тенденция: низложение Судилы и возвышение Якуна произошло именно тогда, когда Юрий Долгорукий переживал торжество своей карьеры: «На верьбницу вьниде князь Гюрги Киеву и седе на столе, а Изяслав избежа Давыдовиць Църнигову; и прия Гюрги сыновьць в мир с любовью, и волости им раздая достойная; и бысть тишина в Русьстеи земли»¹³¹. В 1156 г. в посадничество Якуна впервые происходят вечевые выборы епископа, когда избранием Аркадия на место присланного из Киева и теперь умершего Нифонта замещение владычной вакансии становится результатом волеизъявления самих новгородцев¹³².

Поскольку целью излагаемых наблюдений является определение территориальной принадлежности посадников, в дальнейшем нет необходимости подробного анализа их политической ориентации, так как такое определение достигается другими способами.

Во второй половине XII – начале XIII в. список сменяющих друг друга посадников выглядит следующим образом (в скобках указаны соответствующие страницы Новгородской I летописи по изданию 1950 г.):

- 1156—? гг. Якун Мирославич (29, 216)
- 1160–1161 гг. Нежата Твердятич (31, 218)
- 1161–1167 гг. Захария (31–32, 218–220)
- 1167–1170 гг. Якун Мирославич (32–33, 220–221)
- ? —1171 гг. Жирослав (34, 222)
- 1171 г. Иванко Захарьинич (34, 222)
- 1171–1172 гг. Жирослав (34, 222)
- 1172–1175 гг. Иванко Захарьинич (34–35, 222–223)
- 1175–1176 гг. Жирослав (35, 223–224)
- 1176–1180 гг. Завид Неревинич (35–36, 224–226)
- 1180—? гг. Михалко Степанич (36, 226)
- ? – 1186 гг. Завид Неревинич (38, 228)
- 1186–1189 гг. Михалко Степанич (38–39, 228–230)
- 1189–1203 гг. Мирошка Несдинич (39–45, 230–239, 246)
- 1203–1205 гг. Михалко Степанич (45, 50, 246)
- 1205–1207 гг. Дмитр Мирошкинич (50–51, 246–248).

В подавляющем большинстве случаев изменения в посадничестве связаны с вечевыми столкновениями. В 1161 г. «отяша посадничество у Нежате, а Захарии даша».¹³³ В 1167 г. «убиша Захарию посадника и Неревина и Несду бириця, яко творяхуть е перевеет дръжаще к

¹²⁹ Там же. С. 31–32.

¹³⁰ НПЛ. С. 29, 216.

¹³¹ НПЛ. С. 29, 216.

¹³² Там же. С. 29–30, 216.

¹³³ НПЛ. С. 31, 218.

Святославу... Тогда же даша посадничество Якунови». ¹³⁴ В 1171 г. «отя князь Рюрик посадничество у Жирослава Новегороде, и выгна и из города, иде Суждалю к Ондрееви, и даша посадничество Иванку Захарииницю». В том же году «иде, на зиму, Рюрик из Новгорода, и послаша новгородьци к Андрею по князь; и присла Жирослава посадничить с мужи своими». ¹³⁵ В 1172 г. «ходи архиепископ новгородьский Илия к Ондрееви, Володимирю, на всю правду. Тогда же и даша опять посадничество Иванькови Захарииницю». ¹³⁶ В 1175 г. «преставися посадник Новегороде Иванко Захарииниць, и даша Жирославу опять; и концяющюся лету тому, выгнаша Жирослава ис посадничества и даша Завиду Неревиницю». ¹³⁷ В 1180 г. «отяша посадничество у Завида и въдаша Михалеви Степаницю». ¹³⁸ В 1186 г. «иде Завид к Давыду Смольнску; и въдаша посадничество Михалеви Степаницю» ¹³⁹ В 1189 г. «отяша посадничество у Михаля и вдаша Мирошки Нездиницю». ¹⁴⁰ В 1205 г. «отяша посадничество у Михалка и даша Дмитру Мирошкиницю» ¹⁴¹

Основываясь исключительно на сведениях о вечевых столкновениях перечисленных здесь лиц, возможно реконструировать три боярские группы, внутри каждой из которых столкновений не было:

Группы

1-я

Якун Мирославич
Михалко Степанич

2-я

Захария
Иванко Захарьинич
Завид Неревинич

3-я

Нежата Твердятич
Жирослав
Мирошка Несдинич
Дмитр Мирошкинич

Относительно первой из этих групп нам уже известна ее принадлежность к Прусской улице. Вторая группа включает в себя, прежде всего, имена Захарии и его сына Иванки. Последнему посвящено специальное исследование А. А. Зализняка, обосновавшего связь с ним берестяных грамот № 80, 117 и 226, которые были найдены на Неревском раскопе в слоях середины – 70-х гг. XII в. Этот вывод максимально подкреплён тем, что на том же раскопе, но в слоях последней четверти XII – начала XIII в. обнаружены четыре грамоты (№ 165, 222, 225, 239), связанные с Юрием, а Юрием Иванковичем звали сына Иванки Захарьинича, посадничавшего в 1215–1216 гг. Дополнительным указанием на место жительства Иванки Захарьинича в Неревском конце является сообщение летописи о том, что в 1177 г. «погоре Неревьский коньць от Иваньковее», т. е. от двора вдовы умершего в 1175 г. Иванка. Что касается Завида Неревинича, то его отец Неревин, имя которого столь красноречиво свидетельствует о связи его носителя с Неревским концом, был убит в 1167 г. вместе с посадни-

¹³⁴ Там же. С. 32, 220.

¹³⁵ Там же. С. 34, 222.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же. С. 35, 223–224.

¹³⁸ Там же. С. 36, 226.

¹³⁹ Там же. С. 38, 228.

¹⁴⁰ Там же. С. 39, 230.

¹⁴¹ Там же. С. 50, 246.

ком Захарией в столкновении, принесшем власть Якуну Мирославичу, т. е. входил в одну с Захарией политическую группировку бояр. Однако связь Завида Неревинича с Неревским концом обозначена и находкой на Неревском раскопе в слоях середины – второй половины XII в. берестяных грамот № 103, 156, 228): две из них написаны от имени Завида, в одной это имя упомянуто¹⁴².

Стоящий первым в хронологическом порядке третьей группы Нежата Твердятич выше отнесен к боярству Людина конца. Как уже отмечено, людинская группировка неоднократно демонстрировала свои преимущественные связи с Суздалем. Характерны они и для Жирослава, который в 1171 г., будучи изгнан из Новгорода, находит убежище у Андрея Боголюбского, откуда и импортируется вновь на посадничество в сопровождении княжеских мужей. Поэтому нет ничего неожиданного в том, что имя Жирослава появляется в комплексе берестяных грамот Троицкого раскопа. Оно фигурирует в грамоте № 657, найденной в слоях второй половины XII в., и в грамоте № 573¹⁴³, извлеченной из слоев середины XII – 40-х гг. XIII в. (рис. 25). В последней упоминается «Имъвьложе» – погост, находившийся под особым контролем новгородской администрации, как это следует из формулы более поздних dokonчаний Новгорода с князьями: «А на Имоволозьском погосте куны ти имати и на Важаньском»¹⁴⁴.

Рис. 25. Берестяная грамота № 573

Присутствуют в Троицком комплексе и документы, связанные с Мирошкой Несдинем, о которых подробнее будет рассказано ниже. Таким образом, связь Троицкого комплекса с высшими руководителями боярства из числа посадников людинской принадлежности наблюдается на протяжении столетия. Завершая этот очерк, обратим внимание на то, что среди посадников XII в. полностью отсутствуют представители Славенского конца. Внутрибоярская борьба этого периода отражает взаимоотношения группировок только Софийской стороны – Неревского конца, Людина конца и Прусской улицы, которая в рассмотренный период не входила в состав кончанских территорий.

¹⁴² Зализняк А. А. О вероятной связи ряда берестяных грамот с несколькими историческими лицами XII и начала XIII в. Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). С. 182–185.

¹⁴³ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). С. 40; Они же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). С. 50–51.

¹⁴⁴ ГВНП. С. 13, № 3; 36, № 19; 40, № 22; 47, № 26.

Мирошка Несдинич и Олисей-Гречин

Среди новгородских посадников конца XII – начала XIII вв. наиболее заметной фигурой был Мирошка Несдинич (иначе Мирошка Незнанич). Сын убитого в 1167 г. бирича Несды, он впервые появляется на страницах новгородской летописи в 1189 г., когда был избран посадником: «Того же лета отъяша посадничество у Михалка и даша Мирожке Незнаницю»¹⁴⁵. Конфликт, приведший к его возвышению, произошел между боярством Прусской улицы, ставленником которой был Михалко Степанич, и боярством Людина конца. Принадлежность Мирошки и его семьи к Людину концу в летописи обозначена известием 1191 г. о создании братом Мирошки – Внездом Несдиничем – церкви Святого Образа¹⁴⁶, находившейся в Людином конце в ближайшем соседстве с нынешним Троицким раскопом, на котором в слоях рубежа XII–XIII вв. были обнаружены берестяные грамоты, одна – адресованная Мирошке, другая – написанная им. Вот их тексты с переводом:

Грамота № 502. «От Мир(о)слава к Олисьеви ко Грициноу. А тоу ти вьнидьте Гавько Полоцанино. Прашай его, кодь ти на господь витаеть. А ть ти видьло, како ти было, и я Ивана яль, постави и пьредь людьми, како ти взмоловить». // От Мирослава к Олисею Гречину. Тут войдет Гавко-полочанин. Спрашивай у него, где он стоит на постое. Если он видел, как я Ивана арестовал, поставь его перед свидетелями, как он скажет (т. е. перед теми свидетелями, которых он назовет)¹⁴⁷ (рис. 26).

Грамота № 603. «(От) Смолигу къ Гречинови и (к) Мирославу. Вы ведаета, оже я тяже не добыле. Тяжа ваша. Нынеча жена моя заплатила 20 гривнъ, оже есть посоулили Давыдови князю». // От Смолига к Гречину и к Мирославу. Вы (двое) знаете, что я тяжбы не выиграл. Тяжба ваша. Теперь жена моя заплатила 20 гривен, которые вы посулили князю Давыду¹⁴⁸ (рис. 27).

Оба документа характеризуют упомянутых в них Мирослава и Гречина как главных вершителей «сместного» суда посадника и князя. Письмо Смолига называет своим первым адресатом Гречина, который может быть только «биричем» – представителем князя, которому в этом суде принадлежит формальное главенство: именно князь скреплял судебные решения своей вислой печатью и получал за это «печатную пошлину». В таком случае под Мирославом возможно понимать посадника, однако в хронологических рамках цитированных документов новгородским посадником был Мирошка Несдинич, бытовое именование которого является производным от полного имени Мирослав. Особо остановиться на этом обстоятельстве необходимо, так как составители именных указателей к летописи привычно производят «Мирошку» от канонического имени Мирон.

Возвращаясь к тексту грамоты № 502, заметим, что он может быть трактован как записка, собственноручно написанная Мирошкой Несдиничем во время судебного разбирательства по делу некоего Ивана и адресованная биричу Олисею Гречину.

По всей вероятности, первым значительным действием избранного в 1189 г. на посадничество Мирошки было учреждение второго по важности республиканского поста – независимого от князя тысяцкого. Следует напомнить, что с начала XI в. население городских сотен находилось в юрисдикции князя, который распоряжался и назначением главы соцких – княжеского тысяцкого. Отныне тысяцкие избирались на вече из числа новгородцев и были носителями вечевой воли. Летописный список тысяцких открывается именем Милонег, о

¹⁴⁵ НПЛ. С. 39, 230.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962–1976 гг.). М., 1978. С. 96–99.

¹⁴⁸ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С. 66–67.

котором под 1191 г. летопись сообщает: «В том же лете святы церковь архиепископъ боголюбивыи Гаврила святого Възнесения, создана Милонегомъ тысячкымъ»¹⁴⁹ Шестью годами раньше, под 1185 г., летопись, рассказывая о закладке Милонегом этой каменной церкви, никак не титулует его¹⁵⁰, что позволяет максимально приблизить учреждение этого республиканского поста к дате его первого упоминания.

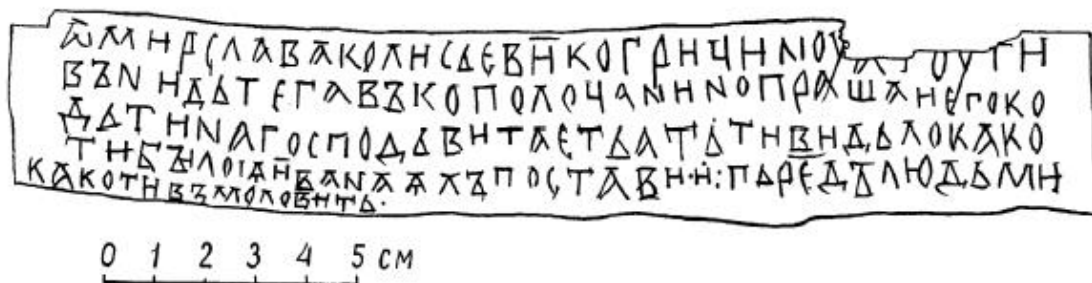

Рис. 26. Берестяная грамота № 502

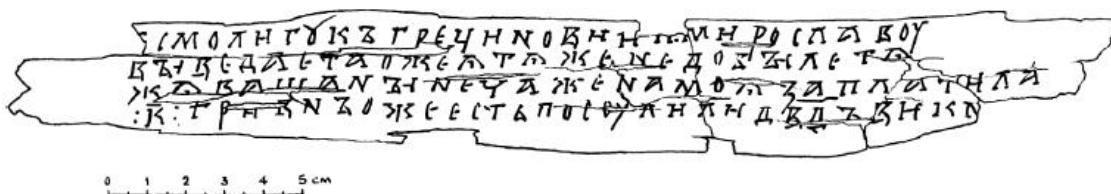

Рис. 27. Берестяная грамота № 603

Вполне вероятным представляется предположение об одной побочной цели этого акта. Как мы уже знаем, Мирошка стал посадником в результате столкновения людинской и прусской группировок, будучи избранным на место прущанина Михалки Степанича. Между тем Милонег – житель Прусской улицы: именно на ней находилась построенная им церковь Вознесения. Тем самым между соседними группировками оказались провозглашены мир и деловое сотрудничество за счет еще одного ограничения княжеской власти.

Новое ограничение княжеской власти не могло остаться без последствий. Усиливающийся конфликт с князем Ярославом Владимировичем (прямым потомком Мстислава Владимировича, который пользовался особым покровительством Всеволода Большое Гнездо, будучи его «своим») заставил новгородцев искать помощи у князя Всеволода Юрьевича. В 1195 г. Всеволод позвал новгородцев участвовать в походе на Чернигов «и на все Олгово племя», но, когда они дошли до Нового Торга, отпустил их «с честью» домой. «И послаша новгородци к нему Мирошку посадника и Бориса Жиросланица и Микифора сочкаго, просяще сына, а Ярослава негодующе». Однако Всеволод задержал у себя Мирошку и Бориса, а вместе с ними неких Иванка и Фому. В следующем году был отпущен домой Фома, но Мирошку и Иванка Всеволод продолжал держать у себя. Разгневанные новгородцы прогнали князя Ярослава, который, однако, продолжал княжить в Торжке, а Новгород оставался всю зиму без князя. Потом на новгородский стол пришел позванный из Чернигова Ярополк Ярославич, но через полгода новгородцы снова пригласили из Торжка Ярослава Всеволодовича.

Этот акт послужил к освобождению Мирошки: «и добро все бысть, и Мирошку посадника приведе, севевша 2 лета за Новъгород; и вси приидоша здрави, неврежене ничимже;

¹⁴⁹ НПЛ. С. 39, 230.

¹⁵⁰ Там же. С. 38, 228.

и ради быша вси от мала и до велика»¹⁵¹. Надо полагать, что эта фраза отражает действительное всеобщее отношение новгородцев к личности и дипломатическим талантам посадника.

На следующий год по возвращении Мирошки в Новгород случилось несчастье в княжеской семье: «В то же лето, весне, преставистася 2 сына у Ярослава: Изяслав бяше посаженъ на Луках княжити и бе от Литвы оплечье Новугороду, и тамо преставися; а Ростиславъ в Новегороде; и оба положена быста у святого Георгия в монастыре»¹⁵².

К этому событию имеет прямое отношение берестяная грамота № 601, найденная на Троицком раскопе в слое рубежа XII–XIII вв.: «Посадъникуо 30 дани, а за сани по 5 коуно за довое, а третее возяле. А за мехо и за 3 попоне 5 коуно, а боле не дае. А княгынины дани десяте гривено, а за двое сани по 5 коуно, а за мехо и за дове попоне 5 коуно. А Станиславоу со друогмо 7 гривено, а крытеное дове коуне и гривена»¹⁵³ (рис. 28).

Изложенную первой фразой грамоты ситуацию возможно понимать только так: кто-то вознаграждает посадника 30 гривнами «дани» и расплачивается за взятые у него сани, мешок и попоны. У посадника было взято трое саней; за двое уплачиваются деньги, а третьи возвращены владельцу. Кроме этих сумм, посаднику следует княгининой «дани» 10 гривен, или 5 кун за двое саней и 5 кун за мешок и две попоны. Идентичность позиций оплаты в первом и во втором случаях дает возможность догадаться о личности первого участника расплаты, дающего «дани» втрое большие, чем княгиня. Это, скорее всего, князь. Еще два человека оказываются получателями называемых в грамоте сумм: Станислав с другом. Им следует 7 гривен, а кроме того, «крытное» в размере 2 кун и гривны. Общее понимание смысла грамоты дает слово «крытное». «Крыти» – покрывать, но также скрывать, прятать, хоронить. По-видимому, это слово идентично «съкрыти», среди значений которого есть не только прятать, но и зарыть в землю.

Такое толкование находит неожиданное подтверждение в имени получателя за «крытное» Станислава. Летопись в первой трети XIII в. знает Станислава, упомянутого в ней как «Станило». В 1230 г. во время повального мора в Новгороде «постави скудельницу у святых Апостол в яме, на Прусской улице; и пристави мужа блага и смирена, именем Станилу, брат Домажиров, иконного писца, возити мертвеца на коне, где обоидуще по граду».¹⁵⁴

Следовательно, в грамоте № 601 возможно видеть некий реестр расходов князя и княгини на двойные похороны, организованные посадником. В рассматриваемое время такие похороны случились в 1198 г., о чем рассказано выше, а посадником тогда был Мирошка Несдинич.

Рис. 28. Берестяная грамота № 601

¹⁵¹ НПЛ. С. 42–43, 234–237.

¹⁵² Там же. С. 44, 237.

¹⁵³ Янин В. Л., Зализняк А. А. Указ. соч. С. 63–65.

¹⁵⁴ НПЛ. С. 70, 277.

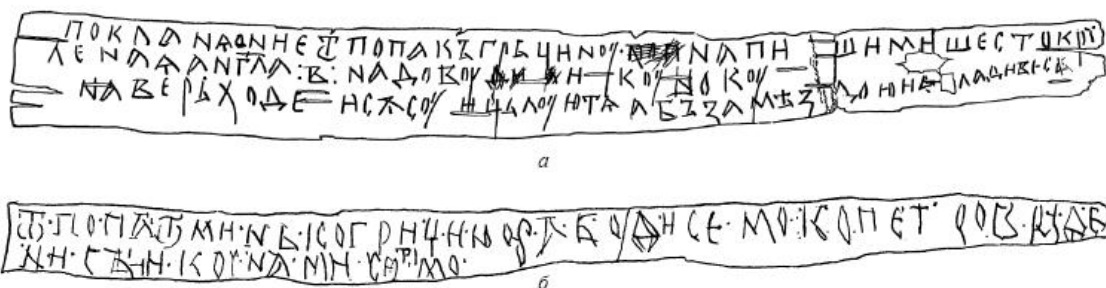

Рис. 30.

Берестяная грамота № 549, б – Берестяная грамота № 558

Дальнейшая судьба князя Ярослава Владимировича хорошо известна. В 1199 г. он был выведен из Новгорода Всеволодом Юрьевичем, приславшим на его место своего сына Святослава, которому было 3 года. Княгиня Ярослава основала в Новгороде после смерти детей Михалицкий Молотковский монастырь¹⁵⁵. Не исключено, что и сооружение Спас-Нередицкой церкви, начавшееся сразу же после смерти княжичей, имело мемориальный характер (см. илл. 29 цв. вкл.).

Мирошка Несдинич посадничал до 1205 г., когда умер, «приимъши мнишькыи чинъ, и положень бысть в монастыре святого Георгия; и по томъ даша посадничество Михалку Степаничу»¹⁵⁶. Не исключено, что найденная на Троицком раскопе в слое начала XIII в. берестяная грамота № 935 имеет отношение к смерти Мирошки: «У Фьдора 20, у Василя 10, у Фьдора и у Гавориле 4, у Сидора 4, у смьрьдо 4, у Соутимира 10, у Гюрьгева старости 10. А у Бориса 5, у Грицина 4, у Якима 24, у Григе со Радятою 30».¹⁵⁷ В этом реестре расходов вторая фраза называет ряд лиц, территориально связанных с местом находки грамоты: Борисом звали сына Мирошки Несдинича. Гречин уже известен нам по участию его вместе с Мирошкой в «сместном» суде. Имя «Радята» не чуждо месту обнаружения грамоты – она найдена на усадьбе Радятиной (Редятиной) улицы. Что касается первой фразы, то под «Гюрьгевым старостой» возможно понимать старосту Юрьева монастыря, в соборе которого был погребен посадник Мирошка. Не реестр ли это расходов участников поминального обеда по смерти посадника?

* * *

К эпохе княжения Ярослава Владимировича относится небезынтересный сюжет, прояснившийся в ходе археологических исследований на Троицком раскопе в Людином конце. Здесь была изучена усадьба с остатками иконописной мастерской последней четверти XII – начала XIII вв., принадлежавшая, как это выяснилось из обнаруженных на ней берестяных грамот, Олисею Гречину¹⁵⁸. Этот человек не обойден вниманием летописцев. Он известен как церковный иерарх, домогавшийся в 1193 г. избрания на епископскую кафедру после смерти Григория-Гавриила; победил на этих выборах его конкурент Мартирий: «И паки по време сеи новгородци же с княземъ Ярославом, с игумены и с софияны и с попы и думаша собе: инии хотяху Митрофана поставити, а друзии Мантуриа, а и сии хотяху паки Грицина; в них паки распря бысть немала, и ркоша к себе: «да сице положим три жребиа на святей трапезе в святей Софеи». И абие положиша и повелеша пети святую литургию, и по совер-

¹⁵⁵ Там же. С. 44, 238.¹⁵⁶ Там же. С. 45, 246.¹⁵⁷ Янин В. Л., Зализняк А. А., Носов Е. Н. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2003 г. // Вопр. языкознания. 1904. № 3. С. 15–23.¹⁵⁸ Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

шении службы и послаша с веча слепца, да которого даст Бог, и вынеся Божию благодатью жребии Мантуриев»¹⁵⁹.

Но прославила Гречина не столько духовная, сколько художническая карьера. Под 1196 г. в летописи содержится следующее сообщение: «Томъ же лете испса црковь на воротех архиепископ Мартурии святая Богородица, а писецъ Гръцин Петровиць»¹⁶⁰. Имеется в виду церковь Положения ризы и пояса на Пречистенских воротах Детинца, которую заложили и окончили в предшествующем 1195 г. К сожалению, Пречистенская башня вместе с надвратной церковью рухнула 7 мая 1745 г., и роспись ее была безвозвратно утрачена.

Среди адресованных Олисею-Гречину берестяных грамот имеется несколько заказов на написание икон. Например, грамота № 549: «Покланияние от попа къ Гръцину. Напиши ми шестокрыленая ангела 2 на довоу икоунокоу, на верьхо деисусоу. И цюлоую тя. А Богъ за мездоу, или лади вься»¹⁶¹. Или грамота № 558: «От попа от Минь ко Грициноу. А боуди семо ко Петровоу дени съ икоунами с тримо»¹⁶² (рис. 30).

Изучение автографов Олисея-Гречина позволило выявить характерные для него ошибки в написании слов (например, МАРО-ФУ вместо МР ФУ – Богоматерь (рис. 31)), а это, в свою очередь, определило его участие и роль в создании выдающегося ансамбля фресковой живописи в церкви Спаса на Нередице, выполненного артелью мастеров в 1199 г.: Гречин возглавлял эту артель и, в частности, писал с присущими ему ошибками имена святых на наиболее ответственных участках нередицкого ансамбля.

Его руководящее участие в артели художников зафиксировано также в особо акцентированных изображениях святых в нижних ярусах нередицкой росписи на столбах церкви. Таких изображений 12. Пять из них – изображения святых жен, не поддающиеся интерпретации, поскольку конкретные крестильные женские имена, как правило, летописцу неизвестны. Для анализа доступны семь мужских фигур.

На северной грани юго-западного столба помещено в медальоне изображение мученика Никифора. Это имя носил киевский митрополит, поставленный на кафедру в 1182 г. Год окончания его святительства неизвестен, но он упоминается еще в 1198 г., когда строилась Нередицкая церковь. В Новгороде Никифор II пользовался особым уважением: в 1197 г. «постави церковь на острове святого Никифора Мартурии архиепископ».

На восточной грани того же столба – в аркаде изображение св. Мартирия. Мартирием звали новгородского архиепископа, избранного в 1193 г. и умершего 24 августа 1199 г. Он, таким образом, – современник строительства каменной Нередицкой церкви.

На южной грани юго-восточного столба помещено изображение святого, неверно определенного прежде как Никифор, но канонически соответствующе св. Нифонту, имя которого читается в остатках надписи. Было высказано предположение, что эта фигура посвящена епископу Нифонту, занимавшему новгородскую кафедру с 1131 до 1156 г. Не при нем ли была сооружена первоначальная деревянная Нередицкая церковь? Современниками Нифонта были князья, носившие крестильное имя Иван. Между тем именно Ивана как инициатора создания этой церкви называет ктиторская фреска Нередицы.

На северной грани северо-восточного столба помещено изображение в медальоне св. Мины. Так звали попа, который дважды – в грамотах № 549 и 558 – заказывал Олисею храмовые иконы, в том числе и образы шестикрылых ангелов для алтарной преграды какой-то только что построенной церкви. По-видимому, имеются достаточные основания предположить в земном Мине иерея только что построенной Нередицкой каменной церкви. В таком

¹⁵⁹ НПЛ. С. 231–232.

¹⁶⁰ НПЛ. С. 42.

¹⁶¹ Янин В. Л., Зализняк А. А. Указ. соч. С. 20–22.

¹⁶² Там же. С. 30.

случае мы наблюдаем на столбах церкви отражение всей иерархической триады: митрополит, архиепископ, иерей.

Рис. 31. Фреска Нередицы с изображением Богоматери

Однако эта триада нуждается в очевидном дополнении. Поскольку русская церковь входила в систему константинопольской патриархии, естественно было бы видеть среди изображенных и святого, соименного вселенскому патриарху. С 1191 по 1198 г. патриархом был Георгий II Ксифилин, небесным патроном которого является великомученик Георгий. Не это ли изображение остается не расшифрованным на южной грани северо-восточного столба Нередицкой церкви?

Наиболее важным для нас оказывается изображение на западной грани юго-западного столба. Здесь в медальоне помещен пророк Елисей, соименный Олисею-Гречину.

Последнее интересующее нас изображение – на восточной грани юго-западного столба, где в аркаде помещен преподобный Нестор. Если в галерее патрональных изображений имеется ангел-хранитель художника, то почему бы там не быть и ангелу-хранителю зодчего? Разумеется, можно говорить об этом в самой предположительной форме, коль скоро имени зодчего летопись не сохранила.

Как уже показано выше, Гречин был одним из главных участников «сместного» суда князя и посадника – представителем в нем князя, биричем. Отчество Олисея прочно связывает его с биричем Петром (Петроком) Михалковичем, должность которого унаследована его столь авторитетным сыном. Изложенное обстоятельство позволяет понять происхождение прозвища «Гречин» у исконно русского человека, новгородского уроженца. Князь Мстислав Юрьевич в 1157 г. был изгнан из Новгорода, а в 1162 г. его вместе с братьями изгоняет из Суздальской волости Андрей Боголюбский. Мстислав с матерью и братьями отправляется в

Царьград и получает от императора Мануила земли «от Аскалона»¹⁶³ (на берегу Средиземного моря, на территории нынешнего Израиля). Надо полагать, что он делил свое византийское изгнание вместе с семьей, членами которой были жена Мстислава Анастасия и ее тогда малолетний брат Олисей, закономерно получивший по возвращении в Новгород прозвище «Гречин».

¹⁶³ ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 520–521.

Восстание 1207 года

Избранный в 1204 г. посадник Михалко Степанич, однако, уже в марте 1205 г. лишился власти, когда Всеволод Юрьевич заменил на новгородском столе Святослава другим своим сыном – девятнадцатилетним Константином. Поводом для замены было малолетство Святослава и желание Всеволода видеть в Новгороде более независимого от новгородцев ставленника: «Того же лета присла великий князь Всеволод в Новъгород, река тако: «в земли вашей рать ходит, а князь ваш, сын мой Святослав мал; а даю вы сын свой старейший Костянтин»¹⁶⁴. Смена посадников – явный защитительный акт новгородцев, так как на место старого союзника Всеволода – Михалки Степанича – избирается сын популярного своей независимой политикой Мирошки – Дмитр Мирошкинич. Снова в Новгороде устанавливается политическое двоевластие посадника и князя, приведшее к событиям 1207 г., которые занимают в истории Новгорода значительное место.

Восстание 1207 г. неоднократно привлекало внимание исследователей, давая яркий материал для представления об остроте политических и социальных противоречий в Новгороде начала XIII в. Однако не все важные аспекты изучения этого восстания нашли должное развитие. Политические противоречия новгородского боярства, сыгравшие немаловажную роль в разрешении событий, как правило, выпадают из общего анализа причин и хода восстания. Так же мало внимания уделяется роли князя в развитии событий, а как мы уже видели, отношения между князем и посадником в начале XIII в. складываются неблагоприятно для князя.

Приход к власти Дмитра Мирошкинича совершился в условиях укрепления всего боярского лагеря в его борьбе с князем. Популярность Мирошки, усиление авторитета посадничьей власти с началом посадничества Дмитра Мирошкинича привели к фактическому возникновению семейной олигархии. Дмитр Мирошкинич на первых порах получил в Новгороде настолько сильную поддержку, что в своей дальнейшей деятельности он не останавливается перед применением деспотических приемов. Во время своего посадничества Дмитр проводит ряд финансовых мероприятий, легших тяжелым бременем на плечи всего населения Новгорода и обогативших семью Мирошкиничей. В 1207 г. брат Дмитра Борис приказал убить на вече Олексу Сбыславича, «и убиша без вины в субботу, марта в 17»¹⁶⁵. Вполне понятно, что этот произвол не только обостряет социальный антагонизм, но и укрепляет позиции враждебных Дмитру боярских группировок. Дмитр стремится к неограниченной автократии, опираясь при этом не на действительную расстановку политических сил, а на иллюзорный авторитет своей должности. Прежние успехи консолидации ведут при Дмитре к разрушению консолидации. Если Мирошка Несдинич с его политикой сплочения боярства против князя был выразителем интересов боярства в целом, то живущий на проценты с авторитета своего отца Дмитр Мирошкинич стал выразителем интересов только своего семейства.

В 1207 г. новгородцы вместе с Дмитрием идут в поход на Рязань в помощь Всеволоду Большое Гнездо, и это их участие в походе было использовано владимирским великим князем для подготовки расправы над Дмитрием Мирошкиничем. Опираясь на недовольство Дмитрием в Новгороде, Всеволод фактически подстрекает новгородцев на расправу с посадником: «А новгородцев пусти с Коломна к Новугороду, одаривши бещисла, и вда им волю свою и уставы старых князей его же хотеху новгородцы, и рече им: «кто вы добр,

¹⁶⁴ НПЛ. С. 49–50, 246.

¹⁶⁵ НПЛ. С. 50, 247; ПСРЛ. Т. 1. С. 210; Т. 4. С. 19; Т. 5. С. 172. 6716 ультрамартовский год; суббота 17 марта соответствует 1207 г.

того любите, злых казните»¹⁶⁶. Эти слова обычно воспринимаются лишь как уступка новгородцам со стороны Всеволода, отказавшегося якобы оспаривать их право быть вольными в князьях. Однако Всеволод вовсе не отказывается от Новгорода, и прямой смысл рассказа не сводится к такому «пожалованию». Фраза Всеволода, приведенная здесь, имеет самое непосредственное отношение к последующим событиям и прямо касается Дмитра Мирошкинича, обнажая заинтересованность со стороны Всеволода в устранении этого посадника. Всеволод не только санкционирует расправу над ним, но и провоцирует, и покупает ее, одаривая новгородцев и подстрекая их к казни «злых». Отметим, что связь восстания со всем комплексом взаимоотношений Новгорода и князя подчеркивается и тем обстоятельством, что убийство Олексы Сбыславича перед восстанием произошло в какой-то связи с прибытием в Новгород из Владимира «Всеволожа мужа» Лазаря.

Сразу же по возвращении из похода новгородцы собрали вече «на посадника Дмитра и на братью его, яко те повелеша на новгородцех сребро имати, а по волости куны брати, по купцем веру дикую, и повозы возити, и иное все зло; и поидоша на дворы их грабежом, а Мирошин двор Дмитров зажгоша, а житье их поимаша, а сел их распродаша и челядь, а избыток разделиша по зубу, по 3 гривны по всему граду и на щит; а что кто похватал, а того един Бог весть, и от того мнозе разбогатеша; а что на досках, а то князю оставиша»¹⁶⁷. Перечисление преступлений Мирошкиничей указывает на глубокий социальный смысл восстания. Однако тот же отрывок ясно говорит и о связи инициаторов восстания с князем. Используя социальное недовольство, Всеволод и поддерживавшая его в Новгороде боярская группа избавились от неугодного и враждебного им посадника, на место которого был избран Твердислав Михалкович, сын хорошо известного нам сторонника Всеволода – Михалки Степанича, представитель боярства Прусской улицы.

Социальное недовольство было умело направлено Твердиславом. Восстание не вылилось в борьбу против всех бояр. Оно имело цель лишь в свержении Дмитра и его семьи, т. е. фактической ликвидации боярской группировки Людина конца. В ходе восстания группировка Твердислава широко пользуется и подкупом за счет противника, вознаграждая своих сторонников имуществом Мирошкиничей.

Сам Дмитр не подвергся казни. Он был смертельно ранен в бою под Пронском и умер во Владимире. Однако восставшие новгородцы попытались посмертно казнить его: «того же лета привезоша Дмитра мертвого Мирошкинича из Володимеря и погребоша и у святого Георгия в монастыре, подле отца; а новгородцы хотяху с моста сверечи, но возбрани им архиепископ Митрофан»¹⁶⁸.

В феврале 1208 г.¹⁶⁹ в Новгород пришел новый князь, уже знакомый новгородцам Святослав Всеволодович, которому теперь было 13 лет. Ему были вручены «дмитровы доски», «а бе на них писано бещисла». Вряд ли возможно согласиться с распространенным мнением о том, что «доски» были связаны с ростовщическими операциями Мирошкиничей. Если бы это было так, то они скорее были бы уничтожены, чем переданы князю для взыскания долгов с должников Дмитра. Вероятнее всего это были записи взимания серебра, кун и дикой виры, т. е. документы, подтверждающие факт широких финансовых злоупотреблений Мирошкиничей.

¹⁶⁶ НПЛ. С. 50, 247; ПСРЛ. Т. 1. С. 210; Т. 4. С. 19; Т. 7. С. 115.

¹⁶⁷ НПЛ. С. 50, 247.

¹⁶⁸ Там же. С. 51, 248; ПСРЛ. Т. 1. С. 210; Т. 4. С. 19; Т. 5. С. 172; Т. 7. С. 115.

¹⁶⁹ Святослав пришел в Новгород в «Неделю мясопустную» 6717 ультрамартовского года, что должно было бы соответствовать 1209 г. (НПЛ. С. 51, 248). Однако Лаврентьевская летопись в том же рассказе сообщает о лунном затмении 3 февраля, которое было в 1208 г. Отсюда – приход Святослава должен быть датирован 4–10 февраля 1208 г. (мясопустная неделя). Это показание важно для датировки восстания, которое иногда из-за путаницы летосчисления неверно относят к 1209 г.

Князю Святославу были переданы для заточения у Всеволода все родственники Дмитра. Примечательна следующая деталь. Новгородцы целуют Всеволоду крест в том, что они не хотят держать у себя детей Дмитра и прочих его родственников. Новгородцы заявили: «Не хотим у себе държати детии Дмитровых, ни Володислава, ни Бориса, ни Твърдислава Станиловиця и Овьстрата Домажировиця»; и поточи я князь к отцю, а на инех серебро поимаша бещисла»¹⁷⁰. Крестоцелование указывает еще раз на Всеволода как на одного из главных инициаторов свержения Дмитра Мирошкинича. Всеволод отводит от себя возможные обвинения в этой инициативе, которые могут возникнуть в будущем.

Еще одно указание на эту связь содержится в событиях следующего, 1209 г. Зимой этого года Мстислав Удалой, сын Мстислава Храброго, т. е. князь из линии Ростиславичей, захватил Торжок и обратился к новгородцам со следующей декларацией: «Пришел есмь к вам, слышав насилие от князь, и жаль ми своя отцины».¹⁷¹ По-видимому, это не просто демагогическое заявление, как полагал М. Н. Тихомиров¹⁷², а основанное на хорошем знакомстве с обстановкой в Новгороде обращение Мстислава Мстиславича к приверженцам Мирошкиничей. Разумеется, не сторонники Твердислава в ответ на обращение Мстислава Удалого «послаша по него с великою честью: «поиди, княже, на стол», а Святослава посади на владычном дворе с мужи его, дондеже будет управление с отцом». По существу события 1209 г. — это для Всеволода Юрьевича ликвидация политических результатов восстания 1207 г. Мстислав задержал Святослава в Новгороде и отпустил только в обмен на признание Всеволодом прав Мстислава, полученное в том же году.¹⁷³

Изгнание клана Мирошкиничей в 1208 г. не было окончательным. В 1215 г. «убиша пруси Овьстрата на збор и сын его Луготу, и ввьргоша и в греблю мъртв»¹⁷⁴. Как представляется, к числу сторонников Мирошкиничей следует отнести лиц, названных в летописном сообщении 1216 г., предшествующем рассказу о Липицкой битве: «побегоша к Ярославу преступници кресту: целовали бо бяху хрест чьстьнии ко Мьстиславу со всеми новгородци, яко всим одинаким быти, Володислав Завидиць, Гаврила Игоревиць, Гюрги Ольксиниць, Гаврильць Милятиниць, и с женами и с детьми»¹⁷⁵. Среди берестяных документов Троицкого раскопа второй половины XII в. имеются грамота № 675, адресованная Миляте, и грамота № 667, упоминающая Гаврилу¹⁷⁶. Что касается Владислава Завидовича, то он, надо полагать, идентифицируется с Владиславом, изгонявшимся в 1208 г. вместе с прочими Мирошкиничами, а Завид известен по грамоте № 665 Троицкого раскопа.¹⁷⁷

Существенные наблюдения для характеристики результатов восстания 1207 г. были получены в ходе археологического исследования комплекса усадеб Людина конца на Троицком раскопе. Эти усадьбы до восстания входили в круг владений, тесно связанных с Мирошкиничами. Вскоре после восстания и разграбления посадничьих усадеб, в 1211 г., вся территория Людина конца была выжжена грандиозным пожаром: «Новегороде бысть пожар

¹⁷⁰ НПЛ. С. 51, 248–249.

¹⁷¹ Там же; ПСРЛ. Т. 4. С. 19.

¹⁷² Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси. М., 1955. С. 248.

¹⁷³ НПЛ. С. 52, 249; ПСРЛ. Т. 4. С. 19. И. И. Григорович (Опыт. С. 118 и сл.), ссылаясь на В. Н. Татищева, утверждает, что приглашение Мстислава было осуществлено по инициативе Ждана Иванковича, которого он тут же называет посадником. В том же году над Жданом была учинена расправа сторонниками Святослава Всеволодовича. За исключением утверждения о посадничестве Ждана все остальное кажется вполне возможным.

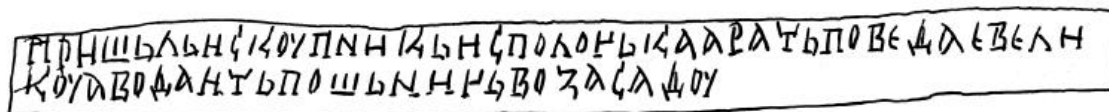
¹⁷⁴ НПЛ. С. 54, 253.

¹⁷⁵ Там же. С. 55, 255.

¹⁷⁶ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 57, № 667; С. 62–63, № 675.

¹⁷⁷ Там же. С. 55–56.

велик: загорися на Радятине улици и съгоре дворов 4000 и 300, а церкви 15»¹⁷⁸. Слой этого пожарища имеется на всей площади Троицкого раскопа. Под ним, в частности, обнаружены останки молодой женщины, погибшей или в пожаре, или при разграблении посадничьих дворов в 1207 г.

а

б

Рис. 32.

а – Берестяная грамота № 636, б – Берестяная грамота № 704

Показателем сокрушительности перемен, связанных с событиями 1207 г., на Троицком раскопе, является катастрофическое уменьшение числа берестяных грамот, что само по себе является свидетельством изменения социальной структуры комплекса. Среди обнаруженных в нем документов обращают на себя внимание военные донесения (рис. 32а, б). В грамоте № 636 содержится сообщение из пограничного пункта («засады») об информации, полученной от выкупленного из плена человека, что в Полоцке собирается большая рать (очевидно, враждебная Новгороду).¹⁷⁹ Фрагментированная грамота № 704 содержит адресованное не названному по имени посаднику о бегстве «ясенян» – жителей Ясенского погоста, находившегося в зоне наибольшей опасности при размирьях с Литвой¹⁸⁰. Наличие этих грамот XIII в. указывает на местонахождение здесь некоего органа, связанного с пограничными службами. Там же найдена в слоях XIV в. грамота № 622¹⁸¹, свидетельствующая о принадлежности каких-то здешних дворов купцам-складникам, занятым торговлей с северными районами Новгородской земли. Место их жительства около Троицкой церкви, по-видимому, не было случайным: она была заново построена в 1365 г. «югорщиною»¹⁸², т. е. на средства, полученные от похода на Югру. Комплекс грамот, отложившихся на Троицком раскопе в XIII–XIV вв., никак не связан с боярством, в отличие от того, который извлечен из слоев XI – начала XIII вв.

¹⁷⁸ НПЛ. С. 52, 250.

¹⁷⁹ Янин В. Л., Зализняк А. А. Указ. соч. С. 36–37.

¹⁸⁰ Там же. С. 92–95.

¹⁸¹ Там же. С. 25–27.

¹⁸² ПСРЛ. Т. 4. С. 291.

Новгородские бояре и князья в первой трети XIII века

Избранный на посадничество в 1207 г. в результате разгрома клана Мирошкиничей Твердислав Михалкович сохранил свой пост и в 1209 г., когда новгородским князем стал Мстислав Удалой. Однако в 1211 г. он лишился посадничества по причине, до того в Новгороде неслыханной: «Прииде Дмитр Якуниц из Русе, и соступися Твердислав с посадничества по своей воли старейшу себе: тогда же даша посадничество Дмитру Якуницу».¹⁸³ Этот эпизод объясняется принадлежностью Твердислава и Якуна к одной территориальной группировке бояр: отец Дмитра был посадником раньше отца Твердислава.

Упоминание посадников в летописи не встречается затем вплоть до июня 1214 г., когда в рассказе о походе Мстислава Удалого на Киев к новгородцам обращается с речью посадник Твердислав¹⁸⁴. Поскольку имя Дмитра Якунича в летописи больше не появляется, мы вправе предположить, что он умер между 1211 и 1214 гг., снова освободив место посадника для Твердислава Михалковича.

Под 1215 г. в летописи упоминается уже другой посадник – Юрий Иванович. Об обстоятельствах его избрания на место Твердислава источники умалчивают. Из летописных посадничьих списков известно, что Юрий был сыном посадника Иванки Захарьинича и, следовательно, принадлежал к боярству Неревского конца. Отметим также единство политической направленности Юрия и его отца. Иванко Захарьинич опирался на Ростиславичей, а Юрий в своей деятельности проявляет себя настолько последовательным сторонником Ростиславича Мстислава Удалого, что даже покидает Новгород и уходит в Киев, когда в 1217 г. туда ушел князь Мстислав.¹⁸⁵

В 1215 г. Мстислав в первый раз «поиде по своей воли Киеву», предоставив новгородцам полную свободу решать вопрос о своем преемнике¹⁸⁶. Проблема приглашения нового князя встала перед новгородцами в самый разгар борьбы за наследство Всеволода Большое Гнездо, умершего в 1212 г. Вече, которым руководил Юрий Иванович, «много гадавшие», останавливается на кандидатуре князя Ярослава Всеволодовича. Однако этим выбором посадник Юрий подготовил собственное падение.

Утвердившись в Новгороде, князь Ярослав следует старой суздальской политике и стремится вбить клин между боярскими группировками, активизируя внутреннюю борьбу боярства. Летом 1215 г. он производит расправу над Якуном Зуболомичем, новоторжским посадником Фомой Доброшиничем, тысяцким Якуном Намнежичем. У последнего по приказу князя разграблен двор и схвачена семья. Одновременно «прусе» убивают Острата¹⁸⁷ и его сына Луготу, «князь же о том пожале на новгородци». Отметим, что в ходе этого конфликта посадник Юрий Иванович и Твердислав Михалкович оказываются в разных лагерях. Посадник пытается, правда неудачно, защитить тысяцкого Якуна. Твердислав же называется в числе «прусов», поддержанных Ярославом: «Того же лета поиде князь Яро-

¹⁸³ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 52—249; ПСРЛ. Т. 4. С. 19. 6719 ультрамартовский год. Поскольку в предшествующем разделе летописного рассказа применено ультрамартовское счисление, отметим, что в конце 6719 г. говорится об избрании архиепископом Антония (НПЛ. С. 52, 250), который занимал кафедру 8 лет (Там же. С. 473—474) и был изгнан в начале 1220 г. (Там же. С. 60, 261). Расчет показывает, что избрание Антония состоялось в конце мартовского 6719 г., соответствующего 1211—1212 гг.

¹⁸⁴ НПЛ. С. 53, 251—252; ПСРЛ. Т. 4. С. 20.

¹⁸⁵ НПЛ. С. 57, 257.

¹⁸⁶ Там же. С. 53, 252.

¹⁸⁷ По-видимому, тождествен Овыстрату Домажировичу, который в 1208 г. был выдан Всеволоду III вместе с Мирошкиничами (Там же. С. 51, 249).

слав на Торжок, понявши с собою Твердислава Михалковича Микифора, Полюда, Сбыслава, Семеона, Олексу и много бояр и, одарив, присла в Новъгород».¹⁸⁸

Из Торжка Ярослав Всеволодович начинает длительные переговоры, а затем войну с Новгородом, на помощь которому снова пришел Мстислав Мстиславич. В Новгороде начинается сильнейший голод и эпидемия. Отвергая все предложения новгородцев, Ярослав тем самым содействует новому сплочению боярства. На это, в частности, указывает состав арестованного им в Торжке новгородского посольства: посадник Юрий Иванович, Степан Твердиславич, Семен Борисович, Вячеслав Климятич, Зубец Якун, Мануил Яголчевич¹⁸⁹. Среди членов посольства кроме неревского боярина Юрия Ивановича оказывается сын прусского боярина Твердислава, а также Семен Борисович, принадлежность которого к славенскому боярству четко обозначена его строительной деятельностью. Он в 1224 г. поставил церкви св. Павла, св. Симеона Богоприимца и свв. Константина и Елены¹⁹⁰. Все три храма находились в Славенском конце, между Павловой и Варяжской улицами в Павловом монастыре.¹⁹¹

Наконец в Липицкой битве 1216 г. Ярослав терпит поражение в борьбе за Владимир, а на новгородском столе к этому времени снова оказывается Мстислав Удалой. Юрий Иванович после Липицкой битвы окончательно потерял посадничество, вернувшееся к Твердиславу. Процесс возвращения Твердислава был результатом весьма тонкого политического расчета. Юрий Иванович остался сторонником Мстислава, но править вместе с Мстиславом ему уже больше не пришлось, поскольку он был скомпрометирован предпринятым по его инициативе временным союзом с Ярославом Всеволодовичем. В то же время видимый разрыв Твердислава с Ярославом укрепил позиции посадника даже в этой сложной для него обстановке.

Говоря о возникновении во время борьбы с Ярославом Всеволодовичем боярского союза всех новгородских группировок, мы имеем прямое свидетельство того, что это сплочение было вполне официальным и даже сопровождалось крестоцелованием. Летописный рассказ 1216 г. начат изложением следующего сюжета: «Месяца марта в 1 день, на память святых Марьи Египтяныне, вторник по чистой недели, поиде князь Мстислав на зять свои, на Ярослава с новгородци, а в четверток побегоша к Ярославу преступници кресту: целовали бяху крест честный ко Мьстиславу со всеми новгородци, всем одинако быти».¹⁹²

Вся предшествующая политика Твердислава и приход его к власти в результате нового сплочения бояр указывают на него как на главного инициатора такого сплочения. Мы должны придавать этой консолидации большое значение, но не переоценивать ее успехов. Противоречия внутри боярства, противоположность группировок сохраняются и в новой ситуации. Более того, как увидим далее, новый порядок поддерживается в значительной степени авторитетом его инициатора Твердислава. Однако любое сплочение боярства должно было привести к одному неизбежному результату – ослаблению позиций княжеской власти.

Утеря князем значительной доли влияния наблюдается и в деятельности Ярослава Всеволодовича, и в деятельности Мстислава Удалого. Эти князья резко различны в их отношении к Новгороду. Ярослав является идейным наследником своего отца с его политикой «разделяй и властвуй». Пытаясь укрепить положение княжеской власти, он стремится активизировать борьбу между боярскими группировками, с тем, чтобы опереться на поддержку

¹⁸⁸ НПЛ. С. 54, 253; ПСРЛ. Т. 4. С. 20.

¹⁸⁹ ПСРЛ. Т. 23. С. 185–186.

¹⁹⁰ НПЛ. С. 63, 267.

¹⁹¹ Никольский А. Описание семи новгородских соборов по списку XVI в. // Вестник археологии и истории. СПб., 1898. Вып. 10. С. 81; Янин В. Л. «Семисоборная роспись» Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976. С. 114; (Евгений). Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808. С. 87.

¹⁹² НПЛ. С. 55, 254–255; ПСРЛ. Т. 1. С. 211; Т. 4. С. 21; Т. 5. С. 172; Т. 7. С. 120.

части боярства, но после просчетов терпит неудачу и наталкивается на союз боярства против князя. Мстислав умеет ладить с представителями разных боярских групп, мирясь с обстановкой в Новгороде и, не имея сил решительно противопоставлять свою власть республиканской власти, не цепляется за новгородский стол и оставляет Новгород, как только для него возникает более заманчивая перспектива неограниченной власти вне Новгорода.

В 1218 г. Мстислав Мстиславич окончательно уходит из Новгорода и на его место садится приглашенный из Смоленска князь Святослав Мстиславич. Последующие события характеризуют Твердислава все с той же стороны и объясняют его прежнее поведение. Твердислав с самого начала своей деятельности пытается смягчить борьбу группировок компромиссами. Оставление им посадничества во имя принципа старшинства, длительное сосуществование с князьями противоположных устремлений – очевидные элементы его политической характеристики. В особо острых случаях Твердислав держится независимо, и его политическим противникам приходится прибегать к изощренным приемам в попытках подорвать его влияние. В излагаемых ниже событиях ясно чувствуется не только конфликт внутри новгородского общества, но и конфликт между Новгородом и князем.

Зимой 1219 г. из Новгорода бежал житель Торговой стороны Матвей Душиловец, связавший перед побегом «Моисеица, бирица ябетницъ». Он был изловлен и выдан князю на Городище. В этой выдаче был клеветнически обвинен Твердислав. На Торговой стороне и в Неревском конце собрались вече, началось восстание.

Наутро князь отпустил Матвея, боясь дальнейших осложнений. Однако события продолжали разворачиваться. За Твердислава вступились Людин конец и Прусская улица, а загородцы остались в стороне. Восставшие вышли в бронях. Схватка у городских ворот закончилась поражением восставших, которое было завершено уже на Торговой стороне, куда победители переплыли в ладьях. С 17 января в течение целой недели в Новгороде бушевало вече, стоявшее за Твердислава.

Восстание 1219 г. имело ярко выраженный антикняжеский характер, начавшись из-за предполагаемого сговора Твердислава с князем. Действительная позиция посадника, однако, не совпадает с позицией князя. Святослав Мстиславич прислал на вече своего тысяцкого с заявлением: «Не могу быти с Твердиславом, отымаю посадничество у него». Новгородцы же ркоша: «есть ли вина его». Он же рече: «без вины». Рече же Твердислав: «тому есмь рад, яко вины моя нету; а вы, братье, в посадничестве и во князех вольне есть». Новгородцы же ответ даша князю: «аще вины его нету, и ты к нам крест целовал без вины мужа не лишати; тебе ся кланяем, а се есть наш посадник, и в то ся не вдадим». Твердислав, таким образом, не только не стоит на стороне князя, но подчеркивает значение посадника и противопоставляет себя князю, весьма откровенно предлагая выбрать между собой и князем.

В том же 1219 г. против Твердислава было выдвинуто новое обвинение, на этот раз более продуманное и решительное. Новгородский воевода Семен Емин с 400 новгородцами отправился в поход на Таймокары, но Юрий и Ярослав Всеволодовичи не пропустили его через свои владения. Вернувшись, Семен объявил, что вина в этом лежит на Твердиславе, который якобы вступил в тайные сношения с суздальскими князьями. Посадничество, отобранное у Твердислава, получил теперь Семен Борисович¹⁹³. Его возвышение – прямой результат столкновения внутри боярства и победы той группировки, которая была связана с Торговой стороной. Напомним, что Семен Борисович строил церкви в Славенском конце.

Избранием Семена Борисовича группировки Торговой стороны и Неревского конца добились победы. Однако эта победа оказалась весьма непрочной. В конце 1219 г. Твердислав Михалкович снова получает посадничество¹⁹⁴. Избранный в четвертый раз, он продол-

¹⁹³ НПЛ. С. 59, 260; ПСРЛ. Т. 4. С. 26.

¹⁹⁴ Там же. С. 60, 261; ПСРЛ. Т. 4. С. 26.

жает придерживаться своей независимой линии. В 1220 г. эта политика снова приводит к открытому столкновению посадника с князем Всеволодом Мстиславичем, занявшим за год до этого место своего брата Святослава.

«Вложи диавол князю грех в сердце, гнев до Твердислава без вины, – пишет летописец, – и прииде в Новгород и возвади весь город, хотя убить Твердислава; а Твердислав бяше болен». Всеволод пришел с Городища со всем своим двором «в броне, аки на бои» на Ярославово дворище, где вокруг него собрались новгородцы в том же составе, что и при столкновении 1219 г., т. е. Торговая сторона и Неревский конец. Больного Твердислава привезли на санях к церкви Бориса и Глеба, где его окружили сторонники с Прусской улицы, Людина конца и загородцы. Видя, что вооруженное столкновение неизбежно, князь отправил к Твердиславу архиепископа Митрофана, добившегося примирения. Твердислав, «сшьдъся с князьмъ в любовь», отказался от посадничества, «немошен бо бяше», и постригся в монастырь, а посадником избрали Иванку Дмитровича¹⁹⁵. «Любовь с князем» в этом контексте означает компромисс: новый посадник принадлежит к тому же прусскому боярству, что и Твердислав, будучи сыном Дмитра Якуновича.

Рассказ о восстаниях 1219 и 1220 гг. очень четко изображает территориальное разделение Новгорода на приверженцев различных группировок. Твердислав и все его окружение прочно связаны с Прусской улицей. Они опираются на Людин конец (бесповоротно побежденный ими в 1207 г.) и загородцев, которые в одном случае предпочли соблюсти нейтралитет. Принадлежность Твердислава Михалковича к боярству Прусской улицы прослеживается и другими способами. В 1219 г. Твердислав вместе со своим братом Федором закладывает, а в 1224 г. заканчивает церковь св. Михаила и другую – во имя Трех святых отроков¹⁹⁶. Относительно церкви св. Михаила в литературе существует некоторый разнобой мнений. В частности, И. П. Доронин, составивший указатель к изданию 1950 г. Новгородской Первой летописи, полагал, что это церковь св. Михаила на Михайловой улице и в Витковом переулке, т. е. на Торговой стороне Новгорода¹⁹⁷. Однако и на Прусской улице существует храм Михаила-архангела, известный летописцу уже в XII в., возобновленный после пожара в 1176 г. отцом Твердислава Михалкой Степаничем¹⁹⁸ и сохранившийся в варианте XIX в. до сегодняшнего дня. Повидимому, Твердиславу и Федору принадлежит первая каменная постройка этой церкви. Что касается другой постройки братьев Михалковичей – храма во имя Трех отроков, то под этим названием в позднейшем Новгороде известен только придел к церкви Михаила на Прусской улице. Время превращения особой церкви в придельную в источниках не зафиксировано, однако известно, что новые приделы сооружались обычно при ликвидации близлежащих церквей.

¹⁹⁵ НПЛ. С. 60, 262; ПСРЛ. Т. 4. С. 27.

¹⁹⁶ Там же. С. 59, 63, 260, 267.

¹⁹⁷ Там же. С. 621.

¹⁹⁸ Относительно постройки Михалки Степановича существует противоречивое показание Новгородской Третьей летописи, согласно которому церковь св. Михаила в 1176 г. была якобы построена на Михайловой улице. Однако это строительство осуществлено в непосредственной связи с пожаром 1175 г., начавшемся от Деигуниц и уничтожившим церкви св. Михаила, Вознесения и св. Якова. Все три церкви находятся в одном районе: первые две – на Прусской улице, последняя – на Добрыне; возобновлены они соответственно в 1176, 1185 и 1181 гг. (НПЛ. С. 34–35, 37–38, 223–224, 227–228).

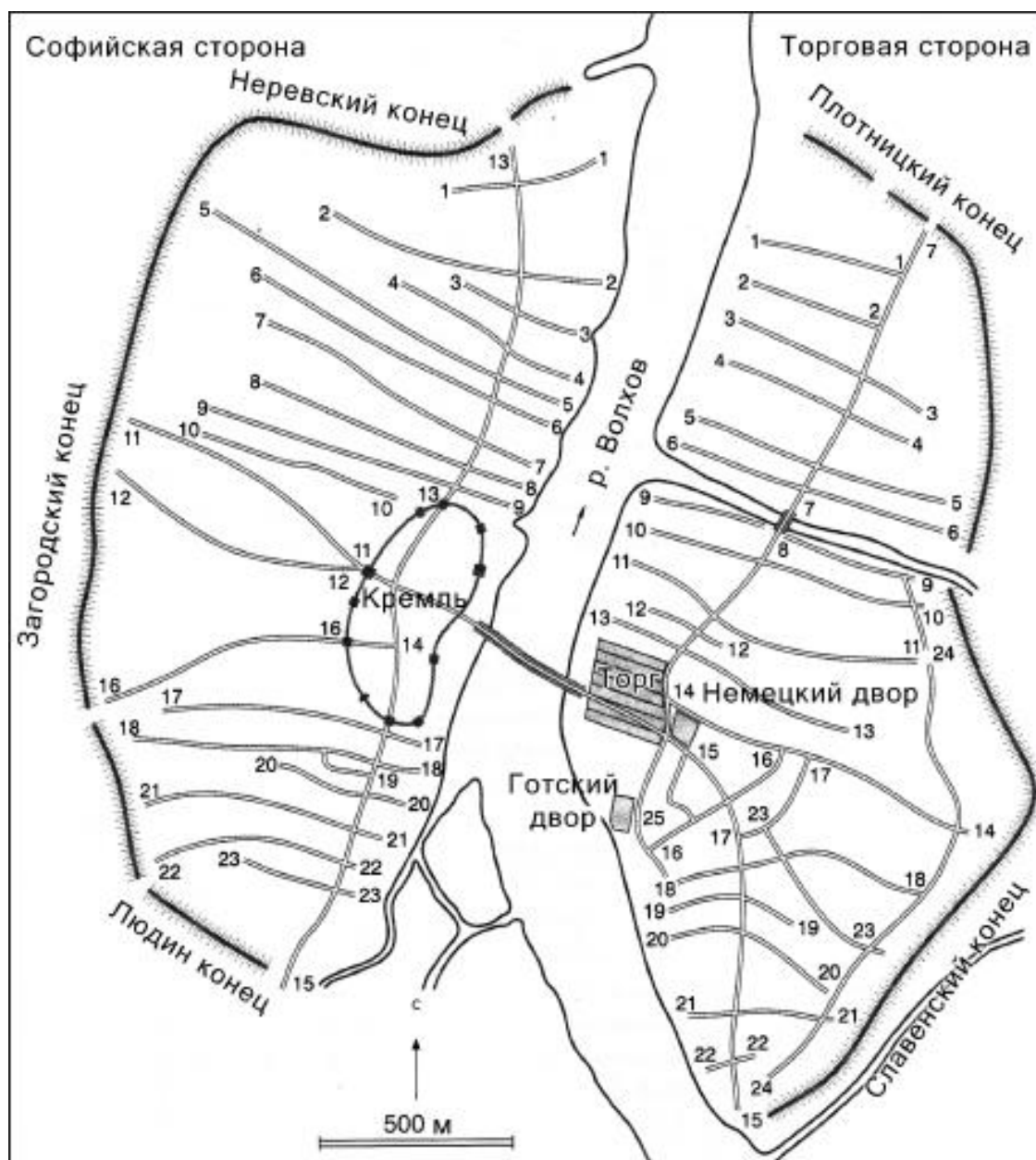

Рис. 33. План Новгорода с обозначениями концов и улиц

Враждебные Твердиславу группировки территориально связаны с Торговой стороной и Неревским концом. Принадлежность к Торговой стороне Семена Борисовича уже рассмотрена выше. Что касается Неревского конца, то его активная борьба с прусским боярством прослеживается еще в XII в. во времена Захарии и Якуна.

Пытаясь локализовать основные боярские группировки на карте Новгорода, следует иметь в виду, что в рассматриваемый период они отнюдь не совпадали с теми основными административными членениями Новгорода, которые хорошо известны в более позднее время (рис. 33). Если летописец и называет неревлян как единую в политическом смысле территорию, то на Торговой стороне он вовсе не проводит каких-либо территориально-политических границ. Имеются также весьма существенные основания говорить о том, что административные членения Новгорода в XII–XIII вв. несколько отличались от членений XIV–XV вв. В частности, Загородье в XIII в. нигде в летописи не именуется концом, чему соответствует самый смысл названия этой территории. Вне кончанского деления находится и оплот «прусского» боярства – Прусская улица, на что указывают некоторые особенности фразеологии летописного рассказа о событиях 1219 г. Летописец говорит, что «поиде (Твердислав)

с прусы и с Людиным концом»; исчисляя убитых во время восстания, он также противопоставляет Прусскую улицу Людину концу: «И убиша прус муж един, а кончан други, а онех половиць Иоанна Душильцева, брата Матвеева, а в Неревьском конци Костянтина Прокшиница, а иных 6 муж, а раненых много обоих».

С другой стороны, говоря о боярских группировках, мы должны иметь в виду их значительную территориальную разобщенность в это раннее время. В XII–XIII вв. Новгород еще представлял собой систему боярских изолированных поселков, на что указывают особенности его исторической топографии. Между древними Людиным и Неревским концами Софийской стороны лежала территория в основном пустопорожного Загородья; ее лишь оконтуривают Прусская и Чудинцева улицы. Подобным образом в древности были разделены также Славенский и Плотницкий концы Торговой стороны. Находившаяся на их стыке обширная территория Рогатицы и Лубяницы даже в начале XV в. находилась вне кончанского деления, на что указывает, например, описание пожара 1403 г.: «Погоре Плотничьсвыи конець до Славкове улицы, а Рогатица до Еупатия святого, а Лубяница до святого Луки, а Славенский весь конец»¹⁹⁹.

Политически итоги периода, связанного с именем Твердислава, можно формулировать в следующих положениях. После восстания 1207 г. посадничество снова укрепляет свою независимость от князя. Однако политика Твердислава не устраняет противоречий боярских группировок в их борьбе за власть. Выступая единым фронтом против князя, группировки продолжают бороться между собой, стремясь овладеть посадничеством.

* * *

Переход посадничества от Твердислава Михалковича к Иванке Дмитровичу осуществился в результате новой вспышки внутрибоярской борьбы, разгоревшейся в последние годы деятельности Твердислава.

Обстоятельства переворота в посадничестве в 1220 г. таковы, что как будто дают возможность говорить о возвращении победившей части боярства к старой политике активного союза с князем. Свержение Твердислава происходит по инициативе князя силами боярского союза Торговой стороны и Неревского конца. Однако рассмотрение последующих событий показывает, что в действительности боярская политика 1220-х гг. продолжает политику Твердислава. Общее укрепление республиканской власти оказывается сильнее внутрибоярского соперничества, и существование сколько-нибудь сильного князя на новгородском столе так же мало желательно для противников Твердислава, как и для самого Твердислава.

Первые шаги нового посадника Иванки Дмитровича весьма напоминают тактические приемы Мирошки Несдинича. В 1221 г. новгородцы прогоняют своего бывшего союзника князя Всеволода Мстиславича и на его место приглашают сына владимирского князя – Всеволода Юрьевича: «Послаша владыку Митрофана и посадника Иванка и старейшии мужи в Володимир к Юрью ко Всеволодицю, и дасть им сына своего Всеволода по всеи воли новгородчкои. И по сих прииде князь Всеволод в Новгород, и владыка и вси мужи одарены бещисла; и ради быша новгородци, и бысть мирно»²⁰⁰. Это «бысть мирно» кажется достаточно многозначительным, так как все предшествующие и последующие события говорят о сильнейшем напряжении антикняжеской борьбы.

Общий смысл перемены в княжении станет очевидным, если обратиться к возрасту нового князя: Всеволоду Юрьевичу в момент приглашения на новгородский стол было всего семь лет. После нескольких месяцев княжения семилетний князь бежал из Новгорода тайно,

¹⁹⁹ НПЛ. С. 397.

²⁰⁰ НПЛ. С. 60, 262.

ночью, со всем своим двором. Новгородцы снова отправились во Владимир и получили там в князя на этот раз брата владимирского князя, уже знакомого им по княжению 1215 г. Ярослава Всеволодовича. Новому князю было за тридцать, но он оставался в Новгороде не дольше своего малолетнего племянника. В 1223 г. он ушел в Переяславль. На его место снова приглашен Всеволод Юрьевич. И снова в 1224 г. «поиде князь Всеволод другое из Новгорода ночью, утаився, со всем двором своим»²⁰¹.

Следует отметить несколько важных обстоятельств. Прежде всего, постоянные отказы князей от новгородского стола совершаются не в результате прямых конфликтов между боярской и княжеской властью. Напротив, летописец постоянно подчеркивает удовлетворенность новгородцев своими князьями. В 1222 г. они «ради быша» приходу Всеволода Юрьевича и «печални быша» после его побега. Сам побег Всеволода связывается с инициативой великого князя: «А еще ти есть не угодно держати Новаграда сыном, и ты, княже, даи нам брата». В 1223 г. перед уходом из Новгорода Ярослава новгородцы «кланяхутся ему: «не ходи, княже», он же поиде по своей воле». В 1224 г. после вторичного побега Всеволода новгородцы просят его отца отправить князя обратно в Новгород. Иными словами, в Новгороде складывается такая обстановка, которой не удовлетворены сами князья, вынужденные опираться не на какие-то боярские группы внутри Новгорода, а главным образом на поддержку великого князя. Эта обстановка заключается в новом сплочении боярства, которое засвидетельствовано и длительным посадничеством Иванки Дмитривича.

Этот посадник упоминается еще под 1222, 1224, 1226, 1228 и 1229 гг. Под последней датой рассказывается о свержении Иванки Дмитривича²⁰². Летописный Список Б в близкое время называет еще одного посадника – брата Твердислава Федора Михалковича. Однако это имя помещено вопреки показаниям Списка А и в результате явного недоразумения, вызванного неясностями использованного в Списке Б летописного рассказа. Посадничество Иванки Дмитривича продолжалось непрерывно на протяжении девяти лет.

Продолжавшееся сплочение боярства продемонстрировано с особой силой событиями 1224 г. После вторичного побега из Новгорода князь Всеволод Юрьевич останавливается в Торжке, где его окружают пришедшие к нему на помощь с полками князя Юрий Всеволодович, Ярослав Всеволодович, Василько Константинович, Михаил Всеволодович. Обязательным условием возвращения Всеволода на стол Юрий Всеволодович поставил перед новгородцами требование выдать ему целую группу бояр: Якима Иванковича, Микифора Тудоровича, Иванку Тимошинича, Судилу Савинича, Вячка, Иваца, Рядка, пригрозив: «Не выдадите ли, а я поил есмь конь Тферью, а еще к тому хочу Волховом напоити». В ответ новгородцы выражают желание «умрети за святую Софею о посадники Иоанке о Дмитровицы», а «братьи своеи не выдадим». Конфликт заканчивается тем, что новгородцы, отделившись от владимирского князя крупным выкупом, приняли на стол черниговского князя Михаила Всеволодовича. Это приглашение осуществилось по рекомендации самого Юрия, и его смысл, нужно думать, сводился к взаимным уступкам враждующих сторон.²⁰³

Открытое столкновение новгородцев с владимирским князем и последовавший за ним компромисс не привели к принципиальному изменению новгородской политики. Князь Михаил Всеволодович оставался в Новгороде всего лишь несколько месяцев, после чего заявил: «Не хочу у вас княжити, иду к Чернигову; а вы ко мне гость пускаите, а яко земля моя, якоже земля ваша, а ваша земля, якоже земля моя». В связи с уходом Михаила летописец снова рисует картину единодушия новгородцев в их расположении к князю и недовольства

²⁰¹ Там же. С. 63–64, 267.

²⁰² Там же. С. 60–68, 262–274.

²⁰³ НПЛ. С. 64, 268.

князя своим положением в Новгороде. После ухода Михаила новгородцы опять обращаются к Ярославу Всеволодовичу с приглашением на стол.²⁰⁴

Рассматривая подробности взаимоотношений Новгорода и князя в 1220х гг., можно высказать общие соображения о принципах, лежащих в основе боярской политики этого времени. Именно в это время впервые отчетливо возникает та форма ограничения княжеской власти, которая сыграла решающую роль в развитии позднейшей республиканской государственности Новгорода. Такой формой является признание суверенитета над Новгородом суздальской княжеской династии, возникновение таких союзнических отношений, при которых существование особого новгородского князя перестает быть обязательным условием государственного устройства. Могло ли иметь другое значение, кроме чисто символического, княжение в Новгороде семилетнего Всеволода Юрьевича в 1221 г. или того же князя в 1223 г., когда ему исполнилось девять лет? Успехи антикняжеской борьбы приводят к резкому умалению авторитета новгородского князя, и сам новгородский стол перестает быть приманкой в глазах князей. Отсюда, надо полагать, и проистекает та бросающаяся в глаза противоречивость в отношении князей к Новгороду. С одной стороны, владимирские великие князья стремятся удержать Новгород в сфере своего политического влияния, заявляя права на новгородский стол. С другой стороны, очутившись на новгородском столе, ставленники владимирских князей стремятся вырваться из Новгорода.

Новая основа отношений Новгорода с князем весьма заметна уже в середине 1220-х гг. Приглашенный на новгородский стол Ярослав Всеволодович не порывает со своей отчиной. Став князем в Новгороде, он остается князем и в Переяславле, посещая Новгород лишь в связи с военными операциями. В 1225 г. он воюет с Литвой под Торжком, в 1226 г. приходит в Новгород, чтобы в следующем году идти с новгородцами на Емь. В 1228 г. новгородцы организуют вместе с Ярославом новый поход на Емь, после которого Ярослав возвращается в Переяславль, оставив на новгородском столе своих сыновей Федора и Александра. Старшему из них, Федору, в 1228 г. было девять лет, что позволяет видеть в обоих княжичах не самостоятельных деятелей, а лишь материализованную идею суверенитета Ярослава над Новгородом.

Волне понятно, что создание новой схемы взаимоотношений Новгорода и князя требует новой формы союзного договора. Л. В. Черепнин, исследовавший историю формуляра докончальных грамот Новгорода с князьями, обратил внимание на то, что отсылки договоров второй половины XIII в. на прецедентные крестоцелования при заключении докончаний с князьями не распространяются на время ранее княжения Ярослава Всеволодовича. Если для позднейших договоров Ярослава Ярославича характерна схематизированная формула «Целуй крест к всему Новугороду, на цемь то целовали деди (и отцы) и отец твой Ярослав», то аналогичное место самого раннего договора Новгорода с Ярославом Ярославичем сформулировано несколько иначе: «...на цемь то целовал хрест отец твой Ярослав». «Эта ссылка, — пишет Л. В. Черепнин, — говорит об интересе, проявленном в Новгороде в первой половине XIII в., в княжение именно Ярослава Всеволодовича, к договорному формуляру. Действительно, раз наиболее ранняя из дошедших до нас новгородских грамот времени великого князя Ярослава Ярославича отмечает, что изложенные в ней условия были закреплены крестоцелованием отца Ярослава — великого князя Ярослава Всеволодовича, но не называет, как это стали делать позднейшие грамоты, княжеских «дедов», значит до Ярослава Всеволодовича договорный формуляр еще не отличался устойчивостью и в первой половине XIII в. только разрабатывался»²⁰⁵. Возобновление интереса к формуляру докончаний в 1220-х гг. оказывается вполне закономерным. Создание нового формуляра возможно

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 253 и сл.

относить к 1230 г., когда летописец рассказывает о крестоцеловании Ярослава Всеволодовича. Однако обстановка, вызвавшая интерес к договорному формуляру, существует уже в середине 1220-х гг.

По существу Новгород в конце первой четверти XIII в. стоит перед видимой перспективой ликвидации княжеской власти, поскольку проблема новгородского стола превращается главным образом в проблему государственного союза Новгорода с соседними русскими областями. В союзнических отношениях Новгород мог признавать суверенитет князей, но он мог также настаивать и на полном равенстве отношений. Необходимо, однако, вспомнить международную обстановку первой половины XIII в., чтобы понять ограниченность устремлений боярства в его антикняжеской борьбе.

С самого конца XII в. на западных рубежах Новгородской земли возникает постоянная опасность немецкого нападения. Захват крестоносцами земель ливов, латгалов и эстов уже к 1209 г. привел Новгород в непосредственное военное столкновение с немцами. Походы новгородцев в Прибалтику с этого времени возобновляются почти ежегодно. В 1223 г. начинается татаро-монгольское нашествие на русские земли. В сложнейшей обстановке двойной военной опасности перед Новгородом было только два пути – путь разрыва традиционных связей с русскими княжествами и изоляции, грозившей смертельной опасностью, и путь укрепления союза с княжествами, организации совместной защиты русских земель от нападения извне. Вполне очевидно, что союзнические отношения в этой сложной обстановке требовали взаимных уступок. Новгород был заинтересован в военной поддержке со стороны княжеских полков в не меньшей степени, нежели князья в поддержке новгородскими военными силами. Самая идея княжеского суверенитета над Новгородом при одновременном резком ограничении княжеской власти внутри Новгорода находится в прямой зависимости от общей политической и военной ситуации на Руси первой половины XIII в.

Следует, однако, отметить, что внутри новгородского боярства в рассматриваемое время еще не возникло единства в выборе наиболее действенного союза. Часть боярства стремится к разрыву с владимирскими князьями. Вспышка активной борьбы вокруг вопроса о князе и посаднике начинается в 1228 г., когда во время похода на Емь новгородцы «свориша вече и хотеша убити Судимира, и скры князь в на саде у себя». В следующем году начинается одно из сильнейших восстаний, в ходе которого был лишен кафедры владыка Арсений, обвиненный в незаконном избрании и сговоре с князем, а также были разграблены дворы тысяцкого Вячеслава, его брата Богуслава, владычного стольника Андрейца, Давыдка «Софейского» и липинского старосты Душильца. Последний, которого восставшие намеревались повесить, нашел защиту у князя. Тогда же был избран новый тысяцкий Борис Негочевич.

Восстание 1229 г. своим острием было направлено против той части новгородского боярства, на которую опирался князь Ярослав. Действия восставших определяются в первую очередь ненавистью «простой чади» к предрержавшим власть. Эти действия подготовлены затянувшейся дороговизной на торгу, причину которой новгородцы видят в размещении по Новгороду переяславских полков князя, в неурожае 1228 г., когда «великий дождь» не прекращался днем и ночью от Госпожина до Николина дня, в общем оскудении по волостям, отмеченным в их требованиях к князю: «Поиде к нам, забожничье отложи, а судии ти по волости не слати, и на всеи воли нашей и на всех грамотах Ярославлих ть ты наш князь; или того не хочещь, ты себе, а мы себе». Летописец особо отмечает действия «простой чади» против архиепископа. Главную же причину зла восставшие видят в союзных с князем боярах, говоря «ти князя на зло подводят», «мы братью свою есмя казнили, а князю есмя зла не створиле». Восстание завершается побегом из Новгорода обоих княжичей вместе с приставленными к ним боярами и приглашением из Чернигова на новгородский стол Михаила Всеволодовича.

Восстание 1229 г. приводит к победе ту часть боярства, которая находилась в оппозиции владимирским князьям. С приходом в Новгород князя Михаила посадничество передается славенскому боярину Внезду Водовику. Прежний посадник Иванко Дмитрович получает Торжок, но новоторжцы не приняли его, и он укрывается у Ярослава Всеволодовича. Вокняжение Михаила сопровождалось актом, завершившим восстание: «И целова крест на всех грамотах Ярославлих; и вдасть свободу смердом на 5 лет дани не платити, кто сбежал на чюжую землю, а сим повеле, хто zde живеть, како уставили преднии князи, тако платите дань». «А на Ярославлих любовницех, – добавляет летописец, – поимаша новгородци кун много и на городишанах, дворов их не грабяче, а даша то на Великий мост»²⁰⁶.

Очевидный успех «простой чади» противостоит другому результату восстания – разрыву военного союза с Владимиром, разрушению наиболее действенных сил, способных возглавить борьбу с экспансией извне. Союз Новгорода с Черниговом в обстановке того времени не мог стать даже слабой тенью союза Новгорода с Владимиром. Между тем союзное Чернигову боярство с Внездом Водовиком во главе строит свои отношения с князем по той же схеме княжеского суверенитета над Новгородом.

Михаил Вселодович, приняв новгородский стол, остается черниговским вотчинником. Он возвращается в Чернигов в том же 1229 г., оставив в Новгороде своего несовершеннолетнего сына, и из Чернигова руководит новгородской политикой. В 1230 г. Михаил ненадолго появляется в Новгороде, чтобы совершить постриги своему сыну Ростиславу и официально провозгласить его новгородским князем, и снова возвращается в Чернигов. Эта ситуация в значительной степени способствует возобновлению борьбы в Новгороде.

Снова, как и в 1229 г., боярская борьба совмещается с движением «простой чади», положение которой еще больше ухудшается в результате нового неурожая и голодного мора. Инициатором борьбы с посадником Внездом Водовиком теперь выступает сын бывшего посадника Твердислава – Степан, к которому присоединяется с самого начала Иванко Тимошнич. После того как они «распрелись» с посадником, Иванко был избит «посадничьими паробцами» и на другой день собрал вече на Водовика. Последний в союзе с бывшим посадником Семеном Борисовичем сумел одержать верх. По его приказу тут же на вече был убит один из его противников Волос Блудкинич, обвиненный в покушении на поджог посадничьего дома. Вскоре был убит и сброшен в Волхов Иванко Тимошнич, а один из заговорщиков Яким убежал к князю Ярославу Всеволодовичу, что раскрывает политические связи Степана Твердиславича и его единомышленников.

Борьба с Водовиком продолжилась в конце 1230 г. и на этот раз увенчалась успехом. 9 декабря, после того как Водовик уехал с молодым князем в Торжок, новгородцы убивают Семена Борисовича, грабят двор и села Внезда Водовика и его сторонников и дают посадничество Степану Твердиславичу, «а добыток Сменов и Водовиков разделиша по стом»²⁰⁷. Избрание Степана Твердиславича сопровождается приглашением на новгородский стол Ярослава Всеволодовича, созвавшего вече на Ярославовом дворище и целовавшего крест «на всех грамотах Ярославлих и на всеи воли новгородчкои». Под 1231 г. летопись содержит сообщение о смерти Внезда Водовика в Чернигове²⁰⁸.

Весьма показательны обвинения, которые были предъявлены княжичу Ростиславу при его изгнании из Новгорода перед приходом Ярослава Всеволодовича: «Како отец твои рекл был всести на конь на воину с Въздвигения и крест целовал, а се уже Микулинь день, с нас крестное целование; а ты поиди прочь, а мы себе князя промыслим»²⁰⁹. Если раньше

²⁰⁶ НПЛ. С. 68, 274.

²⁰⁷ НПЛ. С. 69–70, 276–277; ПСРЛ. Т. 4. С. 29.

²⁰⁸ Там же. С. 71, 280; ПСРЛ. Т. 4. С. 29.

²⁰⁹ Там же. С. 70, 274.

молодость князя признавалась особым преимуществом, теперь интересы военного союза выступают на первый план.

Политическое лицо сторонников черниговской ориентации наглядно проявляется в событиях последующих лет. Вместе с Водовиком в Чернигов бежали многие бояре из числа его родственников и сторонников: сын Водовика Петр, брат Семена Борисовича Глеб, Михаил с братом, Миша, а также тысяцкий Борис Негочевич. Все эти лица, которых летописец именует «Борисова чадь», в 1232 г. приходят к Новгороду и приводят с собой своего ставленника на новгородский стол трубчевского князя Святослава. Еще не дойдя до Новгорода, Святослав убедился, что никаких видов на княжение у него быть не может, «уразумев, яко сии солгаша», и вернулся в Трубчевск, а заговорщики утвердились в Пскове и избили там бывшего новгородского тысяцкого и Ярослава сторонника Вячеслава, передав его в Новгород только в обмен на своих жен, которых они побросали во время бегства в 1230 г. Вызвав противодействие псковичей, «Борисова чадь» удалась в Медвежью Голову, а результаты широко задуманного ими предприятия свелись к семейному празднику. Их действия можно было бы признать лишь недалекой авантюрой, если бы, находясь в Медвежьей Голове, они не заключили союза с немцами против Изборска и Пскова²¹⁰.

Таким образом, выступая первоначально против союза Новгорода с Владимиром, направленного к защите новгородских рубежей, сторонники Водовика в конечном счете оказываются в числе наиболее активных врагов Новгорода.

Переходя к вопросу о принадлежности группировок Степана Твердиславича и Внезда Водовика, мы очень легко могли бы быть увлечены на путь их территориального противопоставления. Действительно, Степан Твердиславич легко связывается с боярством Прусской улицы, где жили его отец, дядя и дед. Один из сторонников Водовика Семен Борисович уже известен нам как славенский боярин. Однако наблюдения над другими именами говорят, что вывод, который мог бы быть сделан на основании указанного сопоставления, неправилен. Если к славенскому боярству принадлежал Семен Борисович, то та же принадлежность может быть указана и для сторонника Ярослава Всеволодовича – Судимира, которого летопись называет «Судимиром в Славне»²¹¹. Если в 1224 г. Иванко Тимошинич был в числе бояр, выдачи которых добивался владимирский князь, то в 1230 г. тот же Иванко Тимошинич погибает как сторонник Ярослава Всеволодовича. Проблема военного и политического союза Новгорода в сложной обстановке первой половины XIII в. перерастает проблему территориального соперничества боярских группировок, и линии политического размежевания в 1220-х и 1230-х гг. прошли не по границам традиционных сообществ, а по частокколам усадеб одной и той же улицы. Показательно, что в своем рассказе о событиях рассмотренного периода летописец не дает никаких территориальных примет. Их и не могло быть, поскольку политические корни этой борьбы необычны и глубоки, хотя они и не уходят в освященную традициями борьбу старых боярских группировок. Тем решительнее должна была оказаться победа Степана Твердиславича.

²¹⁰ НПЛ. С. 71–72, 280–281.

²¹¹ Там же. С. 74, 285.

Новгород на острие ордынского нашествия

Известно, что во время татаро-монгольского нашествия Новгород не подвергся военному разорению, хотя и был одним из вожделенных объектов этого нашествия. Объясняя причины неудач Батыя в походе 1238 г. на города российского Северо-Запада, исследователи чаще всего склонны называть неблагоприятные для войска Батыя погодные условия начавшейся весны. Такая мысль впервые была высказана В. Н. Татищевым: «Татара, взяв Торжок марта 15, весь сожгли, людей иных побили, иных в плен взяли, а за ушедшими гнались Селигерскою дорогою даже до Игнача креста, посекая люди, яко траву. И токмо за 100 верст не дошед Новаграда, возвратились, понеже стало быть тепло, боялись междо так многих рек, озер и болот далее идти».²¹²

Явно на текст В. Н. Татищева проецированы мнения Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева: «Уже Батый находился в 100 верстах от Новгорода, где плоды цветущей долговременной торговли могли обещать ему богатую добычу, но вдруг испуганный, как вероятно, лесами и болотами сего края, к радостному изумлению тамошних жителей обратился назад»²¹³; татары «осадили Торжок, били в него пороками две недели и наконец взяли 23-го марта, истребили всех жителей. От Торжка пошли Селигерским путем, посекая людей как траву, но не дошедши сто верст до Новгорода, остановились, боясь, по некоторым известиям, приближения весеннего времени, разлива рек, таяния болот, и пошли к юго-востоку, на степь»²¹⁴.

Еще более категоричны заключения историков, писавших позднее: Батый, не дойдя ста верст до Новгорода, «быстро пошел обратно в придонские половецкие степи, избегая начавшейся распутицы. Это обстоятельство и спасло Новгород от погрома»²¹⁵; «в середине марта татарское войско пошло по направлению к Новгороду, но, не дойдя километров двухсот до этого города, в конце марта или в начале апреля, когда в этих местах начинается вскрытие рек и озер и вместе с ним весенняя распутица, вынуждены были круто повернуть назад»²¹⁶.

Следует изложить также весьма детализированное рассуждение В. В. Каргалова. После падения Торжка 5 марта монголо-татарский отряд преследовал немногочисленных спасшихся новоторжцев и, не дойдя до Новгорода всего 100 км, вернулся на соединение с главными силами. «Это не был, конечно, поход на Новгород... У Батыя в начале марта попросту не оказалось под Торжком достаточных сил». Войско Бурундая приводило себя в порядок после битвы на Сити. «Чтобы подойти к Торжку и подготовиться к походу на Новгород, ему требовалось не менее двух недель. Еще больше времени понадобилось бы для подхода монголо-татарского войска с Волги, от Ярославля и Костромы. Большие силы для похода на Новгород Батый мог бы собрать под Торжком только в конце марта – начале апреля. Если учесть, что монголо-татарскому войску с обозами и тяжелыми осадными орудиями нужно было не меньше двух-трех недель, чтобы преодолеть трехсоткилометровое расстояние от Торжка до Новгорода, то такой поход представляется совершенно бесполезным – в середине апреля новгородские леса им болота становились непроходимыми для войска».²¹⁷

²¹² Татищев В. Н. Т. 3. М.; Л., 1964. С. 236.

²¹³ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Т. 3, примеч. 367.

²¹⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 2 (Т. 3, 4). С. 142–143.

²¹⁵ Катаев И. М. Татары и порабощение ими Руси // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. Т. 3. Б. м., б. г. С. 573–574.

²¹⁶ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 212.

²¹⁷ Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь. М., 1966. С. 62.

Близко к только что изложенному и мнение Л. В. Черепнина: «Татаро-монгольское войско двинулось к Новгороду, но, не дойдя до него 100 верст, повернуло обратно. Дальнейшему движению помешала, по-видимому, весенняя распутица, да и силы татаро-монгольских завоевателей были уже значительно подорваны, и они не могли рассчитывать на успех под укреплениями Новгорода».²¹⁸

²¹⁸ История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. М., 1966. Т. 2. С. 44.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.